

ДЖЕННИ НИММО

Чарли Бон

Annotation

Стоит обнаружить, что обладаешь необычными способностями – и прости-прощай спокойная жизнь. Именно в этом убедился Чарли Бон, который в один прекрасный день вдруг начал слышать, о чем разговаривают люди на фотографиях. Чарли начинает разматывать запутанный клубок семейных тайн и в результате оказывается в мрачной академии Блура.

В академии Чарли обзаводится не только новыми друзьями, но и новыми врагами. Тайны растут, как снежный ком, и мальчику остается только надеяться, что разгадка не будет стоить ему жизни...

- [Дженни Ниммо](#)

- [ПРОЛОГ](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Дженни Ниммо
Скелеты в шкафу

ПРОЛОГ

Давным-давно явился в северные края некий король. И прозвали его Алым королем, ибо он был облачен в красный плащ и на щите его красовался герб – пылающее солнце. Поговаривали, что родом король из самой Африки. Однако был он не только король, но и могущественный чародей, и каждый из десяти его детей унаследовал толику отцовского дара. Но когда супруга короля скончалась, пятеро его отпрысков встали на путь зла, а другие пятеро, спасаясь от сетей, раскинутых злыми братьями и сестрами, навсегда покинули королевский замок.

И тогда сердце короля разбилось от горя, и ушел он в лесные чащи на север своего королевства. Но отправился он в путь не один, потому что вслед за государем поспешили три его верных кота – очень больших кота, даже, скорее, леопарда. Помни о котах, читатель!

Бесчисленные и удивительные чары, которыми владел Алый король, перешли по наследству к его потомкам. И иной раз волшебный дар неожиданно проявляется у того, кто знать не знает, откуда ветер дует. Вот такая история и приключилась с мальчиком по имени Чарли Бон и с несколькими его новыми знакомцами под мрачной сенью академии Блура.

Глава 1

ЧАРЛИ СЛЫШИТ ГОЛОСА

В среду, часов в пять пополудни, Чарли Бон увидел дым – он как раз выглянул в окно. Над осенними деревьями поднималось темное облако дыма. Ветер относил облако к югу. Оно плыло по небу, как огромный кит.

Значит, где-то на другом конце города пожар. Чарли услышал, как воеет сирена пожарной машины, но и знать не знал, что пожар имеет к нему самое непосредственное и к тому же весьма таинственное отношение. И что скоро он попадет туда, где сейчас полыхает пламя.

Чарли спокойно уснул, а на другое утро отправился в школу. После уроков он, как обычно, пошел домой вместе со своим другом Бенджамином Брауном. Облако дыма давно исчезло, но на небе собирались тучи. Сердитый ветер нес по Филберт-стрит алые и золотые листья.

Бенджамин перешел улицу и двинулся к дому номер двенадцать. А Чарли зашагал к своему – номер девять. Большинство обитателей номера девять то и дело жаловались, как же им мешает большой каштан, возвышавшийся перед домом. От него в комнатах кромешный мрак, говорили они. Дерево совсем старое и гнилое, говорили они. А еще они говорили, что в один прекрасный день этот каштан рухнет и всех их раздавит. Ясное дело, никаких мер против каштана никто из обитателей номера девять не предпринимал. Жильцы ограничивались сетованиями и жалобами. Уж такое это было семейство. Точнее, уж такие это были семейства.

Чарли взбежал на крыльцо. Дерево вздохнуло и уронило ему на голову несколько каштанов. По счастью, густая пружинистая шевелюра Чарли смягчила удар. Какая-то польза от шевелюры все-таки есть, хотя и небольшая. Взрослые постоянно говорили Чарли, чтобы он привел себя в порядок и причесался, а попробуй причешишься, если у тебя волосы как колючий куст.

– Бабушки, я пришел! – крикнул Чарли из прихожей.

Бабушек в доме номер девять было две: бабушка Джонс, мама Чарлиной мамы, и бабушка Бон – мать его папы. Бабушка Джонс была

кругленькая, жизнерадостная и все время командовала. Бабушка Бон подавала голос, только когда была чем-то недовольна. Она почти не улыбалась, и рассмешить ее было невозможно. Волосы у нее были седые, густые, и носила она строгие длинные платья мрачных цветов – черные, коричневые и серые. Ничего яркого, в отличие от Мейзи, которая обожала розовый цвет. Второй бабушке, Джонс, нравилось, чтобы ее называли Мейзи. А вот к бабушке Бон Чарли в жизни бы не посмел обратиться по имени (ее звали Гризелда). Бабушка Бон любила напоминать всем и каждому, что в девичестве она носила фамилию Юбим. А Юбимы считались семьей родовой, и у них чуть ли не в каждом поколении было полным-полно всяких артистических личностей, а также удивительных талантов – гипнотизеров, ясновидцев и колдунов.

Чарли знал, что своей обыкновенностью разочаровал бабушку Бон до глубины души.

И что гораздо хуже (с точки зрения бабушки Бон), ему нравилось, что он обычный мальчик.

Когда Чарли приходил из школы, его всегда встречала Мейзи: звонко чмокала в щеку и тут же сажала за стол, где уже стояла полная тарелка чего-нибудь вкусного. Сегодня на лбу у Мейзи красовалась шишка. «Это все несносный каштан!» – объяснила она.

Бабушка Бон всегда сидела к кресле-качалке у плиты и наводила на что-нибудь критику – то бранила Мейзину стряпню, то негодовала, что Чарли лохматый. Но сегодня качалка пустовала. И это была первая неожиданность.

В субботу Бенджамину исполнялось десять, и Чарли решил подарить приятелю самодельную открытку вместо покупной. Для открытки он сфотографировал пса Бенджамина, Спринтера-Боба, с улыбкой во весь рот – точнее, с зубастым оскалом во всю пасть. Зубы у Спринтера-Боба были длинные и желтые.

Чарли попросил маму отнести фотографию в «Фотомиг», чтобы ее увеличили. На открытку он решил наклеить облачко – над головой у пса, – а в облачке написать «С днем рождения, Бенджамин!».

Вот-вот должна была произойти вторая неожиданность.

В начале пятого дверь распахнулась и вошла мама Чарли. В руках у нее был пакет перезрелых яблок и ревеня.

– Получится дивный десерт, – сказала она, поставив пакет перед Чарли и целуя его в кудлатую голову.

Эми Бон служила в зеленой лавочке, так что в доме номер девять фрукты и овощи не переводились.

Чарли отодвинулся от переспелых, пахнущих фруктов.

– Мам, а ты забрала мое фото? – спросил он.

Эми Бон покопалась в сумке, вытащила большой оранжевый конверт и положила его рядом с тарелкой сына.

Чарли открыл конверт и извлек... нет, это был не Спринтер-Боб. Ничего общего со Спринтером – Бобом.

И вот тут-то в кухню вплыла бабушка Бон. Она застыла в дверях, поправила воротничок, белоснежную прическу, разгладила строгую черную юбку. Вид у бабушки Бон был такой, точно она собиралась выполнить главную миссию своей жизни.

На фотографии, которую Чарли вытащил из конверта, был мужчина с маленьким ребенком на руках. Мужчина сидел на стуле с высокой спинкой. Лицо у него было длинное и скорбное, волосы – редкие и седые, а костюм – помятый и черный. Из-за толстых стекол очков казалось, будто взгляд у него какой-то стеклянный и отсутствующий.

Чарли все смотрел и смотрел на фотографию: он никак не мог убрать ее в конверт – глаза как приклеились к портрету. Голова у мальчика закружилась, а в ушах начались загадочные шумы – вроде того свиста, шуршания и бормотания, которые раздаются, когда пытаешься поймать по радио какую-то определенную станцию.

– Ой, – сказал Чарли. – Это... что? – Его собственный голос раздавался издали, как будто сквозь толщу тумана.

– Что-то не так, Чарли? – насторожилась мама.

– Что происходит? – очутилась рядом бабушка Бон. – Мне звонила тетя Юстасия. Ее опять посетило Предчувствие. В конце-то концов, ты настоящий Юбим или нет?

Мейзи покосилась на бабушку Бон. Чарли изо всех сил тряс головой и ковырял в ухе. Только бы этот невыносимый шум пропал! Ему пришлось чуть ли не кричать, чтобы расслышать самого себя:

– В фотографии перепутали снимки! Где Спринтер-Боб?

– Сынок, не надо так шуметь. – Мама перегнулась через его плечо и посмотрела на фото. – Да-а, уж это точно не пес.

– Ой-ой-ой, – заныл Чарли, но тут бормочущие голоса внезапно пробились сквозь свист и гул и зазвучали совсем отчетливо.

Сначала заговорил женский голос, тихий и незнакомый:

Зря ты это делаешь, Мостин, ах, зря.

Но ее мать умерла. У меня нет выбора.

Возражавший голос определенно принадлежал мужчине.

Очень даже есть.

Так что же, ты возьмешь ее к себе? – спросил мужчина.

Ты прекрасно знаешь – я не могу этого сделать, – отозвалась женщина. Чарли вскинул глаза на маму:

– Кто это сказал?

– Кто сказал что? – удивилась она.

– Здесь есть мужчина? – спросил Чарли. Мейзи хихикнула:

– Только ты, Чарли.

В плечо мальчику когтями впились чьи-то пальцы. Над ним нависала бабушка Бон.

– Живо говори, что именно ты слышал, – потребовала она.

– Голоса, – выдавил Чарли. – Наверно, глупость, но... они вроде как раздавались вот из этой фотографии.

Бабушка Бон кивнула:

– И что они говорили?

– Вы ведете себя нелепо, мадам Бон! – вмешалась Мейзи.

Та одарила ее испепеляющим взглядом.

– Ничего подобного, – отчеканила она.

Чарли заметил, что мама почему-то притихла. Она беззвучно придвинула себе стул и сидела молча, бледная и встревоженная.

Мейзи двинулась по кухне, бряцая кастрюльками и сковородками и во всеуслышание бормоча:

– И нечего потворствовать всей этой ерунде. Я не...

– Чшшш! – зашипел Чарли. Он услышал, как плачет младенец.

Тот незнакомый женский голос заговорил вновь:

Ты ее расстроил. Погляди в объектив, Мостин. И постарайся улыбнуться. А то у тебя слишком мрачный вид.

А чего бы ты хотела? – поинтересовался мужчина.

Фотоаппарат щелкнул.

Готово. Сделаем еще один снимок?

Поступай как знаешь.

В один прекрасный день ты мне еще спасибо скажешь, – проговорила женщина за кадром. – Если ты и впрямь решился, то ничего, кроме фотографии, у тебя на память о ней не останется.

Хм.

Тут Чарли заметил, что из-за стула, на котором сидел мужчина с младенцем, выглядывает кот. Кот был рыжий, и не просто рыжий, а необычайно рыжий. Как начищенная медь. Как пламя.

Откуда-то издалека до Чарли долетел мамин голос:

– Давай я отнесу фотографию обратно, а, Чарли?

– Нет, – прошептал Чарли. – Пока не надо.

Но похоже, фотографии больше было нечего ему поведать. Младенец жалобно хныкнул и замолк. Мрачный мужчина молча смотрел в объектив, а кот... кажется, кот мурлыкнул. Но Мейзи так грохотала кастрюльками, что заглушала все остальные звуки.

– Тише вы! – велела бабушка Бон. – Мешаете Чарли слушать!

– Ерунда, – буркнула Мейзи. – Я просто не понимаю, Эми, как ты можешь спокойно сидеть и терпеть чушь, которую несет твоя дорогая свекровь. Бедняжка Чарли! Он самый обыкновенный мальчик! Да у него нет ничего общего с этими чокнутыми Юбимами!

– В его жилах течет их кровь, – еле слышно произнесла мама Чарли. – Против этого ничего не возразишь.

Мейзи возражать не стала. Она сжала губы в ниточку.

Чарли был изрядно озадачен. Еще утром он считал себя самым обычным мальчишкой. Волшебная палочка его не касалась, и по голове он тоже не получал. Если не считать каштана, но каштан ведь спружинил. И током его, Чарли, не било, и с подножки автобуса он не шлепался. И отравленных яблок, насколько ему помнилось, тоже вроде не ел. И вот на тебе – он, Чарли, слышит голоса, которые издает листок фотографической бумаги.

Чтобы немножко успокоить маму, Чарли сказал:

– Да ну, это мне померещилось. Я... я все придумал.

Бабушка Бон надвинулась на него еще ближе и прошептала:

– Ночью держи ухо востро. После полуночи кое-что действует куда сильнее.

– К вашему сведению, после полуночи он будет спать, – тотчас вставила Мейзи, у которой слух был не хуже, чем у охотничьей собаки. – Ерунда все это.

– Ха! – парировала бабушка Бон. – Вы еще увидите! – И она выплыла из кухни, оставив после себя отчетливый запах нафталина и лаванды.

– Я ничего не слышал, – сказал Чарли, как только она скрылась.

– Точно? – встревоженно уточнила мама.

– Честное слово. Я просто хотел... хотел подразнить бабушку Бон. – Чарли пытался убедить не только маму, но и самого себя.

– Чарли, Чарли, ну что ты за проказник такой! – довольным голосом пожурела его Мейзи и с размаху обрушила тесак на кусок мяса.

Мама с облегчением выдохнула и развернула вечернюю газету. Чарли сунул фотографию обратно в оранжевый конверт. Почему-то он ужасно устал. Телик, что ли, посмотреть? Но скрыться он не успел – раздался звонок в дверь, а потом голос бабушки Бон в прихожей:

– Ах, это ты, Бенджамин Браун? Чарли на кухне. А этого своего немытого Гороха, будь так добр, оставь за дверью.

– Он не Горох, он Боб, – обиженно возразил голос Бенджамина. – И как я его оставлю за дверью? Погода ужасная.

– Собаки любят ненастье, – отчеканила бабушка Бон.

Бенджамина с псом впустили в кухню. Бенджамин был щуплый бледный мальчик с волосами цвета мокрой соломы, а Спринтер-Боб представлял собой длинномордого здоровенного пса с шерстью того же цвета. Почему-то другие мальчишки Бенджамина постоянно изводили – то таскали у него разные мелочи, то дразнили, то подставляли ножку. Чарли все старался ему помочь, но иной раз помогать и смысла-то никакого не было. На самом деле Чарли казалось, что Бенджамин в упор не замечает, как его дразнят. Он жил в своем собственном мире.

Почуяв запах мяса, Спринтер-Боб тут же ринулся под ноги к Мейзи, стараясь лизнуть ей щиколотку.

– Да отстань ты! – прикрикнула та, хлопнув пса по носу.

– Ты ведь придешь ко мне на день рождения? – спросил Бенджамин у Чарли.

– Ну конечно. – Чарли сразу почувствовал себя виноватым, что не приготовил открытку.

– Здорово! У меня как раз есть одна игра, там нужно два игрока.

Тут Чарли понял, что больше на день рождения у Бенджамина никаких гостей не ожидается. Ему стало еще тоскливее. Спринтер-Боб заскулил – будто догадался, что на поздравительной открытке ему не красоваться.

– Приду-приду, – сказал Чарли как можно бодрее.

Подарок он тоже приготовить не успел. Придется сгонять в магазин, прежде чем отправляться на поиски. Так, стоп, на поиски чего? Чарли показалось, что в голову ему навязчиво лезет какая-то мысль.

– Может, пойдем погуляем с Бобом? – с надеждой в голосе предложил Бенджамин.

– Ладно.

Мейзи еще что-то кричала им вслед насчет ужина, но Чарли с Бенджамином толком не расслышали, что именно, потому что за порогом бабушкины слова заглушил раскат грома, а в ушах у мальчиков завыл ветер. Спринтер-Боб жалобно взвизгнул – его стукнуло по носу каштаном. Бенджамин наконец заулыбался.

Мальчики и пес побрели против ветра. Листья летели им в лицо, цеплялись к одежде и путались в волосах. На улице Чарли сразу стало гораздо легче. Наверно, ему и впрямь почудилось. И никаких голосов он не слышал, просто вбил себе в голову всякую чушь и ерунду, а бабушка Бон его подначивала, чтобы вывести из себя Мейзи и маму.

– Полная ерунда! – радостно выкрикнул Чарли.

– Ага, всякой ерунды тут полно. И листьев, – согласился Бенджамин, решивший, что Чарли говорит это про мусор, летевший по улице.

– И ли-и-истьев! – пропел Чарли.

Навстречу ему на всех парусах неслась газета, и он выставил ногу, чтобы ее поймать. Но внезапный порыв ветра взметнул газету так, что она обернулась вокруг Чарли, как юбка. Он отодрал от себя газету, и тут в глаза ему бросилась фотография на первой странице.

Она изображала угрюмого юношу на крыльце мрачного серого здания. У юноши было худое, узкое лицо, а над тонкими губами пробивались усики. Длинные, расчесанные на пробор волосы были связаны в хвост.

– Это еще что? – заинтересовался Бенджамин.

– Не знаю, просто какой-то парень, – отозвался Чарли, вовсе не уверенный, однако, что это просто какой-то парень.

Бенджамин прочитал через плечо приятеля: «Семнадцатилетнего Манфреда Блура спасли вчера из огня во время пожара в академии Блура. По словам Манфреда, он чудом остался в живых».

– Нет, – едва дыша, сказал Чарли.

– В каком смысле – нет? – удивился Бенджамин.

– Ничего такого он не говорил, – прошептал Чарли и вдруг сполз наземь, проехавшись спиной по стене. Газету он держал в вытянутой руке – такое отвращение ему внушали слова, которые ползли с фотографии.

Кое-кто за это еще заплатится.

– А как ты?.. – начал было Бенджи.

– Тихо ты, Бен! – прикрикнул на него Чарли. – Я слушаю.

– Что слушаешь?

– Цыц!

Чарли впился взглядом в фотографию Манфреда, и в ушах его зазвучал нестройный хор выкриков и возгласов, сквозь который пробился женский голос:

Манфред, ты кого-то обвиняешь в случившемся?

И еще как обвиняю, – отвечал сипловатый юношеский голос.

А почему ты думаешь, что происшедшее – не случайность?

Потому что я не дурак, вот почему, – отозвался сипловатый голос.

В разговор вмешался какой-то мужчина:

А пожарные сказали, что все из-за свечи, которую сбilo ветром.

Разве ты не веришь этому объяснению?

ДОВОЛЬНО! Кому бы ни принадлежал этот голос, он был столь гулок и страшен, что Чарли выронил газету. Ее тут же закрутило ветром и унесло в канаву.

– Чарли, да что происходит? – испуганно спросил Бенджамин.

Чарли набрал в грудь воздуху.

– Я слышу голоса, – выдавил он.

– Ой, мамочки. – Бенджамин плюхнулся рядом. Спринтер-Боб плюхнулся рядом с хозяином. – Какие такие голоса?

Никогда в жизни Бенджамин ни на что не говорил «какая чушь». Он относился к жизни очень серьезно, и иной раз это приходилось

кстати.

Чарли поведал приятелю о том, как Спринтера-Боба перепутали с фотографией мужчины и младенца.

– Я хотел подарить тебе необычную открытку, – вздохнул Чарли. – Теперь уж не получится. Извини.

– Да ну, не огорчайся, – отмахнулся Бенджамин. – Давай рассказывай дальше про фото.

И Чарли рассказал, как услышал голоса, посмотрев на мужчину с младенцем. И еще – что даже разобрал, как хнычет младенец и, кажется, как мурлычет кот.

– Вот это да... – выдохнул Бенджамин.

– Я заставил себя поверить, что все это выдумал, – сознался Чарли, – но потом как увидел газету, оно все опять началось. Я слышал, как журналисты расспрашивают этого парня с первой страницы. И его голос тоже слышал. По-моему, он коварный и злоющий. А потом кто-то как рывкнет «довольно!», и, честное слово, хуже голоса я в жизни не слышал.

Бенджамин передернулся, а Спринтер-Боб даже заскулил из сочувствия.

Мальчики сидели бок о бок на мокром тротуаре и понятия не имели, что же им делать дальше. Ветер швырялся в них листьями. Вдалеке то и дело прокатывался гром.

Начал накрапывать дождь. Пес ткнул Бенджамина носом и требовательно твякнул. Он терпеть не мог мокнуть.

Оглушительный раскат грома ударил совсем рядом, и тут перед мальчиками возник какой-то человек в темном дождевике. Промокшие черные волосы прядями прилипли у него ко лбу.

– Дождь начинается, – провозгласил он. – Вы что, не заметили?

Чарли поднял глаза.

– Дядя Патон! – изумился он.

Дядя Патон был младший брат бабушки Бон, на двадцать лет ее младше, и ладили они скверно. Патон жил своей особой тайной жизнью и даже ел отдельно. А главное, он никогда не показывался на улицу днем.

– Тебя ждут дома, – сообщил он Чарли.

Мальчики поднялись, разминая затекшие ноги.

Итак, только что произошла третья неожиданность. Было еще светловато, чтобы дядя Патон совершил вылазку на люди.

«Интересно, что стряслось, если он отважился на такой поступок?» – задумался Чарли.

Глава 2

ТЕТУШКИ ЮБИМ

Угнаться за дядей Патоном оказалось не так-то легко. Он мчался сквозь непогоду, будто на ногах у него были сапоги-скороходы.

– Никогда не видел, чтобы твой дядя показывался на улице днем, – пропыхтел Бенджамин. – Чудак он, верно?

– Вроде того, – неохотно согласился Чарли, который вообще-то своего чудаковатого дядюшки несколько стеснялся. Пришлось прибавить скорость – дядя Патон уже поднимался на крыльцо дома номер девять.

Бенджамин отставал все больше.

– Твое семейство что-то затевает, – крикнул он. – Но на день рожденья-то ты придешь, да?

– Что бы ни случилось, – пообещал Чарли, нагоняя дядю.

– Никаких собак, – отрезал дядя Патон, когда запыхавшийся Бенджи и с ним Спринтер-Боб подбежали к крыльцу.

– Ну пожалуйста! – взмолился Бенджамин.

– Только не сегодня. У нас семейный совет, – строго сказал дядя Патон. – Ступай домой.

– Ладно. Тогда пока, Чарли. – И Бенджамин потрусил прочь, а за ним – понурый Спринтер-Боб, повесив уши и хвост.

Дядя Патон втолкнул Чарли в кухню, а сам ретировался на второй этаж.

Мама Чарли и обе его бабушки сидели вокруг кухонного стола. У Мейзи вид был расстроенный, зато по лицу бабушки Бон блуждала плохо скрываемая торжествующая улыбочка. А мама нервно помешивала кофе в чашке. Зачем она это делала, Чарли понять не мог, – мама всегда пила кофе без сахара.

– Присядь, Чарли, – велела бабушка Бон, как будто собиралась устроить представление специально для внука.

– Не позволяй этим Юбимам забивать тебе голову! – прошелестела Мейзи, похлопав Чарли по руке.

– А в чем дело? – спросил Чарли.

– К нам идут тетушки Юбим.

– Зачем? – удивился он.

Тетушками Юбим называли трех незамужних сестер бабушки Бон. Обычно Чарли виделся с ними раз в году, на Рождество, и постепенно пришел к выводу, что они в нем разочарованы до глубины души. Тетушки неизменно дарили престранные подарки: этюдники, музыкальные инструменты, маски и парики, а один раз даже набор «Юный химик». И ни один из этих подарков Чарли толком не пригодился. Он куда больше любил футбол и телевизор. В этом-то и заключалось все дело.

Бабушка Бон перегнулась через стол и таинственно блеснула глазами.

– Мои сестры нанесут нам визит, чтобы оценить твои способности, Чарли. И если окажется, что ты и впрямь способный – точнее, как я уверена, что ты особо одаренный, – тогда они окажут необходимое финансовое вспоможение для твоего будущего обучения в академии Блура.

– Меня? В академию Блура? – Чарли отшатнулся от бабушки. – Да там одни гении учатся!

– Не волнуйся, милый. Ты не сдашь экзамен, – успокоила его Мейзи. Она поднялась и засновала по кухне, ворча: – Ну конечно, а все приготовления к визиту наших леди Фу-ты-ну-ты должна брать на себя старушка Мейзи, кто ж еще! И почему это я обязана выкладываться?

Мама объяснила Чарли, что предстоит торжественный обед – для тетушек. А значит, из кладовки на свет божий будут извлечены лучшие приборы, самые тонкие бокалы и фарфор, а стол накроют в холодной столовой, которую отпирали только по случаю визитов тетушек. По этой же причине Мейзи на предельной скорости готовила курицу и рыбу и еще какую-то снедь.

Не будь Чарли абсолютно уверен, что не сумеет выдержать экзамен, он бы, пожалуй, забеспокоился. Но Чарли прекрасно помнил, каким провалом окончилась жалкая попытка написать для тетушек пейзаж на подаренном этюднике. И как он пробовал освоить скрипку, флейту, пианино и арфу. И как надевал все дареные маски – звериные, пиратские, клоунские... даже инопланетян. Однако все равно оставался Чарли Боном. В конце концов тетушки вынесли вердикт: мальчик безнадежен.

Вот потому-то в ожидании появления тетушек Чарли волновался гораздо меньше, чем следовало.

Зато Бенджамин волновался за двоих. Чарли был его лучшим другом, его единственным другом. И все, что касалось Чарли, касалось и Бенджамина. Над головой у Чарли собирались грозовые тучи. Бенджамин занял позицию на подоконнике и вел наблюдение за домом Чарли. Когда стемнело и на улице загорелись фонари, по всему дому стали зажигаться огни – и в подвале, и на чердаке, и во всех остальных окнах. Что там такое творится?

Между тем ветер крепчал. После каждой вспышки молнии сразу же следовал раскат грома. Значит, гроза была совсем рядом. Бенджамин вцепился в Спринтера-Боба, а здоровенный пес спрятал голову ему под мышку.

Теперь на улице не было ни души, если не считать три таинственные темные фигуры. Они неуклонно продвигались вперед, и из-под черных зонтиков виднелись только подола плащей да туфли – две пары черных и одна – красная. Они шли против ветра, будто его и не было, – плавно, словно исполняя какой-то зловещий танец под тремя черными зонтиками. У каштана, как и опасался Бенджамин, три фигуры замедлили шаг, а потом взошли на крыльцо Чарлиного дома.

Бенджамин впервые в жизни оценил счастье быть самим собой, а не Чарли Боном.

А в доме номер девять уже накрыли парадный стол и в камине тлели сырые поленья. Когда в дверь позвонили, Чарли было велено открыть гостям. Троица тетушек на всех парах всплыла в дом и затопала по плитчатому полу, отряхивая мокрые зонтики. Три плаща пролетели через прихожую и обрушились на Чарли, как будто он был вешалкой.

– Пошевеливайся же, мальчик, – скомандовала тетушка Лукреция погребенному под мокрыми плащами племяннику. – Да поосторожнее, это настоящий молескин, не какая-нибудь там дешевка.

– Ну-ну, зачем так строго, Лукреция, – пропела тетушка Юстасия. – Чарли собирается поделиться с нами кое-каким секретом, да, душенька?

– М-хм-хм, – промямлил Чарли.

– Не надо конфузиться, – нависла над Чарли младшая из сестер, тетушка Венеция. – Мы жаждем знать все, решительно все!

– Юбимы, милости прошу! Милости прошу сюда! – воззвала бабушка Бон из недр столовой.

Сестрицы вплыли в двери столовой по старшинству – сначала Лукреция, потом Юстасия, потом Венеция. Они взяли по рюмочке шерри из рук бабушки Бон и столпились вокруг с трудом разгоравшегося камина, расправляя забрызганные юбки и приглаживая пышные прически: белоснежную у Лукреции, серо-стальную у Юстасии, а у Венеции – все еще черную, как вороново крыло.

Чарли поспешно попятился и направился в кухню, где мама с Мейзи суетились у плиты.

– Чарли, отнеси-ка в столовую суп, – попросила мама.

Чарли вовсе не хотелось оставаться наедине с тетушками, но мама выглядела такой замученной и запаренной, что он послушался.

Супница весила чуть ли не тонну. Чарли всей кожей чувствовал, как пристальные блестящие глаза тетушек наблюдают за его продвижением по столовой. Он сгрузил супницу на салфетку и помчался за тарелками, не давая бабушке Бон возможности посетовать на каплю супа, пролившуюся на скатерть.

Когда все наконец было готово, бабушка Бон зазвонила в колокольчик. Глупости какие, рассердился Чарли, можно подумать, никто не заметил, что стол накрыт.

– А колокольчик нам зачем? – спросил он.

– Традиция, – отрезала бабушка Бон. – К тому же у Патона слабое обоняние.

– Но дядя Патон всегда ел отдельно!

– Сегодня, – с нажимом объявила бабушка Бон, – он обедает с нами.

– Приговор обжалованию не подлежит, – высказалась Мейзи, но ее саркастическая усмешка почти сразу исчезла под пристальным взглядом четырех сестриц.

Дядя Патон вышел к столу с крайне раздраженным видом, и обед начался. Мейзи старалась как могла, но десять минут – слишком короткий срок, чтобы успеть приготовить что-то мало-мальски съедобное. Поэтому суп оказался пересолен, курица подгорела, а бисквит имел такой жалкий вид, как будто его предварительно топили в сиропе. Впрочем, никто ни на что не сетовал. Тетушки кушали от души – только ложки и вилки мелькали.

Мейзи и мама убрали со стола. Чарли с дядей Патоном помогали им. Итак, сейчас должно было начаться то самое испытание. Маме, к немалому удивлению Чарли, на нем присутствовать не позволили.

– Я туда без тебя не пойду! – заупрямился он. – Ни за что!

– Чарли, ты должен! – взмолилась мама. – Ведь тетушки нас содержат! У меня нет ни гроша за душой!

– В толк не возьму, зачем тебе надо, чтобы Чарли учился в этой дурацкой академии, – возмущалась Мейзи.

– Ради его отца, – сказала мама. Мейзи в ответ только поцокала языком и больше не произнесла ни слова.

Но ведь папа умер, так при чем тут он, удивился Чарли, но нечего было и надеяться, что мама объяснит.

Мама слегка подтолкнула его к дверям столовой, и – что поделаешь! – он вошел.

– Я хочу, чтобы мама была тут, – сразу же заявил Чарли. – А то ничего делать не буду.

– Маленькому сыночку подавай мамочку, – проворковала тетушка Венеция.

– Мальчик, который не может без мамы, – дитя малое. Пора повзрослеть, Чарли, – сурово изрекла тетушка Лукреция. – Это дело касается только рода Юбимов. Посторонние нам ни к чему.

Именно в этот миг дядя Патон попытался ускользнуть, но старшая из тетушек пресекла эту попытку в зародыше.

– Патон, ты тоже нужен. В кои-то веки исполни свой долг!

Дядя Патон неохотно опустился на указанный ему стул.

Чарли велели сесть напротив четырех тетушек, а дядя Патон устроился в торце стола. Интересно, как они будут проводить испытание, подумал Чарли. Музыкальных инструментов не видать, масок и этюдников на столе вроде тоже нет. Тетушки ждали. Они пристально изучали его.

– Почему у него такие волосы? – процедила тетушка Лукреция.

– Влияние со стороны матери, – пояснила бабушка Бон. – Валлийская кровь.

Говорит так, будто меня тут и нет! – подумал Чарли.

– Ах вот оно что! – И три тетушки неодобрительно завздыхали.

Тетушка Лукреция порылась в большом кожаном ридикюле и наконец извлекла пакет коричневой бумаги, перевязанный черной

ленточкой. Она потянула за ленточку, и оказалось, что в пакете целая пачка старых фотографий.

Бабушка Бон подтолкнула пакет к Чарли, так что фотокарточки веером рассыпались по столу.

– И что мне со всем этим делать? – уныло спросил Чарли, который прекрасно представлял, каких именно действий ждут от него тетушки.

Тетушки одарили его ободряющими улыбками.

Чарли понадеялся, что ничего не произойдет. Ну пожалуйста, пусть он просто быстренько глянет на эти выцветшие фотки и отведет глаза прежде, чем раздадутся голоса. Ну пожалуйста! Однако стоило Чарли посмотреть на фотографии – и он тотчас услышал, какой шум подняли изображенные на них люди. Они вовсю играли на скрипках, виолончелях, пианино. Они танцевали, пели, хохотали. Чарли старательно сделал вид, будто ничего не слышит. Он попытался отпихнуть фотографии подальше – обратно к тетушке Лукреции. Но она подтолкнула всю пачку к нему.

– И что же ты слышишь, Чарли? – спросила бабушка Бон.

– Ничего, – выпалил мальчик.

– Ах, Чарли, пожалуйста, постарайся, – сладким голосом пропела тетушка Венеция.

– И смотри – не врать! – пригрозила тетушка Юстасия.

– А не то плакать тебе горячими слезами, – ощерилась тетушка Лукреция.

Тут Чарли разозлился. Еще не хватало – плакать! Никто его до слез не доведет.

– Ничего мне не слышать. – И он опять отпихнул фотографии.

– Я ничего не слышу. – Тетушка Лукреция подвинула фотографии обратно. – Надо говорить «я ничего не слышу», а не «не слышать». Говори грамотно, мальчик. Тебя что, никто ничему не учил?

– Ему совершенно определенно требуется обучение в академии, – высказалась тетушка Юстасия.

– Чарли, будь пайнкой, посмотри на эти фотографии хотя бы на секундочку, – заворковала тетушка Венеция. – На одну крошечную, коротенькую секундочку, и, если ничего не произойдет, мы оставим тебя в покое и просто... – она поиграла длинными белыми пальцами, – исчезнем как не бывало.

– Ладно, так уж и быть, – пробурчал Чарли.

Справлюсь как-нибудь, решил он. Просто посмотрю на фотографии, а от звуков отключусь. Но план не сработал. На него нахлынула какофония, состоявшая из аккордов музыки, из пения и взрывов хохота. Шум заполнил комнату. Тетушки что-то говорили Чарли, но он только видел, как извиваются их губы, и ни слова не мог разобрать сквозь галдеж, который подняли фотографии.

Наконец Чарли не выдержал – он сгреб фотокарточки и перевернул их все лицом вниз. Наступила блаженная тишина. Тетушки с безмолвным торжеством не сводили с Чарли взора.

Первой подала голос тетушка Венеция:

– Ну, не так уж и плохо было, а, Чарли?

Они меня провели, смекнул Чарли. Обманули! И тут же решил, что в дальнейшем с тетушкой Венецией надо будет держать ухо востро. Ясное дело, она куда коварнее сестриц.

– Кстати, а кто они все? – несчастным голосом спросил Чарли.

– Это твои предки, Чарли, – сообщила тетушка Лукреция. – В жилах всех этих людей текла кровь рода Юбимов. Как течет она в твоих, мой умничка. – Теперь она разговаривала с Чарли совсем иначе. Правда, благожелательная тетушка Лукреция была еще пострашнее лукавой тетушки Венеции.

– Можешь идти, Чарли, – объявила бабушка Бон. – Нам надо кое-что обсудить относительно твоего будущего.

Упрашивать Чарли не пришлось. Он вскочил и ринулся к двери, успев на бегу глянуть на дядю Патона. Тот сидел с печальным, отсутствующим видом, но теперь быстро улыбнулся Чарли и тотчас отвел глаза.

Интересно, почему он и слова не вымолвил все это время, озадачился Чарли.

Он помчался на кухню, где изнывали от нетерпения мама с Мейзи.

– Похоже, я прошел проверку, – мрачно сообщил он.

– Вот горе-то, – отозвалась Мейзи. – Я-то думала, все обойдется и ты проскочишь. Что, голоса, да?

Чарли горестно закивал.

– Ох уж мне эти несносные Юбимы! – покачала головой Мейзи.

А вот мама если и расстроилась, то не очень.

– Академия тебе пригодится, – обнадежила она сына.

– Ничего она не пригодится, – пробурчал Чарли. – Не хочу туда. Душное заведение для одних гениев. Я не подойду. И ездить туда через весь город, и я там никого не знаю. Мам, а если я откажусь?

– Откажешься? Но... тогда мы останемся без всего этого. – И мама неопределенным жестом обвела кухонные шкафчики.

Чарли оцепенел. Тетки что, еще и ведьмы? Махнут палочкой – или зонтиком – и дом тут же исчезнет?

– Ты хочешь сказать – дом пропадет? – выдавил он.

– Не совсем, – вздохнула мама. – Но существование наше резко переменится. Ведь у нас с Мейзи ничего нет. Ни гроша. Когда твой отец, Лайелл, умер, мы стали полностью зависеть от Юбимов. Они нас обеспечивают – купили дом, платят по счетам. Так что извини, Чарли, но раз тетушки так желают, тебе придется поступить в академию.

На Чарли навалилась страшная усталость.

– Ладно, – уронил он. – Пойду я спать.

Он совсем позабыл про оранжевый конверт, но, стоило ему переступить порог своей комнаты, сразу увидел его на подушке. Наверно, мама вовремя убрала его подальше от нагромождений посуды и еды на кухне. Чарли решил больше не доставать фотографию мужчины с младенцем: «Завтра пойду в «Фотомиг», отдам обратно, может, они мне вернут Спринтера-Боба».

Когда мама заглянула к нему пожелать спокойной ночи, Чарли упросил ее присесть на край постели и стал расспрашивать. Он просто обязан был выяснить кое-что о собственной персоне, прежде чем соваться в академию Блура.

– Я хочу знать, что произошло с папой, – потребовал он. – Расскажи еще раз.

– Чарли, я уже сто раз тебе об этом рассказывала. Стоял туман, папа устал. Он съехал с шоссе, и автомобиль рухнул в заброшенный карьер... на стометровую глубину.

– А почему у нас нет его фотографий? Ведь ни одной же!

Мамино лицо омрачилось.

– Фотографии когда-то были, – тихо сказала она. – Но однажды в мое отсутствие они все разом исчезли. Даже самая крошечная, из медальона.

Чарли услышал это впервые.

– Но почему? – удивился он. Наконец мама не выдержала и раскрыла ему всю правду о семействе Юбим. Они пришли в ужас, когда Лайелл влюбился в нее, Эми Джонс, самую обыкновенную девушку, лишенную каких бы то ни было талантов. Одним словом, без особых дарований.

И тогда Юбимы запретили им пожениться. Древними и суровыми были законы семейства: женщины из рода Юбим могли выбирать в мужа кого заблагорассудится, но мужчинам вменялось в обязанность жениться только на особо одаренных девушках. А Лайелл посмел нарушить закон. И сбежал с Эми в Мексику.

– Мы провели чудесный медовый месяц, – вздохнула мама. – А когда вернулись домой, Лайелл стал сам не свой – я это чувствовала. Он все время тревожился, шарахался от каждого шороха. А потом, как-то туманным вечером, – тебе тогда было два годика – ему позвонили и вызвали. Бабушка Бон захворала, и ему нужно было срочно к ней ехать. Он прыгнул в машину и помчался и... угодил в каменоломню. – Мгновение мама смотрела в никуда, потом прошептала: – В тот день Лайелл был будто не в себе. С ним что-то стряслось. Точно на него заклятье наложили.

Она стерла со щеки маленькую блестящую слезинку.

– По-моему, бабушка Бон его ничуть не любила, – продолжала мама. – Поскольку речь шла о семейной чести, Юбимы отнеслись к его гибели просто... просто как будто кончилась какая-то неудачная история. Но они заинтересовались тобой, Чарли. А вдруг окажется, что ты особо одаренный? И Юбимы решили обеспечивать тебя, пока вопрос не разъяснится. Потому-то они и купили этот дом и пустили сюда Мейзи. А потом въехала бабушка Бон – чтобы следить за нами. Вскоре после нее въехал дядя Патон, но он-то... в общем, думаю, ему просто некуда было больше податься. Конечно, я была благодарна Юбимам за все, что они сделали, но только пока... пока фотографии не пропали. Этого я просто понять не могла. Бабушка Бон, конечно, утверждала, что она к ним и близко не подходила.

Чарли слушал маму очень внимательно, но одновременно лихорадочно соображал.

– Я знаю, почему фотографии исчезли, – прошептал он. – Бабушке Бон не хотелось, чтобы я расслышал то, что мог сказать папа.

– Сынок, но тебе же было всего два года от роду, – возразила мама. – Она и понятия не имела, что у тебя есть эта странная способность – слышать голоса.

– Она догадывалась, – еще тише прошептал Чарли. – Наверно, у меня это наследственное.

Он был так серьезен, что мама заулыбалась. Потом поцеловала его на сон грядущий и велела не волноваться из-за Юбимов.

– И насчет академии Блура тоже не тревожься, – добавила она. – В конце концов, твой папа тоже там учился.

– А талант у него был? – тотчас спросил Чарли.

– Конечно, – с порога отозвалась мама. – Только совсем в другом роде. Он не принадлежал к особо одаренным, Чарли. Он был музыкант.

Мама уже давно скрылась, а Чарли все никак не мог уснуть. В голове гудели сотни, тысячи мыслей. Не очень-то приятно было думать, что ты из такой необычной семьи. Хорошо бы разузнать побольше. Как можно больше. Только вот с чего начать? Может, дядя Патон ответит кое на какие вопросы. Он вроде не такой черствый, как тетушки.

Гроза давно прекратилась. Дождь умолк. Ветер стих, и часы на колокольне пробили полночь. И внезапно у Чарли захватило дух. С ним творилось что-то странное, что-то небывалое. Ему казалось, что он вот-вот умрет. Или не умрет? Он подумал о Лайелле – о своем отце, которого совсем не помнил.

Потом страшный миг миновал, *это* прошло, но теперь сна у Чарли не было ни в одном глазу. Через несколько минут он услышал, как скрипит лестница под ногами дяди Патона, спускавшегося в кухню подкрепиться. Чарли с самого младенчества привык просыпаться от дядиного ночного шебаршения. Обычно мальчик просто переворачивался на другой бок и мирно засыпал. Но сегодня он вскочил с постели и проворно оделся.

Когда дядя вышел за порог, Чарли тихонечко прокрался по лестнице и последовал за Патоном. Вообще-то ему давно хотелось это проделать, только вот духу не хватало. Но сегодняшняя ночь была особенной. Чарли распирало от энтузиазма. Дядя шагал быстро, так что, когда Чарли беззвучно прикрыл за собой входную дверь, Патон

уже сворачивал за угол. Чарли поспешил за ним, прижимаясь к стенам домов.

Тут Патон остановился – и обернулся. Чарли скользнул в тень. Улица, на которую свернули ночные путники, освещалась небольшими белыми фонариками, похожими на колокольчики. Их огни гляделись в свои размытые отражения в мокром булыжнике. Деревья здесь росли как будто гуще, чем на прочих улицах, а дома были выше. Таинственным и тихим казалось это место.

Патон Юбим вновь тронулся в путь, но если раньше он шагал целеустремленно и размеренно, то теперь шел не спеша, без всякой цели. Так что вскоре Чарли, перебежавший от дерева к дереву, почти нагнал дядю.

В ушах у Чарли свистел обжигающе-холодный ночной ветер. Хотелось бы мне знать, какой толк выйдет из этой полночной прогулочки, подумалось Чарли. В конце концов, дядя Патон не превращался ни в оборотня, ни в вурдалака. Может, ему просто по душе бродить в темноте. Чарли уже был готов потихоньку повернуть домой, но тут вдруг дядя остановился. Он замер примерно в метре от фонарного столба и принялся издавать какое-то загадочное гудение. Собственно говоря, даже и не гудение – слышать его Чарли не мог. Скорее это было ощущение гудения – точно воздух, окружавший дядю Патона, наполнился беззвучной музыкой.

А лампочка в фонаре почему-то стала разгораться все ярче и ярче и засветилась так ярко, что у Чарли глаза заболели, а потом раздалось негромкое «крак!», стекло разлетелось и осколки посыпались на брусчатку.

Чарли чуть не вскрикнул. Он старательно протер глаза. Наверно, совпадение. Просто так получилось – дядя стоял подле фонаря, и тут произошел скачок напряжения, лампа раскалилась, вот стекло и не выдержало.

Патон двинулся дальше, и Чарли последовал за ним, прячась за деревьями. Поравнявшись со следующим фонарем, дядя опять замедлил шаг, но на этот раз фонарь хоть и разгорелся, Патон прошел мимо, прежде чем лампа успела взорваться.

А потом дядя Патон, не оборачиваясь, спросил:

– А почему это ты за мной идешь?

Глава 3

ОГНЕННЫЕ КОТЫ

Чарли застыл. Неужели дядя его заметил? Быть того не может! Но дядя повторил вопрос:

– Чарли, зачем ты за мной пошел? Тебе что, друг мой, не спится?

Чарли выступил из-за дерева.

– А как вы узнали? – шепотом поинтересовался он.

Вот тут-то Патон и обернулся:

– Глаз на затылке у меня нет – ты ведь об этом подумал?

– Ничего такого я не думал, – возразил Чарли. – Но как вы догадались?

– Мальчик мой, я заметил тебя, когда сворачивал за угол. По правде говоря, я именно этого и ожидал. Я полагал, что ты вряд ли сможешь уснуть после такого кошмарного вечера. – Патон изобразил невеселую улыбку.

– Так это и есть ваш особый дар, да, дядя Патон? – решил Чарли. – Взрывать лампочки?

– Душераздирающее зрелище, верно? И какая, позволь спросить, с этого польза? Мне жаль, что ты застал меня за этим занятием. – Патон оглядел свои худые пальцы. – Пойдем, надо отвести тебя домой. Мне на сегодня определенно хватит. – Он взял Чарли за руку, и они двинулись в обратный путь.

Теперь Чарли смотрел на дядю новыми глазами. Еще бы – мало кому удастся взорвать лампочку одной лишь силой собственного присутствия. Вообще-то на памяти Чарли ни одного подобного человека просто не было. А ведь фонари играли в жизни города немалую роль. Дядя Патон мог бы как следует потешиться в центре – там на каждом углу, на каждой стене сверкали разноцветные огни.

– А скажите, вы... вы когда-нибудь устраивали... ну вот как сейчас, но там, где много лампочек сразу? – решил Чарли. – Ну, в каком-нибудь таком месте, где полно театров, и дискотек, и кино?

Сначала он подумал, что дядя предпочтет не отвечать вообще. Эх, зря я с вопросом сунулся! И тут дядя Патон пробормотал:

– Было дело. Как-то раз, давным-давно, я учинил это для знакомой барышни.

– Ух ты! И как – она впечатлилась?

– Убежала она, – печально поведал дядя Патон. – И больше никогда и словом со мной не обмолвилась.

– А... ясно. А может, вам лучше гулять днем, а, дядя Патон? Спокойнее, и лампочек вокруг меньше.

– Да ты что, шутишь? – мрачно откликнулся дядя Патон. – Днем лампочки везде. В каждой витрине их полным-полно. И потом, днем меня могут заметить. Кроме того, ночной образ жизни вошел у меня в привычку. Я терпеть не могу день, и соваться на дневной свет не намерен.

Так они добрались до дома номер девять, и Чарли поскорее забрался в постель, пока никто из домашних не проснулся. Уснул он почти сразу. Ему снилось, что дядя Патон разжигает звезды все ярче и ярче, будто они – лампочки. Под конец все звезды на небе вспыхнули и взорвались, как целый фейерверк.

Утром, едва Чарли открыл глаза, у него противно засосало под ложечкой. Хочешь не хочешь, а совсем скоро ему придется идти в академию Блура. При одной мысли об этом его мутило. За завтраком он с трудом впихнул в себя одну-единственную гренку, а к яичнице с беконом, которую поставила перед ним Мейзи, даже притронуться не смог.

– Волнуется, бедный ребенок. Да, солнышко? – завохтала Мейзи. – Ох уж мне эти Юбимы! И зачем тебе ходить в эту противную школу? Ну ничего, мы купим тебе шоколадку и ты сразу взбодришься.

Бабушки Бон в кухне не было. Завтрак она всегда кушала у себя в комнате. А дядя Патон, насколько было известно Чарли, подкреплялся исключительно по ночам.

Чарли посмотрел на маму – она о чем-то глубоко задумалась и вид у нее был отсутствующий.

– А форму мне надо будет носить? – спросил он.

Мама встрепенулась.

– Да-да, синий плащ, – отозвалась она. – Музыканты в академии носят синее. Сапфировый оттенок, прелестный цвет.

– Но я же не музыкант, – возразил Чарли.

– Строго говоря, нет, – согласилась мама. – Но специального отделения для твоего дара у них нет, Чарли, так что тебя зачислили на музыкальное. Как и твоего отца.

С музыкой у Чарли никогда не ладилось, и он насупился:

– А когда мне идти в эту дурацкую академию?

– Через две недели.

– Так скоро?! – Чарли пришел в ужас. – Прямо в середине четверти? Я думал, я пойду туда только после Рождества!

– Мне очень жаль, сынок, – виновато сказала мама. – Но Юбимы решили, что так будет лучше всего. Сказали, нельзя терять ни секунды, раз ты... раз теперь они точно уверены.

– Бедный мальчик, – пробормотала Мейзи.

За окном опять заморосило, и Мейзи закуталась в дождевик, а мама сняла с вешалки зонтик – плащи она не любила.

– Мы недолго – просто пройдемся по магазинам, – сказала она. – Хочешь, я отнесу фотографию обратно?

Чарли уже почти успел забыть про открытку для Бенджамина. Но почему-то отдавать таинственную фотографию прямо сейчас ему расхотелось.

– Нет, не надо. А ты купишь деньрожденную открытку для Бенджамина? Пожалуйста! Я подумал и решил – мне что-то совсем не хочется делать открытку со Спринтером-Бобом.

Как только Мейзи с мамой удалились, Чарли помчался наверх – за оранжевым конвертом. Он едва успел извлечь фотографию, как раздался звонок в дверь. Но открывать никто не спешил. Видимо, бабушки Бон дома не было, потому что дядя Патон днем даже к телефону не подходил, не то что к дверям.

По-прежнему с фотографией в руке Чарли распахнул дверь.

На пороге стоял очень странный человек. А у ног его терлась троица еще более странных котов – громадных и прямо-таки огненного цвета.

– Комшарр и Огнецы, – представился человек. – Уничтожение грызунов. – Он вытащил из кармана мохнатого пальто визитную карточку.

– Кошмарр? – переспросил Чарли.

– Ничего подобного. Совсем наоборот, – поправил его человек. – Комшарр. Орвил. Орвил Комшарр. – И он улыбнулся Чарли во все свои

тридцать два острых сверкающих зуба. – Насколько я понимаю, у вас тут возникла небольшая проблема. Мыши одолели? – И он одним скачком перенесся за спину Чарли.

– Не знаю... – Мальчик растерялся. Ему было строго-настрого запрещено пускать в дом незнакомых людей, но этот незнакомец уже вошел. – А вас кто-нибудь вызывал?

– Кое-что меня вызвало. Пока что я не могу открыть вам, что именно, – отвечал Комшарр. – Вряд ли вы мне поверите.

– Да ну? – Чарли заинтересовался. Коты проскользнули вслед за мистером Комшарром и теперь кружили по прихожей. Размеры они были необычайного, да и расцветки тоже: первый кот – медно-рыжий, второй – ярко-оранжевый, а третий – ослепительно желтый. Медный кот, похоже, знал Чарли. Он встал на задние лапы перед кухонной дверью, а передними затеребил дверную ручку.

– Терпение, Феникс, – урезонил его мистер Комшарр. – Тебе давно пора научиться.

Коту удалось нажать на ручку двери. Та распахнулась, и медный кот влетел внутрь, а за ним – двое других.

– Приношу свои извинения, – склонил голову мистер Комшарр. – Феникс у нас излишне горяч. Везувий тоже довольно бесцеремонный малый, зато Саламандр – сама воспитанность. Прошу меня простить, я должен за ними приглядеть.

Чарли и глазом не успел моргнуть, как мистер Комшарр просочился мимо него и скользнул в кухню, покрикивая:

– Огнецы, смотрите не подведите. Делайте свое дело как следует.

Коты между тем сновали около кладовки. Чарли вспомнил про переспелые фрукты. Он решил помочь котам, чтобы не ломились в кладовку, и распахнул дверцу.

Поднялся шум, писк и возня. В кладовке явно было полно мышей. Впрочем, совсем скоро их там не стало. Коты вытаскивали из кладовки одну мышь за другой и выкладывали вдоль стены ровненьким, аккуратненьким рядом.

Чарли попятился. Он даже не подозревал, что в кладовке завелись мыши. И как это Мейзи с мамой просмотрели? А, наверно, мыши набежали только сегодня утром – почуяли подгнившие фрукты. Вообще-то мыши Чарли даже нравились, так что теперь, при виде

того, как рядок маленьких серых телец делался все длиннее, ему стало не по себе.

На пятнадцатой мыши коты закончили свои труды. Они уселись и принялись тщательно вылизывать и без того безукоризненную шерстку.

— А нельзя ли чашечку кофе? — просительно сказал мистер Комшарр. — Признаться, я что-то притомился.

Он же пальцем о палец не ударил, подумал Чарли. От чего тут притомиться? Всю работу выполнили коты!

Но мистер Комшарр уже устроился за кухонным столом и с вожделением созерцал кофейник, так что у Чарли духу не хватило ему отказать. Только тут мальчик заметил, что все это время не выпускал из рук фотографию, так что теперь он положил карточку на стол и пошел ставить чайник.

— Хм-хм, вот и ответ, — удовлетворенно промурлыкал мистер Комшарр. — Разумеется, это все объясняет.

— Что? — Чарли оглянулся.

Мистер Комшарр повернул фотографию так, чтобы на нее падал свет.

— Это же Феникс, — пояснил он. — Дело было много лет назад, но Феникс все прекрасно помнит. Он был уверен, что ты его признаешь, поэтому и привел меня сюда.

Коленки у Чарли ослабели. Он сел.

— Чего? — спросил он. — То есть вы хотите сказать, что Феникс, — Чарли кивнул на медного кота, — заранее знал, что я увижу фото?

— Ну, положим, не совсем так. — Мистер Комшарр вдумчиво почесал в косматой голове. Чарли заметил, что ногти у мышелова длиннющие и загнутые, их не мешало бы подстричь. По крайней мере, Мейзи никому бы не позволила отращивать такое безобразие.

Тут вскипел чайник, и Чарли приготовил мистеру Комшарру долгожданный кофе.

— Но как же тогда все так вышло? — спросил он, поставив перед удивительным посетителем чашку.

— И три ложечки сахара, будьте любезны, — попросил мистер Комшарр.

Чарли нетерпеливо плюхнул сахар в кофе и как можно быстрее размешал его.

Мистер Комшарр просиял. Он отхлебнул кофе, потом улыбнулся еще шире, наклонился к Чарли и сказал:

– Феникс знал, что ты связан со всем этим. О да, Феникс знал. И точно, так оно и есть – ведь у тебя оказалась фотография. Эти коты – необычные коты. Они многое знают. Они выбрали меня в хозяева, потому что я умею общаться с животными. Они водят меня там и сям и стараются восстановить справедливость, а я просто следую за ними и помогаю чем могу. Данный случай, – ноготь мышелова уперся в мужчину на фотографии, – один из худших. Феникс давно им недоволен. Время от времени он пытался навести порядок, но тщетно – нам был нужен ты, Чарли.

– Я? – удивился Чарли.

– Ты ведь принадлежишь к одаренным, правда? – приглушенно поинтересовался мистер Комшарр, как будто выпрашивал тайну, о которой не пристало говорить громко.

– Ну, взрослые так считают, – отвечал Чарли. Он невольно покосился на фотографию – на лицо мужчины, в которое обвиняюще упирался палец мистера Комшарра. И тут же в ушах Чарли раздался плач младенца.

Феникс подбежал к мальчику, положил передние лапы ему на колени и издал ушераздирающий мям. К нему тотчас присоединились оранжевый Везувий и желтый Саламандр. Кошачий ор и детский плач невыносимо резали слух, и Чарли пришлось заткнуть уши.

– Цыц! – скомандовал мистер Комшарр. – Чарли думает.

Когда кошачье трио стихло, мышелов продолжал:

– Вот видишь – ты и впрямь связан с этим, Чарли. А теперь расскажи мне все.

Мистер Комшарр был, конечно, странноватый тип, но на вид добрый и внушал доверие. А Чарли так нуждался хоть в чьей-то помощи! И он рассказал мышелову о неразберихе с фотографиями, о голосах, о грозных тетушках Юбим и их приговоре насчет академии Блура.

– А я туда ходить не хочу, честное слово, – закончил Чарли. – Лучше умереть, чем учиться в этом Блу... Блуре.

– Но ведь она там, Чарли! – возразил мистер Комшарр. – Пропавшая девочка там! По крайней мере, так считают коты. А они никогда не ошибаются. – Мышелов поднялся. – Ну, Огнецы, нам пора.

– Погодите, вы хотите сказать, что этот младенец с фотографии потерялся? – переспросил Чарли. – Но как можно потерять младенца?

– Не мне об этом судить, – отозвался мистер Комшарр. – Отнеси фотографию законному владельцу, и, возможно, он тебе все расскажет.

– Но я же не знаю, чье это фото! – Чарли испугался: мистер Комшарр вот-вот уйдет, а помочь он так и не помог.

– А ты пошевели мозгами, Чарли. Эта фотография переснята с увеличением, видишь? Отыщи оригинал, тогда узнаешь имя и адрес хозяина.

– Вы так считаете?

– И не сомневайся. – Мистер Комшарр пригладил мохнатый ворс пальто, поднял воротник и скользнул за дверь вместе с котами.

Чарли нерешительно последовал за ним. В голове крутились десятки вопросов. Но когда мальчик очутился на пороге, мистер Комшарр уже превратился в маленькую удаляющуюся фигурку, за которой мчался яркий огненный хвост – ни дать ни взять комета.

Чарли запер дверь и помчался на второй этаж. Он перевернул оранжевый конверт, яростно затряс, и оттуда вылетела маленькая фотография. Тот самый оригинал! Чарли перевернул фотокарточку – и точно, на обороте четким плавным почерком было выведено имя и адрес:

Мисс Джулия Ингдью Соборный переулок, дом 3

Где же он, Соборный переулок? И как туда попасть? Надо смотаться из дому, пока Мейзи с мамой не вернулись, подумал Чарли. А то они ни за что не отпустят меня одного, да еще неведомо куда. И потом, если я буду мешкать, то не успею к Бенджамину на его день рождения. Чарли решил сказать кому-нибудь из взрослых, куда он идет, чтобы мама не разволновалась.

Сколько Чарли себя помнил, ему ни разу в жизни не случилось попасть в комнату дяди Патона. На дядиной двери неизменно висела табличка «Не беспокоить». С недавнего времени Чарли стал спрашивать себя – а что, собственно, дядя делает весь день взаперти? Изредка из комнаты раздавалось мягкое постукивание, но обычно там царила тишина.

Сегодня Чарли пришлось побеспокоить дядю.

Он постучался в дверь – сначала робко, потом посильнее.

– Что такое? – отозвался строгий голос.

– Дядя Патон, можно войти? – спросил Чарли.

– Зачем? – осведомился дядя.

– Мне нужно кое-куда уйти, я хотел вас попросить объяснить маме...

Из комнаты раздался глубокий вздох, но Чарли не смел толкнуть дверь, пока дядин голос холодно не сказал:

– Что ж, входи, раз тебе так приспичило.

Чарли осторожно повернул дверную ручку и заглянул внутрь. Он очень удивился. Дядина комната была погребена под бумажной лавиной. Бумаги лезли с полок, сыпались с подоконника, где громоздились целыми стопками, устилали письменный стол и, как белая пена морского прибоя, плескались вокруг дядиных щиколоток. Чарли повертел головой. А где же постель? А-а, наверно, вон под той горой книг. Книжные полки занимали все стены, от пола до потолка, и мало того – стопки книг башнями высились на столе.

– Итак? – Дядя неохотно оторвал взгляд от бумажного кургана.

– Вы не могли бы мне сказать, где Соборный переулок? – нервно спросил Чарли.

– Ну а как ты сам думаешь? Разумеется, рядом с собором. – В дневное время дядя Патон был совсем другой человек. Строгий и холодный.

– А-а-а. – Чарли почувствовал себя круглым дураком. – Ну, я сейчас туда как раз пойду. Вы не могли бы передать это маме? А то она будет спрашивать, где я.

– М-м-м... да-да, – отсутствующим тоном отозвался дядя и плавным жестом велел Чарли идти восвояси.

– Спасибо, – поблагодарил Чарли, как можно тише прикрывая за собой дверь.

Он быстро накинул куртку и, уложив обе фотографии в оранжевый конверт, запихал его в карман.

Бенджамин увидел в окно, как Чарли с озабоченным видом спешит по улице. Он открыл окно и окликнул друга:

– Ты куда, Чарли?

Чарли поднял голову:

– Я к собору.

– А можно мы со Спринтером-Бобом тоже пойдем? – спросил Бенджамин.

– Нет, – отозвался Чарли. – Я иду за твоим подарком, это будет сюрприз.

Бенджамин закрыл окно. Интересно, что это за подарок Чарли собирается купить в соборе? Ручку с названием собора? Но у него, Бенджамина, ручек и так полным-полно.

– Но я не в обиде, – поведал Бенджамин псу. – Главное, чтобы он пришел ко мне на день рождения.

Пес постучал хвостом по Бенджаминовой подушке. Лежать на постели ему не полагалось, но, по счастью, никто, кроме самого Бенджамина, этого не видел.

Собор располагался в старой части города. Улицы здесь были мощеные и узкие, а в мягко подсвеченных витринах маленьких лавочек на шелке и бархате красовались драгоценности и самая модная одежда. Место было уединенное, и Чарли уже стало казаться, будто он вторгся в чужие владения.

Когда над Чарли нависла темная громада старинного собора, лавочки уступили место старым домам, верхние этажи которых были деревянными. Дом номер три тем не менее оказался книжным магазином. На вывеске, написанной старинным причудливым шрифтом, значилось «Ингльдю». Книги, разложенные в витрине, выглядели старинными и пыльными. Некоторые даже были переплетены в кожу, и у них был золотой обрез.

Чарли глубоко вдохнул для храбрости и отворил дверь. Тут же над головой у него звякнул колокольчик, и из задней комнаты, отодвинув занавеску, навстречу Чарли вышла какая-то женщина. Чарли почему-то ожидал, что она окажется старше, но женщина выглядела ровесницей его мамы. У нее были густые темные волосы, уложенные в узел, и добрые карие глаза.

– Да? – сказала она. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Наверно, – ответил Чарли. – Вы – Джулия Ингльдю?

– Да, – кивнула она.

– Я вот насчет вашей фотографии, – начал Чарли.

Мисс Ингльдю прижала ладонь ко рту.

– Не может быть! – воскликнула она. – Вы ее нашли?

– Похоже, что да. – И Чарли протянул ей оранжевый конверт.

Мисс Ингльдью вытрясла на прилавок две фотографии.

– Спасибо вам большое, – произнесла она. – Вы и представить себе не можете, какая для меня радость – получить их обратно.

– А мои фото у вас? – поинтересовался Чарли. – Меня зовут Чарли Бон.

– Идемте со мной. – И мисс Ингльдью поманила Чарли за собой в заднюю комнату.

Чарли осторожно обогнул прилавок и шагнул за занавеску, висевшую прямо между книжными полками. Он очутился в комнате, почти не отличавшейся от самого магазина. Те же книги вокруг: на полках, в коробках, в связках, на полу, на стульях – повсюду. И все же в комнате было уютно; здесь пахло умными мыслями и витиеватыми мудренными словами. В маленькой железной жаровне горел огонь, и настольная лампа мягко сияла сквозь пергаментный абажур.

– Вот, пожалуйста. – С этими словами Джулия Ингльдью извлекла из ящика письменного стола оранжевый конверт.

Чарли взял его и поспешно открыл.

– Ага, это Спринтер-Боб. Пес моего друга. Я хотел сделать из фотографии открытку.

– Отличная идея, – отозвалась мисс Ингльдью. – Мне всегда нравилось все самодельное. Сразу понятно, что тот, кто делал, вложил в подарок всю душу.

– Угу, – неуверенно отозвался Чарли.

– Я вам очень благодарна, Чарли Бон, – продолжала мисс Ингльдью. – Мне хочется как-то вас отблагодарить. Правда, с деньгами у меня так себе, но есть кое-что другое...

– Спасибо, мне ничего не надо. – Чарли стало неловко. Хотя, конечно, деньги бы не помешали – можно было бы купить подарок Бенджамину.

– Нет-нет, погодите. По-моему, вы самый подходящий человек. Правда же, я чувствую, что эта вещь как будто именно вас и дожидалась. – Она указала куда-то в угол, Чарли обернулся и понял, что в комнате были не только книги. На угловом столе громоздились коробки: деревянные коробки, металлические коробки и картонные коробки.

– А что в них такое? – заинтересовался Чарли.

– Это все, что осталось от мужа моей сестры, – объяснила мисс Ингльдю. – Он скончался на прошлой неделе.

В горле у Чарли возник комок.

– Гхм... – выдавил он.

– Ой, мамочки! Нет, это не его прах, Чарли, – поспешно развеяла его замешательство мисс Ингльдю. – Это его... как бы вам сказать... изобретения. Их только вчера доставили. Он отправил их с посыльным за день до смерти. Понятия не имею, почему он оставил их мне. – Она открыла одну из коробок и извлекла нечто вроде кибер-собаки.

– Мне оно ни к чему, – сказала мисс Ингльдю. – Хотите такое?

Чарли подумал про Спринтера-Боба, потом про Бенджамина.

– А она что-нибудь умеет делать? – спросил он. Ведь роботы обычно что-нибудь да умеют делать.

– Конечно. Сейчас проверим. – Мисс Ингльдю потянула собаку за хвост.

Робот твякнул два раза, а потом чей-то голос сказал:

– Я – номер два. Вы уже дернули меня за хвост, так что знаете, как меня включить. Чтобы продолжить, нажмите мне на левое ухо. Чтобы перемотать назад, нажмите на правое ухо. Для записи нажмите мне на нос. Для выключения задержите мне правую заднюю лапу. Если хотите поменять кассеты, откройте мой живот.

Голос, доносившийся из металлической собаки, показался Чарли знакомым.

– Ну как, вам такое пригодится? – спросила мисс Ингльдю. – Или показать вам остальных?

– Отличная игрушка, – восхитился Чарли. – Просто класс. Здорово сделано. А голос – это?..

– Да-да, голос принадлежит моему покойному зятю, доктору Толли. Это одно из его первых изобретений, которое он так и не удосужился продать. Просто делал очередную модель и тут же забывал о ней. Доктор Толли был ленив, Чарли. Ленив, но очень талантлив.

– Это он на фотографии, да?

О том, что он узнал голос изобретателя, Чарли смолчал. Да и как о таком скажешь?

– Да, это и есть доктор Толли. Однажды он совершил ужасный, непоправимый поступок. – Губы мисс Ингльдю мрачно сжались.

– Тогда зачем вам его фото? – удивился Чарли.

Мисс Ингльдю смерила его быстрым взглядом.

– Мне нужна фотография девочки, – помолчав, произнесла она. – Фотография – единственное, что мне о ней напоминает.

И вдруг, ни с того ни с сего, мисс Ингльдю выложила Чарли ужасную историю. В тот страшный день, когда умерла ее сестра Нэнси, маленькой племяннице мисс Ингльдю еще и двух лет не исполнилось. Не прошло и недели, как муж Нэнси, доктор Толли, отдал свою дочку чужим людям.

– Да разве можно вот так взять и отдать дочку? – в ужасе спросил Чарли.

– Нельзя, – отозвалась мисс Ингльдю. – С меня взяли клятву держать язык за зубами. Конечно, я должна была взять племянницу к себе. Но, видите ли, я тогда была эгоистична и безответственна. Думала, что с малышкой мне не справиться. О, сколько раз впоследствии я горько жалела о своем решении! Я пыталась вызнать, кому отдали девочку, куда она делась, но доктор Толли так ничего мне и не сказал. А девочка пропала, мне ничего не удалось узнать. Ей бы сейчас было десять лет. Я бы отдала что угодно, лишь бы ее вернуть.

Чарли стало не по себе. Ну и в историю он вляпался! А всё эти несчастные голоса с фотографий – не услышь он их, ничего бы и не случилось. Разве у него хватит духу сказать мисс Ингльдю, что, по мнению трех котов, девочка в академии Блура? Да она ни в жизнь ему не поверит.

Откуда-то из темного угла старинные часы пробили двенадцать, и Чарли спохватился:

– Ой, мне пора домой. Мама разволнуется.

– Конечно, Чарли. Только возьмите собаку и... – мисс Ингльдю вдруг метнулась к заставленному коробками столу и извлекла из груды длинный серебристый ящик, – ... и возьмите еще вот это.

Не дожидаясь ответа, она уложила ящик в пакет с надписью «Книжная лавка Ингльдю». Потом протянула пакет Чарли:

– Собака тоже поместится, пакет вон какой большой.

Не только большой, но и тяжеленный. Чарли осторожно положил коробку с кибер-собакой поверх загадочного металлического ящика. Потом, шатаясь под тяжестью пакета, двинулся к двери. Интересно, подумал он, как я доволоку все это до дому?

Мисс Ингльдю распахнула перед ним дверь. Над головой у Чарли опять тренькнул звонок.

– Извините, а можно спросить? – пропыхтел Чарли. – А в ящике что?

– Я не знаю. Чарли окаменел.

– И не уверена даже, что хочу это выяснять, – продолжала мисс Ингльдю. – Доктор Толли выменял ящик на дочку. И что бы в нем ни хранилось, вряд ли это что-то стоит двухлетней девочки.

– Д-да уж, – пробормотал Чарли. Он поставил пакет наземь.

– Чарли, я вас очень прошу, возьмите его. Мне кажется, вы самый подходящий человек. Понимаете, мне надо куда-то деть этот ящик. Убрать подальше из дому. – Она понизила голос и бросила быстрый взгляд на улицу. – И пожалуйста, держите это в секрете, хорошо?

– Знаете, это не так-то просто. – Чарли совсем расхотелось брать непонятный ящик. – Что, и лучшему другу нельзя рассказать?

– Только тому, кому вы готовы доверить свою жизнь, – очень серьезно ответила мисс Ингльдю.

Глава 4

ЯЩИК ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Чарли не успел возразить ни слова – хозяйка книжной лавки помахала ему и быстро захлопнула дверь. Он остался один посреди темной улицы, и в руках у него был предмет, на который выменяли маленькую девочку.

Но почему мисс Ингльдю не решилась открыть ящик? Что там такое внутри? Бормоча себе под нос, Чарли тащил тяжеленный пакет, спотыкаясь на булыжнике. Прохожие подозрительно оглядывались на него. Может, думали, будто он украл пакет. Чарли поспешно свернул за угол и чуть не упал на большого лохматого пса.

– Осторожнее! – воскликнул он и выронил пакет. – Спринтер-Боб, так это ты!

Спринтер-Боб радостно затоптался на пакете и лизнул Чарли в нос.

– А ну брысь сейчас же! – велел Чарли. – Это ценная вещь.

Тут к ним подбежал запыхавшийся Бенджамин:

– Из... ви... ни... Я е... го... не... удер... жал.

– Ты что, следил за мной? Вообще-то Чарли обрадовался появлению друга.

– Да нет, просто я повел его на прогулку. А он, наверно, взял твой след. Учуйал. – Бенджамин с интересом посмотрел на внушительный черный пакет. – Ой, а что это?

– Твой подарок, – объяснил Чарли. – Но тебе придется помочь его тащить. Тяжелый, как слон.

– Ух ты. А что там? Ой, нет, мне не полагается спрашивать. – Бенджамин застеснялся.

Чарли пришлось сознаться, что кроме подарка в пакете еще кое-что, и весьма таинственное, но Бенджамин сунул в пакет нос и честно сказал, что он не в обиде и его вполне устроит небольшая картонная коробка, а не здоровенный металлический ящик.

– Ну и местечко ты выбрал, чтобы ходить за подарками, – заметил Бенджамин, оглянувшись на огромный темный собор.

– Я сначала даже не думал найти тут подарок, – признался Чарли. – Вообще-то я искал фото Спринтера-Боба. – И он рассказал Бенджамину про странную даму из книжного магазина и про таинственный ящик, который ей прислал ленивый изобретатель.

Мальчики взялись за ручки черного пакета и потащили его домой. Они и не заметили, что кое-кто следует за ними по пятам. Оглянись приятели, они бы увидели пронырливого рыжего мальчишку, неубедительно загримированного под старика, который то прятался в подворотнях, то крался следом.

Спринтер-Боб тихонько заурчал и ткнул носом пакет, как будто хотел поторопить мальчиков. Пакет нервировал пса. В пакете было что-то непонятное, что-то скверное, а еще что-то непонятное и скверное маячило позади.

Как только Чарли с Бенджамином свернули на Филберт-стрит, пес вдруг развернулся и с яростным лаем кинулся на соглядатая. Рыжий мальчишка отшатнулся и бросился наутек.

– В чем дело? – спросил Бенджамин, когда пес прискакал назад.

Но ответа от Спринтера-Боба, конечно, не получил.

Уже у самого Бенджаминова дома Чарли спросил, возьмет ли тот пакет к себе. Чарли не хотелось, чтобы Мейзи или бабушка Бон совали в пакет нос.

Бенджамин замялся:

– Ну, я не знаю... А куда я его положу?

– Под кровать запихнешь. Или еще куда-нибудь. Ну, Бенджи, ну пожалуйста! У меня в комнате все время крутятся бабушки, а к тебе-то никто не лезет.

– Ладно, – согласился Бенджамин.

– Только, чур, не открывать подарок, пока я не приду, – сказал напоследок Чарли. – Ну все, я помчался, а то мне влетит.

Чарли уже повернулся, чтобы бежать, но тут из пакета донеслось явственное гулкое постукивание. Бенджамин испуганно вытаращил глаза, но Чарли сделал вид, будто ничего не заметил, и взлетел на свое крыльцо. В кухне он наткнулся на бабушек. Бабушки яростно препирались. Стоило Чарли появиться на пороге, как обе бабушки воззрились на него.

– Чарли Бон! – воскликнула Мейзи. – Что ты наделал! Безобразник! Как это случилось? – И она ткнула в шеренгу дохлых

мышей. Мышиная эпопея успела вылететь у Чарли из головы.

Он поспешно объяснил, что мистер Комшарр и коты проскользнули в дом прежде, чем он, Чарли, успел их остановить.

– А потом мне надо было бежать менять фото. – Чарли помахал оранжевым конвертом. – Я совсем забыл про мышей. Извините, пожалуйста.

– Коты? Оранжевые и желтые? – Голос бабушки Бон дрогнул.

Да она испугалась, понял Чарли.

– Ну что ж, по-моему, поработали они на славу. – Мейзи смягчилась и уже не сердилась на Чарли. – Так, надо тут прибрать.

А вот бабушка Бон смягчаться и не думала.

– Так я и знала! – мрачно буркнула она. – Это ты привел их сюда, несносный мальчишка. Притянул, как магнит. Дурная кровь, смешанная с магическим даром. Скверное сочетание. Я не буду спать спокойно, пока тебя не запрут у Блура.

– Как это запрут? Меня что, выпускать оттуда не будут?

– На выходные, – отрезала бабушка Бон. – К сожалению.

И она замаршировала вон из кухни, стуча каблуками черных башмаков.

– Но меня никто не предупредил! Не предупредил, что запрут! – вскричал Чарли.

– И меня тоже, малыш, – пропыхтела Мейзи, деловито сгребая мышей веником на совок. – Думаешь, я знала, какие порядки в этих фасонных школах? Охо-хо, и зачем только твоя мама приносит домой столько зелени. Ума не приложу, как это служба по уничтожению грызунов про нас прознала. Я им не звонила.

– Коты, – объяснил Чарли. – Они все знали.

– Ну конечно, ты мне еще скажешь, что коты летать умеют, – проворчала Мейзи.

Может быть, эти коты и умеют, подумалось Чарли. Ведь Феникс, Везувий и Саламандр явно не походили на обычных кошек. И у Чарли возникло подозрение, что бабушка Бон об этом знала. Но отчего она так их боится?

Чарли отправился в свою комнату клеить открытку. Но сосредоточиться не получалось. Открытка вышла кривая, «с днем рождения» он написал через «а» вместо «о», а облачко со словами, вместо того чтобы висеть у Спринтера-Боба над головой, съехало псу

куда-то за ухо. Чарли сердито отшвырнул ножницы. С тех пор как выяснилось, что он умеет слышать голоса с фотографий, вся жизнь Чарли пошла наперекосяк. Надо было смолчать про голоса, подумал он, тогда бы не пришлось идти в эту жуткую школу! И никто бы его не запер на неделю с кучей чокнутых вундеркиндов, которые занимаются всякими чудными вещами.

Он слышал, как пришла домой мама и позвала Мейзи. Вот если бы мама взяла его сторону и поборолась с тетушками! Но она, похоже, их боится. Так что придется ему самому с ними бороться, понял Чарли. Только вот непонятно как.

На ужин Мейзи приготовила овощное рагу. Чарли подумал было про мышей в кладовке, но вслух ничего не сказал. Мама принесла ему сапфирово-синий плащ и сразу после ужина заставила примерить. Плащ доходил Чарли почти до колен. По бокам были прорези для рук, а за плечами большой мягкий капюшон.

– Только я на улицу это не надену, – заявил Чарли. – И не уговаривайте. А то надо мной все потешаться начнут.

– Но, сыночек, там же будут другие ребята в таких накидках, – взмолилась мама. – А еще в зеленых и фиолетовых.

– Все равно, они не из нашего района. – Чарли стянул плащ. – Они все с Вершин.

Вершины располагались на склоне лесистого холма над городом. Там стояли роскошные большие дома, а в домах жили состоятельные люди. Вокруг домов цвели шикарные сады – чуть ли не круглый год.

– Да я точно знаю, что в эту школу ходят не только дети с Вершин, – возразила мама. – Я видела в списках фамилию одной девочки, которая живет через две улицы от нас. Оливия Карусел, она записана на театральное отделение, так что придет в фиолетовом плаще.

– Ха-ха, – проворчал Чарли. – Если ты про Драконью улицу, так это все равно что Вершины, такое же шикарное место. – А про себя решил, что запишет плащ под куртку и наденет только в академии.

Но даже Мейзи начала поддаваться чарам синего плаща.

– Ты только посмотри, какой он славный, – уговаривала Мейзи. – Что за чудный цвет!

Чарли, продолжая бурчать, унес плащ к себе и сунул в ящик комода. (Мама все равно потом придет, вытащит его и аккуратно

повесит на плечики в шкаф.) Потом он положил открытку для Бенджамина в оранжевый конверт и поспешил вниз.

– Я пошел к Бенджамину на день рождения, – крикнул он маме.

Спринтер-Боб встретил Чарли громким лаем. Пес не позволял ему даже порог переступить.

– Что это с ним? – спросил Чарли у Бенджамина, стараясь перекричать лай.

– Это все твой ящик. – Бенджамин скатился по ступенькам. – Боб его просто видеть спокойно не может. Я его затолкал под кровать, как ты велел, но Боб на него взелся – рычал и ворчал и пытался вытащить его обратно. Он весь пакет изорвал зубами и крышку ящика поцарапал.

Чарли удалось просочиться внутрь, пока Бенджамин с трудом удерживал Спринтера-Боба за ошейник. Пес вырвался, взвыл, промчался по коридору и через собачью дверцу вылетел на задний двор, в садик.

Раз Чарли пришел, Бенджамин наконец мог распаковать подарок. Он побежал вверх за коробкой.

Чарли огляделся. В доме не было ни малейших признаков праздника. Родители Бенджамина работали всю неделю, и даже по субботам. Надо было попросить Мейзи испечь для Бенджи пирог, запоздало сообразил Чарли, голова у которого была занята совсем другим.

– Класс какой! – Вернувшийся Бенджамин потряс коробку и сказал: – Пошли скорей в гостиную.

В гостиной праздником тоже и не пахло. Бенджамин плюхнулся на пол и открыл коробку.

– Ух ты! Собака! – восхитился он. Чарли дернул робота за хвост, и голос доктора Толли проговорил инструкции.

От восторга Бенджи утратил дар речи. Наконец он выдавил:

– Ой, Чарли, спасибо. Спасибо. Здорово как!

– Надо было мне вставить туда новую кассету, – начал Чарли. – Ты бы тогда...

Но тут в комнату с громовым гавканьем влетел Спринтер-Боб. Он забегал вокруг механического пса, скаля зубы и рыча, а потом обиженно заскулил.

– Ревнует, – объяснил Бенджи, обнял пса и заверил его: – Да люблю я тебя, Боб. Ты же прекрасно знаешь. Как бы я без тебя жил?

А?

Пес лизнул Бенджи в нос. Он заменял мальчику папу, маму, братьев-сестер и бабушек-дедушек. Родители Бенджи целые дни проводили на работе, а пес всегда был под боком. И Бенджи мог спокойно пойти куда и когда угодно, взяв с собой Спринтера-Боба. Пес был ему отличной охраной.

Чарли вручил приятелю открытку.

– Сделал все-таки, – вздохнул он.

Но Бенджи даже не заметил, что открытка кривая и с ошибками. Он разглядывал ее и твердил, что это самая лучшая открытка в его жизни.

И тут Спринтер-Боб задрал голову к потолку и завыл.

Тук. Тук. Тук. Стук был слабый, но отчетливый. Прямо над гостиной находилась комната Бенджи.

– Это тот ящик, стальной, – испуганно сказал Бенджи. – Забрал бы ты его, в самом деле, а? Вдруг там бомба?

– Мисс Ингльдю совсем не похожа на террористку, – возразил Чарли. – Да и доктор Толли тоже.

– Откуда тебе знать? – не согласился Бенджи. – Террористы такие хитрые, они знаешь как притворяться умеют! Пошли, проверим, что там.

Спринтер-Боб, приглушенно рыча, последовал за мальчиками на второй этаж. Но на этот раз он не осмелился даже войти в комнату.

Чарли потянул тяжелый ящик из-под кровати, Бен поспешил на помощь, и объединенными усилиями мальчикам удалось вытащить его на середину комнаты. Стук прекратился. Чарли отстегнул пряжки по бокам от ручки, но ящик не открывался. Он был заперт на замок, а ключа не было.

– А та тетя не сказала тебе, что в ящике? – осведомился Бенджи.

Чарли помотал головой:

– Сказала, она сама и знать не хочет. Что бы там ни лежало, его выменяли на ребенка. На ее племянницу.

– На ребенка? – Рот у Бенджи приоткрылся от изумления. – Ужас какой.

Чарли почувствовал себя виноватым.

– Давай запрем его в чулан под лестницей, – предложил он. – Оттуда тебе стук слышно не будет. А я потом схожу к мисс Ингльдю и

попрошу у нее ключ.

Они с трудом сволокли ящик на первый этаж и спрятали в чулане за стопками старой одежды, которую туда сложила мама Бенджамина. Заперев дверцу, они повернулись и увидели возле лестницы Спринтера-Боба. Пес жалобно подвывал. Чтобы уговорить его, Бенджамин пошел на крайние меры.

– Вот оставлю без прогулки! – громко пригрозил он.

Уже темнело, а родители Бенджи все не возвращались. Бенджи не огорчился, а отнесся к этому с привычной безропотностью.

– Ладно, пирог я и сам могу приготовить, – заявил он.

И приготовил. Воткнул в шоколадный бисквит десять свечек, потом они с Чарли хором спели «С днем рожденья тебя». Бисквит немножко крошился, но оказался вкусным.

Чарли взглянул на часы. Была уже половина восьмого. Он знал, что пора домой, но оставлять Бенджи одного не хотелось – у него же день рождения, как-никак. Так что Чарли провел у Бенджи еще час, и они поиграли в прятки со Спринтером-Бобом, который был на это просто мастер.

К половине девятого родители Бенджи тоже не вернулись, и тогда Чарли решил отвести его к себе домой – точнее, к Мейзи – поужинать. В пустынном холодильнике у Бенджи только и виднелось что одинокое яйцо да пакет молока.

– Ну как праздник, удался? – поинтересовалась Мейзи, заведя в дверях мальчишек и пса.

– Более чем, – отозвался Чарли. – Но мы бы еще что-нибудь съели.

– Часа два назад приходил какой-то странный мальчик, – сообщила Мейзи. – Он изображал из себя старика, но я с первого взгляда поняла, что это не старик. Он утверждал, что к тебе, Чарли, по ошибке попал его чемодан или ящик, и требовал его вернуть. Я посмотрела у тебя в комнате, но, кроме коробки из-под ботинок, ничего не нашла. Мальчик очень рассердился. Ни за что не хотел мне верить. Противный мальчишка. Ладно, ребятки, идите поиграйте, а я пока приготавливаю ужин.

Плотно прикрыв за собой кухонную дверь, Чарли прошептал:

– Бенджи, никому ни слова про пакет и особенно про ящик!

– Но почему? – удивился Бенджамин.

– Потому что мне его дали и я вроде как... ну... отвечаю за него, – объяснил Чарли. Про мистера Комшарра и его котов он решил Бенджи до поры до времени не рассказывать.

И тут на верхней площадке возникла бабушка Бон.

– Что здесь делает эта собака? – Она неприязненно посмотрела на Спринтера-Боба.

– У Бенджи сегодня день рождения, – сказал Чарли.

– И что из этого следует? – холодно уронила старуха.

Спринтер-Боб гавкнул на нее, и, не дожидаясь дальнейших замечаний, Чарли утащил Бенджи и пса обратно в кухню.

– Бабушка Бон сегодня не в духе, – сообщил он Мейзи.

– А когда она в нем была? – фыркнула Мейзи. – Вот отправим тебя к Блуру, тогда она и успокоится.

Чарли не хотел сообщать Бенджамину новость про школу – по крайней мере, не в его день рождения, но теперь было поздно. Чарли почувствовал себя предателем.

Бенджамин обиженно захлопал глазами:

– Что это за академия?

– Большая школа неподалеку от Вершин, – объяснил Чарли. – Я совсем не хочу там учиться, Бенджи.

– Ну так и не учись.

– Придется, лапочка. Мама уже купила ему школьную форму, – вмешалась Мейзи, накладывая на тарелки горошек и сосиски. – Ну, угощайся. Может, ты сегодня и именинник, Бенджамин Браун, но вид у тебя такой, будто тебя голодом морят.

Бенджи сел за стол, но аппетита у него не было и в помине. Воспользовавшись тем, что Мейзи отвернулась, он скормил сосиску под стол, Спринтеру-Бобу.

– Я только после Нового года туда пойду, – утешил Чарли приятеля.

– А-а... – Бенджи мрачно созерцал тарелку. И вот тут-то появилась мама Чарли с пижамой в руках. Вот не везет!

– Больше ты у нас не будешь спать в заплатках, сынок, – объявила она. – Юбимы оплатили тебе целый гардероб для академии.

– Пижамы? – Бенджамин вскинулся. – Ты что, еще и ночевать там будешь?

– Только по будням, а на выходные буду приезжать, – поспешно сказал Чарли.

– А-а. – Бенджамин положил в рот несколько горошин и поднялся. – Ну, мне, наверно, пора. Мама с папой вот-вот вернутся.

– Тебя проводить? – робко спросил Чарли.

– Да ну, не надо, я же со Спринтером-Бобом.

Чарли не успел и глазом моргнуть, а Бенджамин с псом уже направлялись к дверям. Собачьи уши и хвост уныло повисли. Как и всегда, это служило верным признаком, что хозяин Спринтера-Боба расстроен.

– Забавный мальчуган, – заметила Мейзи.

– Пойду все-таки проверю, как он там, – решил Чарли. – Как-никак, сегодня его день рождения.

Очутившись на крыльце, он увидел удаляющуюся спину дяди Патона. Чарли осенило.

– Дядя Патон, – позвал Чарли, бегом нагоняя его, – а можно мне с вами?

– Зачем? – Дядя остановился, чтобы опустить пачку писем в ящик.

– Затем... что... – Чарли подбежал поближе. – Ну, я хотел попросить вас сходить со мной кое-куда.

– Куда это, позволь узнать?

– В книжный магазин. Он неподалеку от собора, и я не хочу идти туда один. Там как-то... страшновато.

– Книжный магазин? – Как и надеялся Чарли, дядя заинтересовался. – Но, Чарли, даже книжный магазин в такое время уже закрыт. Скоро ночь.

– Да, да, но я думаю, в магазине все равно кто-нибудь есть, даже если он закрыт. – И Чарли неожиданно для себя выложил дяде всю историю про мисс Ингльдю и запертый ящик. Надо же хоть кому-нибудь довериться. Чарли нутром чуял, что дядя примет его сторону, хоть он и из Юбимов.

В темных глазах дяди замерцали таинственные огоньки.

– Значит, ты намерен попросить у этой дамы ключ? Скажи-ка мне, Чарли, а сам ящик где?

Чарли заколебался.

– Я хочу, чтобы это был секрет, – выдавил он. – За ящиком и так уже кто-то охотится. Но если вы...

Патон поднял палец:

– Пусть будет секрет, Чарли. Ты правильно решил. Скажешь мне, когда сам сочтешь нужным. Ну а теперь пойдем на поиски твоего магазина.

Они шли узкими боковыми улочками, где дядин дар бить фонари не так бросался в глаза. Стоило им добраться до пустынных улиц, прилегающих к собору, как фонари принялись ритмично помигивать, то разгораясь ярче, то тускнея, будто составляли часть волшебной витрины.

На дверях магазина Ингльдю висела за стеклом табличка «Закрыто», но в окне теплился приглушенный свет, озарявший старинные книги в кожаных переплетах. Дядя воззрился на них с вождением.

– Надо бы мне почаще выбираться на прогулки, – пробормотал он. Чарли позвонил в дверь.

Из глубины магазина донесся голос:

– У нас закрыто. Пожалуйста, уходите.

– Это я, Чарли Бон, – громко сказал мальчик. – Мисс Ингльдю, можно вас на минутку?

– Чарли? – В голосе мисс Ингльдю прозвучало удивление, но не гнев. – Вообще-то время уже позднее.

– Это срочно, мисс Ингльдю! Я насчет ящика.

– Что? – Ее лицо показалось за стеклом. – Погодите минутку, Чарли.

В магазине загорелся яркий свет. Брякнула цепочка, вжикнули засовы, и дверь отворилась со знакомым «диньк» звонка.

Чарли вошел в магазин, а за ним дядя Патон.

– Ах! – Мисс Ингльдю испуганно попятилась. – Кто это?

– Мой дядя Патон. – Чарли оглянулся на своего спутника и понял, чего испугалась хозяйка книжного магазина. Высокая темная фигура дяди Патона в черном плаще казалась весьма зловещей.

– Надеюсь, я вас не напугал. – Дядя протянул руку. – Патон Юбим, к вашим услугам.

Мисс Ингльдю пожала ему руку и дрожащим голосом представилась:

– Джулия Ингльдю.

– Джулия... – повторил дядя. – Прекрасно. Племянник попросил меня составить ему компанию.

Это он так стесняется или, наоборот, важничает? Может, и то и другое сразу, сообразил Чарли.

– Я насчет ключа, мисс Ингльдю, – повторил мальчик. – Ну, хотел попросить ключ от ящика, который вы мне дали, помните?

– Ключ? К-к-какой ключ? – Кажется, мисс Ингльдю смутилась. – Наверно, его прислали вместе с... М-м... Пойду поищу. Но вы лучше заходите, а то... А то еще кто-нибудь подумает, будто магазин работает и по ночам. – Она испустила сдавленный смешок и скрылась за занавеской, отделявшей прилавков от задней комнаты.

Чарли с дядей последовали за ней. Комната пестрела корешками и обложками множества книг, и взгляд дяди жадно забегал по ним. На столе лежала большая раскрытая книга, – значит, они оторвали мисс Ингльдю от чтения.

– Ацтеки, – заключил дядя, посмотрев на заголовок. – Увлекательнейшая тема.

– О да, – отозвалась мисс Ингльдю, все еще дрожа от волнения. Она отыскала маленькую жестянку с ключами и вытрясла их все прямо на стол. Почти к каждому ключу была прикреплена бирочка. Но не ко всем.

– И как мне определить, который нам нужен? – задумчиво проговорила она. – Их тут вон сколько. Знаете что, Чарли, я думаю, вам лучше забрать с собой все ключи без бирок и проверить, какой из них подойдет. Боюсь, больше ничего мне не придумать.

– Вы очень любезны, – сказал дядя.

Мисс Ингльдю бросила на него недоуменный взгляд, пересыпала безымянные ключи в пакет и вручила Чарли:

– Вот. Принесете обратно, когда подберете ключ к ящику.

– Спасибо, мисс Ингльдю. – Чарли взял пакет и, поскольку больше говорить было не о чем, двинулся к выходу.

Мисс Ингльдю проводила их с дядей до дверей, чтобы задвинуть все засовы, но уже на крыльце дядя Патон внезапно осведомился:

– Могу ли я посетить вас еще раз, мисс Ингльдю?

– Конечно, – удивленно ответила она. – Магазин открыт для всех. Как я могу вам помешать?

– Я не об этом, – улыбнулся дядя. – Я имею в виду – посетить вас, когда стемнеет?

Мисс Ингльдю была ошарашена.

– По пятницам у нас открыто до восьми, – сухо сказала она и поспешно закрыла дверь.

Секунду-другую дядя смотрел на дверь, как зачарованный, потом повернулся и вдруг воскликнул:

– Какая обворожительная женщина! Исходившее от него беззвучное гудение стало таким сильным, что ближайший фонарь вспыхнул ослепительным светом и лопнул. На булыжную мостовую с нежным музыкальным звоном посыпался дождик стеклянных осколков.

Глава 5

ЛОВУШКА ВО МРАКЕ

– Дядя, да вы просто варвар! – не удержался Чарли.

Низкий рокочущий смех эхом заплесал по узкому переулку. Чарли раньше никогда не слышал, чтобы дядя Патон смеялся.

– Но ведь кому-то придется ответить за этот фонарь, – серьезно сказал Чарли. – И наверняка не вам.

– Да уж конечно не мне, – отозвался дядя. – Пойдем, друг мой. Нам надо вернуться, пока бедная твоя мама не разволновалась.

И они помчались по улицам. Чарли то и дело переходил на бег, чтобы поспеть за дядиным размашистым шагом.

– Чем быстрее я иду, тем больше энергии сжигаю, – объяснял на ходу дядя. – И тем меньше ее остается на эти... неприятности.

– Дядя Патон, а можно спросить? – осмелел Чарли.

– Спросить-то можно, но ответа не гарантирую, – невозмутимо откликнулся дядя.

– Когда это у вас началось? Ну, когда вы поняли, что можете взрывать фонари?

– Мне тогда исполнилось семь, – с унынием в голосе отвечал дядя. – Я так перевозбудился, что повзрывал все лампочки – стекло под ногами так и хрустело – и все дети верещали и вытряхивали осколки из волос. И гости мои рано разошлись по домам, а я остался в тоске и печали. Я и понятия не имел, что это моих рук дело, пока сестрицы мне все не разъяснили. Они-то были довольны. «Ах, какое счастье, он оказался нормальным!» – вот как они сказали. Можно подумать, обсыпать всех и вся осколками – это норма, а обычное поведение – патология! И родители были прямо не свои от радости. Видишь ли, других-то дарований я не проявил. В награду мне позволили доесть все оставшееся мороженое. Тринадцать порций! Меня потом ужасно тошнило. Как я еще осколков не наелся вместе с мороженым – до сих пор не пойму.

– И вам расхотелось быть Юбимом, когда оказалось, что это значит быть белой вороной? – с трепетом спросил Чарли.

До дома номер девять было рукой подать, и дядя перешел на рысь.

– Вот что я тебе скажу, Чарли, – мрачно начал он, – со временем ты сам поймешь – все зависит от того, как ты управляешься со своим дарованием. Будешь о нем молчать – тогда все пойдет нормально. Как говорится, не разглашать семейных тайн. И никогда не использовать свой дар легкомысленно.

– Про голоса уже знает Бенджамин, – сознался Чарли. – Но он не разболтает.

– Охотно верю. – Дядя Патон припустил галопом. – Он мальчик со странностями. Насколько я понимаю, он ведь тоже вполне может оказаться из отпрысков Алого короля.

– Кого-кого? – переспросил Чарли. Дядя взбежал на крыльцо номера девять.

– Расскажу как-нибудь в другой раз, – пообещал он. – Кстати, на твоём месте я бы не говорил бабушке Бон про книжный магазин. – И прежде чем Чарли успел спросить почему, дядя распахнул дверь.

А за дверью стояла бабушка Бон, и лицо у нее было темнее тучи.

– Где вас обоих носило? – каркнула она.

– Это тебя не касается, Гризелда. – И дядя пронесся мимо нее.

– Тогда сознавайся ты, – потребовала бабушка Бон у Чарли.

– Оставь мальчика в покое. – Патон взлетел на второй этаж и с грохотом заперся у себя.

Чарли проскользнул в кухню, пока бабушка Бон не начала допрос с пристрастием. В кухне в одиночестве сидела мама и читала газету.

– Мы с дядей Патоном ходили гулять, – поспешно сообщил Чарли. – Просто так.

Мама подняла на него встревоженный взгляд:

– Ты, наверно, знаешь о его... о том, что он устраивает?

– Ну да. Ничего страшного, мам. На самом деле мне даже приятно знать, что кто-то из наших тоже... умеет что-то необычное. – Чарли широко зевнул. Сегодняшняя прогулка была, пожалуй, самой длинной в его жизни. И уж точно самой скоростной. – Пойду-ка я спать, – объявил он.

Уже засыпая, Чарли вспомнил про ключи. Ключи остались в кармане куртки! Надо спрятать их, да понадежнее. А то вдруг бабушка Бон завтра придет рыться в комнате? Вечно она что-нибудь вынюхивает. И почему она всегда должна быть в курсе всего? Это несправедливо. Чарли поспешно переложил ключи в носок одной из

футбольных бутс. Будем надеяться, что в такой ароматный тайник бабушка Бон нос не сунет.

Наутро, после завтрака, Чарли переложил ключи обратно в карман куртки. Но когда он спускался в прихожую, ключи предательски звякнули. И конечно, бабушка Бон была тут как тут – на пороге кухни. Вот не везет!

– Что там брякало? – насторожилась она.

– Мои карманные деньги, – быстро соврал Чарли.

– Неправда. Ну-ка покажи, что ты там прячешь.

– С какой стати? – как можно громче возмутился Чарли, надеясь, что кто-нибудь услышит и придет на выручку.

– Чарли, ты уже купил мне газету? – Через перила перевесился дядя Патон.

– Еще не успел, – с благодарностью в голосе отозвался Чарли.

– Никуда я его не пущу, пока он не покажет мне, что прячет в кармане, – непреклонно заявила бабушка Бон.

Дядя Патон раздраженно процедил сквозь зубы:

– Я только что дал мальчику мелочи на газету. В самом деле, Гризелда, ты ведешь себя как маленькая.

– Да как ты смеешь? – Бабушка Бон кипела от негодования.

Нельзя было терять ни секунды. Чарли просочился мимо разъяренной старухи и вылетел за дверь, успев услышать голос бабушки Бон:

– Ты еще пожалеешь об этом, Патон!

Чарли припустил через улицу к дому Бенджамина. Пришлось позвонить несколько раз, и только тогда ему открыли.

– Ну, чего тебе? – Бенджамин был еще в пижаме.

– Я достал ключи от ящика. – Чарли понизил голос: – Можно я войду?

– Папа с мамой еще не встали, – угрюмо сообщил Бенджамин.

– Я тихо как мышка, честное слово.

– Ладно, заходи. – И Бенджи неохотно впустил Чарли, а затем босиком прошлепал за ним к чулану. – Ну, иди открывай.

– А ты разве не хочешь посмотреть, что в ящике? – удивился Чарли.

– Не-а.

– Да ну перестань ты, Бен! – взмолился Чарли. – Я что, виноват, что меня запихнули в эту несчастную школу? Думаешь, мне больно хочется там учиться? Мне придется, а не то маму с Мейзи просто вышвырнут на улицу!

– Ну да?! – Глаза у Бенджамина стали круглые.

– Вот именно. Дом-то принадлежит бабушке Бон. А вчера, когда тетушки прознали, что я слышу голоса с фотографий, они заявили к нам и устроили мне проверку. Так что, если я не буду их слушаться, они нас выставят. У мамы с Мейзи ни гроша за душой.

Бенджамин охнул:

– Так вот зачем они к вам приходили, эти жуткие тетки!

Чарли кивнул.

– Они сказали, я должен поступить в эту академию, потому что я, мол, особо одаренный – ну, ты понимаешь, голоса с фотографий. Я пытался притвориться, что ничего такого не умею, но они меня провели. Подсунули фотографии, которые так шумели, что я сам себя не слышал.

– Ужас какой, – сокрушенно закивал Бенджи. – Извини, Чарли. А я-то думал, у тебя завелись от меня секреты.

– Ничего подобного. Просто не хотел тебя огорчать в день рождения, – объяснил Чарли.

Над головой у них басовито гавкнул Спринтер-Боб. Он сидел на лестнице, на полпути вниз, и боялся спускаться.

– Ко мне, Спринтер! Иди сюда, посмотришь, что в ящике! – уговаривал Бенджи.

Но пес на уговоры не поддавался. Он тихонько поскуливал, но и не думал двигаться с места.

– Ну, давай за дело.

Бенджи распахнул дверцу чулана и залез внутрь. Чарли уже собирался последовать за ним, но тут Бенджи сказал:

– Нету ящика.

– Как нету? – Чарли это решительно не понравилось.

– Я его поставил за сумкой с одеждой. Сумки нет, и ящика тоже. – Бенджамин принялся с грохотом рыться в чулане, переставляя швабры и коробки, заглядывая за стопки книг и пинками расшвыривая обувь. Потом высунулся из чулана. – Его правда нету. Извини, Чарли.

– Слушай, сходи спроси маму, куда она его переставила, а? – попросил Чарли.

– Ты что! Если ее разбудить в воскресенье утром, она знаешь как разозлится! – Бенджи прикусил губу.

Но расстроиться как следует он не успел, потому что Спринтер-Боб скатился с лестницы и метнулся к черному ходу. Пес поднялся на задние лапы, а передними скреб застекленную дверь и яростно лаял.

Мальчики мигом оказались у двери, но увидели только чей-то огненный хвост, который мелькнул и исчез за деревом.

– Огнецы, – выдохнул Чарли.

– Кто-кто? – вскинулся Бенджамин. – Какие еще Огнецы?

И Чарли быстренько рассказал ему про мистера Комшарра с его котами.

– Ну раз кошки, тогда понятно, чего Спринтер так взвился, – сказал Бенджи.

Чарли не раз потом задумывался, нарочно ли коты прибежали к дому Бенджи. Потому что, если бы не коты, Чарли не очутился бы у черного хода. А не очутись он у черного хода, Чарли не расслышал бы негромкое «тук-тук-тук», доносившееся из-за соседней дверцы.

– А что там? – быстро спросил он.

– Подвал. Там все ступеньки сгнили, и мы в него не спускаемся – опасно, – объяснил Бенджи.

– Но кто-то спускался. – И Чарли открыл дверь. Под ногами у него был темный краешек пола, а дальше – темнота и пустота. Чарли осторожно перешагнул порог и взгляделся во мрак. Он едва-едва различал очертания шаткого вида лестницы, тонувшей во тьме. Снизу, из темноты, вновь донесся приглушенный стук – и смолк.

– Тут есть лампочка. – Бенджи нажал на выключатель.

Лампочка, свисавшая на проводе с потолка, осветила подвал – почти пустой и покрытый слоем пыли. Тут-то Чарли разглядел толком, какая хлипкая эта лестница. Часть ступенек сломана, а часть просто отсутствует.

– Папа все обещается ее починить, но ему некогда, – смутился Бенджи.

– Ну, я полез вниз, – объявил Чарли. Отсюда, сверху, он видел, как поблескивает у подножия стремянки серебристый ящик.

– Ой, Чарли, не надо! – испугался Бенджи. – Грохнешься еще, и я буду виноват.

– Ты тут в любом случае ни при чем, – успокоил его Чарли. – Мне же надо открыть ящик.

– Почему? – проскулил Бенджи. Спринтер-Боб поддержал его жалобным тонким «у-у-у».

– Потому что я хочу выяснить, что там внутри, до того, как меня упекут в эту академию. Оп!

Нога у Чарли соскользнула, но он успел ухватиться за ступеньку покрепче. Остаток пути он проделал чрезвычайно осторожно, нащупывая ступеньки попрочнее. Наконец, после нескольких «ой» и «оп», под аккомпанемент зловещего треска он спустился на пол.

– Вытащи ящик наверх, – предложил Бенджи, свесившись в подвал, насколько хватило храбрости.

Но Чарли уже пытался вставить первый из ключей в замочную скважину ящика.

– Лучше я тут все сделаю, – отозвался он, не поднимая головы. – Еще неизвестно, что из него вылезет.

Первый ключ не подошел, второй – тоже. Из ящика больше не доносилось ни звука. Может, и стучало-то не в ящике, подумал Чарли. Может, это в трубах стучало или крыса под полом шебаршилась. Третий ключ тоже не подошел.

Всего мисс Ингльдю дала Чарли ровно десять ключей. На пятом мальчик заподозрил, что не подойдет вообще ни один. Некоторые ключи были даже на глаз великоваты для замка. Чарли вздохнул и принялся за шестой.

– Ну как? – поинтересовался Бенджамин.

– По нулям, – откликнулся Чарли. – Ну и холодина же тут. Наверно, мне...

Наверху кто-то громко забарабанил во входную дверь. Пес гавкнул, а Бенджи вскочил.

– Ой, а что же мне делать? – перепугался он.

– Иди скорее посмотри, кто там, пока родители не проснулись, – посоветовал Чарли. – А дверь в подвал закрой, а то мало ли кто пришел.

Про лампочку он напомнить не успел, но Бенджамин совсем ничего не соображал с перепугу и, прежде чем захлопнуть дверцу,

машинально выключил свет. Бум.

– Эй! – шепотом закричал Чарли. Получилось очень тихо.

Бенджамин исчез. Чарли остался один, взаперти и в темноте. Ни ключей, ни ящика в таком мраке он различить не мог. А вот нащупать мог, и, проведя пальцами по ребристой поверхности ящика, он нашарил маленькую табличку. Постепенно ему удалось одну за другой нащупать буквы, которые сложились в слова «Двенадцать колоколов Толли».

А в это время Бенджамин в смятении пошел открывать дверь. Он ломал голову, кто бы это мог заявиться в такую рань, да еще в воскресенье. Впустить? Не впустить? А если впустить, то бежать ли потом к Чарли? Ой, мамочки, а Чарли-то в темноте сидит, запоздало сообразил Бенджи.

Он осторожно приоткрыл дверь и высунул наружу нос. На крыльце стояла какая-то дама – черноволосая, в темном глянцевином плаще. И хотя до этого Бенджи видел ее наполовину скрытой зонтиком, но сразу узнал. Узнал по красным ботинкам. Одна из Чарлиных теток!

– Да? – вежливо сказал он, но распахивать дверь воздержался.

– Доброе утро, деточка! – сладким, прямо-таки липким голосом пропела дама. – Ты, наверно, Бенджамин.

– Угу, – отозвался Бенджи.

– А мой внучатый племянник у тебя? Чарли? Я ведь знаю, вы друзья не разлей вода. – Она приторно заулыбалась.

По счастью, от необходимости отвечать Бенджи избавил пес: он утробно, грозно зарычал.

Дама издала фальшивый смешок:

– О-о-о, я, похоже, не по нраву твоему песику?

Нельзя выдавать Чарли этой Юбимихе, лихорадочно решил Бенджи.

– А его тут нет, – выпалил мальчик. – Я его не видел со вчерашнего дня.

– Да что ты говоришь? – протянула тетка, выгнув черную бровь. Улыбка исчезла с ее лица, как не бывало. – Как это странно. А он утверждал, что собирается к тебе в гости.

– Ничего подобного, – пискнул Бенджамин.

– А ты откуда знаешь? – Тетка впилась в него глазами. Голос у нее стал железный.

– Если бы собирался, он был бы тут, – поспешно парировал Бенджи.

Тут Спринтер-Боб разразился оглушительным лаем, так что Бенджи удалось захлопнуть дверь перед теткиным носом. Он запер замок и задвинул засов, а потом поглядел в глазок и отпрянул, потому что с той стороны на него смотрела побелевшая от ярости тетка.

Бенджи отпрыгнул от двери и на цыпочках проследовал к подвалу.

– Чарли! – шепотом позвал он, отперев дверь. – Там одна из твоих тетушек.

– Только не это! – сипло прошептал Чарли из темноты. – Бен, зажги свет!

– Ой, извини! – Бенджи поспешно щелкнул выключателем и заглянул в подвал. Чарли стоял на коленях над ящиком.

– Которая из тетушек? – спросил он.

– У нее черные волосы, длинный черный плащ, ботинки красные, лицо бледное, – шепотом перечислил Бенджи.

– Венеция, – прошелестел Чарли. – Она из них троих самая хитрющая.

– По-моему, она так и будет торчать на крыльце до упора, – предупредил Бенджи. – Ты лучше иди через черный ход.

Но у Чарли осталось еще четыре ключа. Ни один не подошел, и мальчик в сердцах швырнул ключи на каменный пол.

– Но я должен найти ключ! – в отчаянии воскликнул он.

– Чшш! Она тебя услышит! – испугался Бенджи.

– Все, я полез обратно. – И Чарли принялся карабкаться по стремянке. Обратный путь оказался еще труднее. Часть хлипких и гнилых ступенек сломалась по дороге вниз, так что теперь то и дело приходилось подтягиваться на руках.

– Уйй! – вырвалось у Чарли, когда в палец вонзилась заноза.

– Чшшш! – прошипел Бенджамин.

Наконец Чарли удалось вылезти, и мальчики крадучись подобрались к парадной двери. Бенджи приник к глазку.

– Ушла, – с облегчением сообщил он.

– Даже и не знаю, хорошо это или плохо, – вздохнул Чарли. – Может, она меня где-нибудь подкарауливает. С нее станется.

– А ты пойди черным ходом и через сад, а потом выглянешь через забор, проверишь, нет ли ее поблизости, – предложил Бенджи. – Так надежнее.

– Хорошая мысль, – согласился Чарли.

Они отправились к черному ходу под радостный лай Спринтера-Боба, решившего, будто его возьмут на прогулку.

– Крепко же спят твои мама с папой, – удивился Чарли.

– Устали потому что. Слушай, а почему тебе так важно открыть ящик? – спросил Бенджи. – Пусть себе стоит закрытым хоть до скончания веков. Запихнем его в мусор, и все дела.

– Не пойдет. – Чарли покачал головой. – Та штука, которая стучит, была в ящике. На нее обменяли девочку. Значит, она и поможет мисс Ингльдю вернуть племянницу. Так что ящик нужно сохранить.

– А может, там какая-то страшная гадость, которая никому не нужна?

– Кому-то она явно нужна, – веско сказал Чарли. – Но этот кто-то не получит ящик, пока я не отыщу девочку, а девочка, по словам мистера Комшарра, в академии Блура. – Чарли рывком распахнул дверь черного хода, скатился с крыльца и припустил через сад.

Бенджамин встревоженно смотрел, как Чарли промчался за калитку, даже не подумав оглядеться. Ну точно, эта жуткая тетка его поймает! Как пить дать. Бенджи вздохнул. Чарли иногда сначала сделает, а потом подумает.

Спринтер-Боб так надулся, что его не взяли на предполагаемую прогулку, что Бенджи решил накормить пса до отвала. А при мысли о жареной колбасе он почувствовал, что и сам проголодался.

Посреди кухонного стола белела визитная карточка. А на карточке золотыми буквами значилось: «Орвил Комшарр и Огнецы».

Как она сюда попала? И почему?

А Чарли уже добежал до конца аллеи за домом Бенджамина. Он очутился на той самой улице, где впервые увидел, как дядя Патон взрывает фонари. Чарли бросил быстрый взгляд направо, потом налево. Тетушки не видать.

– Может, мне все-таки удалось ее провести, – пробормотал Чарли себе под нос. Он промчался на Филберт-стрит, свернул за угол и...

– Попался!

В плечо Чарли впились длинные ногти тетушки Венеции.

— Ты пойдешь со мной, деточка, — вредным голосом проворковала она. — У нас к тебе кое-какие вопросы. И если ты на них не ответишь, то пожалеешь. Очень пожалеешь.

Глава 6

ЧЕТВЕРТЬ ИДЕТ ПРАХОМ

Тетушка Венеция отконвоировала Чарли домой, придерживая за шею отточенными ногтями. Чарли всю дорогу пытался увернуться и так и сяк, но тщетно – хватка у тетушкиных когтей была просто стальная.

Бабушка Бон с каменным лицом поджидала их в прихожей.

– Молодец, Венеция. Чтобы гоняться за этим негодяем, нужны крепкие молодые ноги.

– Это я-то негодяй? – возмутился Чарли.

Он уставился на красные ботинки тетушки Венеции. И ничегошеньки у нее не молодые ноги. Просто она хитрющая и коварная. Вот и все.

Бабушка Бон втокнула его в кухню. Чарли плюхнулся на стул и потер шею.

Мама оторвалась от газеты:

– Что случилось?

– Кое-кто проявил себя очень скверным мальчиком, – провозгласила бабушка Бон. – Верно, Чарлз? И к тому же прожженным лжецом.

– Ничего подобного, – буркнул Чарли.

– Именно, именно лжецом. – Бабушка Бон уселась напротив Чарли и впила в него глазами. – Кое-кто присвоил чужой ящик, а открыть его не может.

Чарли и увернуться не успел, как тетушка Венеция выудила у него из кармана связку ключей.

– Ну-ка, что у нас тут такое? – осведомилась она, звонко встряхивая ключами над головой у Чарли.

– Чарли, чьи это ключи? – обеспокоенно спросила мама.

– Ничьи. Они... мне их дал знакомый. Игра такая.

– Лжешь, – припечатала бабушка Бон

– Не смейте его так бранить, – сердито вступилась мама. – Откуда вам знать, что он говорит неправду?

– Эми, дорогая, я знаю о твоём сыне гораздо больше твоего, – холодно сообщила бабушка Бон. – Он получил ящик от одной персоны, которая ничего умнее не придумала. Эта персона забрала ящик, который не принадлежит ей по праву, а глупый мальчишка перепрятал его. Не исключено, что в доме у этого Бенджамина.

– Понятия не имею, о чем это вы, – сопротивлялся Чарли. Он наотрез отказался отвечать на дальнейшие расспросы, и в конце концов бабушка Бон отступилась.

Тетушка Венеция со зловещей усмешечкой швырнула ключи на стол.

– Отнеси-ка их лучше обратно владельцу, – едва ли не ласково посоветовала она.

Чарли сгреб ключи.

– И имей в виду, ты ничего не слышала, – предупредила маму бабушка Бон.

– Да оставьте же вы мальчика в покое! – воскликнула мама.

– На некоторое время оставим. Может быть. – Бабушка Бон и тетушка Венеция многозначительно переглянулись. – У нас есть еще одна дичь.

К величайшему облегчению Чарли, сестры надели шляпы и перчатки и удалились. Не иначе, отправились терзать кого-нибудь еще. Ну, если они нацелились на Бенджамина, подумал Чарли, то Спринтер-Боб их и близко не подпустит.

– Чарли, что происходит? – спросила мама, как только они с Чарли остались наедине.

– Да ничего особенного, мам. Бабушке Бон непременно надо все знать, а у меня есть право на собственные тайны, разве нет?

– Конечно, есть. Но сдаётся мне, на сей раз тайна довольно важная. Ты не расскажешь мне, в чем дело?

Мама так разволновалась, что Чарли ужасно не хотелось ей врать. Поэтому он решил рассказать ей правду. Но частично. Совсем чуточку.

– Понимаешь, все из-за младенца, – начал он.

Мама ахнула:

– Как это – младенца?

Чарли расстроился, потому что она явно испугалась.

– Да, мам, ничего страшного, я не в том смысле, что я похитил младенца! Ничего такого. И вообще, сейчас она уже не младенец. Она,

эта девочка... ей столько же, сколько и мне. А когда она была совсем маленькая, у нее умерла мама, а папа взял и обменял ее на одну вещь...

– Что?! – Мама прижала ладонь ко рту.

– Ужасно, правда? В общем, девочкин папа недавно умер, и единственная оставшаяся родственница ее ищет, но найти никак не может. Вот я и собираюсь ей помочь.

– Ты, Чарли? Но ты же не можешь заниматься поисками пропавших детей. Девочка могла попасть куда угодно.

– А мне кажется, я точно знаю, где она. Извини, мам, но больше я тебе пока рассказать не могу. Ты же меня не выдашь бабушке Бон и теткам, а? По-моему, они явно не на нашей стороне.

– Это точно, – печально подтвердила мама.

– Я найду ту девочку, мам, – серьезно сказал Чарли. – Знаешь, странно, но я чувствую... как будто я должен, обязательно должен это сделать.

К полному смятению Чарли, мамины глаза заблестели от слез.

– Ты вылитый отец, – мягко сказала она. – Конечно, я никому не выдам твою тайну, сынок. Но будь осторожен. Те, против кого ты сражаешься, очень могущественны. – Она покосилась на окно, и Чарли понял намек.

В дверь позвонили.

– Наверно, Мейзи опять забыла ключ, – вздохнула мама. – Иди отопри, Чарли.

Но это была не Мейзи. На пороге стоял незнакомый мальчик с живым и подвижным лицом. Ростом он был повыше Чарли, с блестящими ореховыми глазами и такими же волосами.

– Привет, меня зовут Фиделио Дореми, – сообщил он. – Мне поручили заниматься с тобой музыкой. Буду тебя подтягивать. Тебе просто повезло! Что скажешь?

Чарли онемел.

– Да ведь сегодня воскресенье, – выдавил он наконец.

Мальчик улыбнулся до ушей:

– А я на неделе страшно загружен. Можно войти? – В руках у него был скрипичный футляр.

Чарли попытался собраться с мыслями:

– Я не понял, кто тебя прислал?

– Как кто – академия Блура, – жизнерадостно отозвался Фиделио. – Мне сказали, с музыкой у тебя не ах. – Он заулыбался еще шире.

– С музыкой у меня вообще никак, – улыбнулся в ответ Чарли.

Фиделио, не дожидаясь приглашения, вошел в прихожую.

– Ну, а где у вас фортепиано? – осведомился он.

Чарли провел его в столовую, которую отпирали только для визитов тетушек. В дальнем конце гостиной у стены поблескивало фортепиано. На памяти Чарли на нем ни разу не играли.

Фиделио откинул крышку и пробежался пальцами по клавиатуре. Зазвучала переливчатая трель – красиво, подумал Чарли.

– Не мешало бы его поднастроить, – оценил Фиделио. – Но сойдет и так. На нем кто-нибудь играет?

– Наверно, мой отец играл, – неожиданно для себя произнес Чарли. – Точно не знаю. Он умер.

– О-о... – Фиделио в первый раз посерьезнел.

– Он давно умер, – поспешно добавил Чарли.

Фиделио вновь заулыбался. Он выдвинул вертящийся табурет, уселся и заиграл – громко и весело.

– Что ты делаешь? – На пороге возникла мама. Лицо у нее было белее снега.

– Добрый день! – поздоровался Фиделио. – Меня зовут Фиделио Дореми. Я пришел заниматься с Чарли музыкой.

– Но почему? – слабо удивилась миссис Бон.

– Так ведь он один из одаренных! И даже если он никогда не станет музыкантом, он же все равно должен хоть что-то знать, когда поступит в академию. Разве нет? – И Фиделио одарил миссис Бон обаятельной улыбкой.

– Да-да, наверно, так и надо, – прошелестела мама. – Просто к инструменту никто не подходил с тех пор, как... уже очень давно. – Нервно откашлявшись, она добавила: – Ну что ж, продолжайте, – и ушла, притворив за собой дверь.

Чарли совсем не понравилось, что столько народу знает про его одаренность.

– А откуда ты узнал про меня? Ну, что я... в общем, ты меня понял.

– Раз тебя записали на музыкальное, а ты даже гамму сыграть не умеешь, значит, ты один из них, – резонно ответил Фиделио. – Потому что все прочие у нас просто гении!

– А много там *наших*? – заинтересовался Чарли.

– Да не то чтобы, – сказал Фиделио. – Я не всех ваших знаю. Некоторые вообще и особо одаренные, и талантливые сразу. Кстати, а что ты умеешь?

Чарли совсем не улыбалось рассказывать про голоса.

– В другой раз объясню, – пообещал он. Фиделио пожал плечами:

– Да пожалуйста, я не настаиваю. Ну, давай займемся музыкой.

Начали они с азов, и, к величайшему удивлению Чарли, после некоторых мучений и ошибок он смог играть аккомпанемент на басах двумя руками, в то время как Фиделио выводил мелодию.

Через час Чарли уже более-менее научился играть гаммы в нескольких тональностях и даже арпеджио. Учитель из Фиделио оказался шумный. Он скакал вокруг Чарли, притопывал, барабанил по клавишам и в полный голос отсчитывал ритм. Под конец он вынул скрипку и принялся аккомпанировать Чарли. Получалось здорово.

– Все, мне пора бежать, – отсалютовал Фиделио смычком, как шпагой. – До следующего воскресенья. – Он выхватил из скрипичного футляра пачку листов и вручил Чарли. – На, это тебе. К следующему разу выучи ноты. Договорились?

– Ладно. – Чарли пошел провожать Фиделио в прихожую. В голове у него все еще звенела музыка.

В тот же день, после обеда, Чарли засел за ноты, оставленные Фиделио. Вскоре он смекнул, что разучивать задание куда легче за фортепиано, но не успел он пробежать пальцами по клавишам, как в комнату ворвалась бабушка Бон и требовательно осведомилась, что это за тарарам он тут устроил.

– Но мне надо заниматься музыкой, раз я поступаю на музыкальное! – объяснил Чарли.

Бабушка Бон фыркнула и шлепнула на стол посреди гостиной здоровенную папку.

– Закончишь с музыкой, займешься этим, – велела она.

Толстая черная папка с вытисненной золотом надписью «Академия Блура» с первого взгляда не сулила ничего хорошего.

– А что в ней? – опасливо спросил Чарли.

– Задания, – мстительно отозвалась бабушка Бон. – Экзаменационные вопросы. Ты должен ответить на каждый. А я в конце каждого дня буду тебя проверять. Ошибешься – придется переделывать заново. Тут работы на неделю, не меньше.

– Так нечестно! – возопил Чарли. – У меня на них половина каникул ухлопается!

– Вряд ли, – с ледяной улыбкой возразила бабушка Бон. – Ведь у тебя есть компьютер. Зато подумай, сколько всего нового ты узнаешь за неделю. Сразу резко поумнеешь, дитя мое.

– А я не хочу быть умным, – проворчал Чарли.

– Если не ответишь на все вопросы, в академии тебе придется очень несладко. Можешь быть уверен. Ты же не хочешь произвести плохое впечатление? – И все с той же малопривлекательной улыбкой бабушка Бон выплыла вон.

Ну что за невезение! Чарли в отчаянии открыл папку и бегло просмотрел вопросы. Их было пятьсот два, и Чарли с ходу понял, что не знает ответа ни на один. Вопросы были сплошь по истории Древнего мира, про какие-то неведомые страны и неизвестных людей. А хуже всего были математические задачки и вопросы по точным и естественным наукам. «Да даже с компьютером у меня сотня лет на все это уйдет», – мрачно подумал Чарли.

Он испустил сдавленный стон. Закрыв крышку фортепиано и поплелся к себе с проклятой папкой. Но когда Чарли проходил мимо дядиной двери, его осенило. Он осторожно постучался.

– Н-да? – сухо спросил дядя Патон дневным, недовольным голосом.

– Дядя Патон, это я, – жалобно сказал Чарли. – Извините, что мешаю, но у меня тут сложности. Мне нужна ваша помощь.

– Раз так, заходи, – с обреченным вздохом разрешил дядя.

Чарли повиновался.

В дядиной комнате царил еще больший беспорядок, чем вчера, – если, конечно, такое возможно. Даже из карманов у дяди торчали листы бумаги.

– Что за сложности? – поинтересовался дядя.

Чарли сгрузил черную папку ему на стол.

– Бабушка Бон сказала, я должен ответить на все эти вопросы за неделю. А их тут пятьсот с лишним.

Дядя сочувственно присвистнул и добавил:

– Та еще задачка, Чарли.

– Но как же я справлюсь, дядя?

– Полагаю, тебе потребуется много бумаги.

– Ой, пожалуйста, не смейтесь, мне не до смеха! – взмолился Чарли.

– Как я понимаю, тебе нужна моя помощь, – изрек дядя. – Если так, то сегодняшнюю свою работу я прервать не могу. Но завтра я непременно к твоим услугам. Багаж знаний у меня солидный. Уверяю тебя, мы быстро справимся. – Дядя постучал пальцем по черной папке. – А теперь соблаговоли забрать эту отвратительную штуковину и оставить меня в покое.

– Ой, спасибо, дядя Патон! Огромное спасибо!

Преисполненный благодарности, Чарли направился было прочь, но не удержался и спросил:

– Дядя Патон, а в чем заключается ваша работа?

– Книгу пишу, – не поднимая головы от бумаг, отозвался дядя. – Я давно над ней работаю и, по всей видимости, буду работать всю оставшуюся жизнь.

– А о чем книга?

– Исторический труд. – Дядя торопливо царапал что-то в блокноте. – История рода Юбимов и их прародителя, Алого короля.

Опять этот загадочный Алый король!

– А кто он был такой? – вырвалось у Чарли.

– Кто был Алый король? – Дядя смотрел как будто сквозь Чарли, точно мысли его витали где-то далеко. – Когда-нибудь я расскажу тебе о нем подробно. А пока тебе достаточно знать, что он был королем. И однажды он исчез.

– А-а... – Чарли счел за лучшее тоже исчезнуть, пока дядя не рассердился. Он беззвучно прикрыл за собой дверь.

Дядя Патон сдержал свое слово. Он стал ежедневно заходить к Чарли, и они вдвоем пробивались от одного вопроса к другому. Насчет своей эрудиции дядя не преувеличил – багаж знаний у него и впрямь оказался более чем солидный.

Чарли справлялся с сотней заданий в день. Дядя пообещал, что таким образом к пятничному вечеру работа будет закончена и у Чарли еще останутся свободные выходные до начала занятий в академии.

По вечерам бабушка Бон позволяла Чарли садиться за пианино и разучивать оставленные Фиделио ноты. Но как-то раз Чарли забыл про музыку. Он страшно проголодался, отправился на кухню и намазал толстый ломоть хлеба толстым слоем масла. А потом уснул, уронив голову на стол рядом с надкушенным бутербродом. Проснулся он оттого, что бабушка Бон больно дернула его за волосы и заставила поднять голову.

– Музыка, Чарлз! – прогремела она. – Пока не позанимаешься, ужина не получишь!

Чарли потащился к пианино. Бабушка следила за ним пристально, как ястреб за добычей, пока Чарли не уселся за инструмент. От усталости он еле шевелил пальцами, так что даже не попытался играть. Просто отодвинулся вместе с табуретом, сложил руки на груди и пробормотал:

– Вот был бы жив папа, он бы со мной занимался. Наверно, после него на пианино никто толком уже не играл.

Бабушка Бон уже направлялась к дверям, но вдруг обернулась и заговорила:

– У твоего отца был рояль. Он стоял посреди ярко освещенной залы. Только рояль и твой отец, Лайелл, больше там ничего не было. Высокие окна выходили на озеро, но твой отец туда даже не глядел. Он неотрывно смотрел в ноты, и пальцы его бегали по клавишам. Вот так он творил чары.

– А что случилось потом? – отважно спросил Чарли.

Ему показалось, что в голове у бабушки Вон щелкнуло. Она мигом отвлеклась от воспоминаний.

– А потом, Чарлз, он нарушил правила. Вот что было потом. Смотри, как бы с тобой такого не случилось!

Она удалилась, а Чарли вдруг почувствовал, что спать ему резко расхотелось. За какие-нибудь полчаса он так хорошо выучил ноты, что даже смог сыграть простенькую мелодию.

С того вечера, как коварные тетушки подстроили ему ловушку, Чарли старался не смотреть на журнальные и газетные фотоснимки. Он не хотел слышать голоса. И тем более не хотел подслушивать частные разговоры и чужие секреты. Стоило маме развернуть газету, Чарли тотчас отворачивался. Но Мейзи настойчиво советовала внуку все-таки пользоваться своим даром – хотя бы для забавы. В конце

концов она уговорила Чарли послушать, о чем беседуют на фотографии ее любимые кинозвезды – Грегори Мортон и Лидия Чикс.

На фото оба позировали на фоне бассейна, и поначалу Чарли разобрал только тихий плеск воды. Он уже хотел отложить журнал и даже понадеялся, что несчастный дар пропал, но тут раздался чей-то голос:

Тебе следует сбросить вес, дорогуша. А то ты выпираешь из купальника.

Наверно, этот голос принадлежал фотографу, потому что Грегори Мортон разразился грубыми ругательствами и рявкнул:

Оставь мою цыпочку в покое, ты, поганец! Мне она нравится пухленькой! Ясно тебе?!

А Лидия Чикс забранилась еще хуже, чем Генри, а потом взвизгнула:

Отстаньте от меня оба! Какой хочу, такой и буду! Не вашего ума дело!

Чарли пришлось повторить их речи маме с Мейзи. Обе хохотали до слез, а Чарли подумал было: ничего смешного не вижу, но Мейзи смеялась так заразительно, что он тоже захихикал – за компанию.

– Ах, Чарли, пожалуйста, давай еще! – упрашивала его Мейзи. – Вот послушай-ка, а тут что происходит? – И она подтолкнула журнал обратно к Чарли, тыча в снимок премьер-министра со всем семейством.

Чарли не успел даже толком взглянуть на фото, как дверь распахнулась и в кухню влетела бабушка Бон. Она мигом смекнула, что тут происходит, кинулась к столу, вырвала у Чарли журнал и шваркнула его на пол.

– Да как вы могли? – прогремела она, переводя уничтожающий взор с Мейзи на маму и обратно. – Мальчик одарен свыше! – Она постучала Чарли по темени железным пальцем. – А вы подбиваете его злоупотреблять даром!

– Я же просто... – робко начал Чарли.

– Знаю я, что ты тут вытворял, – оборвала его бабушка Бон. – Торчать в кухне и профанировать свой магический дар – слыханное ли дело? Это же кощунство. Глупый мальчишка, ты просто не заслуживаешь своего дара. Но раз уж он у тебя обнаружился, отныне ты несешь личную ответственность за то, чтобы его оттачивать.

Оттачивать, тренировать, относиться к нему с подобающим уважением, ибо это наследие твоих предков, рода Юбимов. А не транжирить на всякую чепуху и гиль! Прибереги свой дар для важных дел.

Чарли хотел было возразить, что премьер-министр вообще-то и есть *важная* персона, но вовремя смолчал. У него оставалось всего два дня – и двести вопросов из черной папки. Так что рисковать свободными выходными он не решился.

– Не понимаю, почему ребенок не имеет права позабавиться, хотя бы иногда? – негодуяще спросила Мейзи. – Между прочим, он и мой внук тоже.

– Тем хуже для него, – отрезала бабушка Бон. – Чарлз, ну-ка бегом за работу.

Чарли обреченно поплелся к себе наверх. А бабушки в кухне вступили в яростную перепалку. Чарли раскрыл было папку, но тут завидел в окно Бенджамина, переходившего улицу. Недолго думая, он помахал другу и распахнул окно.

– Что у тебя стряслось? – крикнул Бенджи. – Тебя сто лет не видно. Я тебе в дверь звонил, звонил, а никто так и не открыл.

Чарли показал ему черную папку.

– Мне надо сделать пятьсот заданий! – пожаловался он. – Осталось двести, и тогда на выходные я свободен. Как там... ну, Та Штука?

– Плохо. – Бенджамин нервно оглянулся через плечо. – Она... все еще шумит. Опять приходила одна из твоих жутких теток. Изображала, что собирает деньги на благотворительность, но я ее узнал. Похожа на ту, первую, только старше.

– Ты не впускал ее в дом? – встревожился Чарли.

– Нет. Спринтер-Боб спугнул ее фирменным рыком. Она ретировалась.

– Ай да пес! – Чарли глубоко вздохнул. – Ладно, Бен, мне пора работать. В пятницу закончу, тогда увидимся.

– Ага... – Бенджамин грустно помахал на прощание. – Странная какая-то четверть. Никого не видать. Пойду-ка я свожу Спринтера в кино.

– Кстати, в «Мираже» идет «Кошки против собак», – сообщил Чарли. – Спринтеру-Бобу точно понравится. – Он запер окно и уныло

засел за черную папку. Но сосредоточиться не удавалось. Мысли Чарли крутились вокруг серебристого ящика. Что же в нем такое? И почему Юбимы из кожи вон лезут, чтобы его заполучить?

Глава 7

ВО ВЛАСТИ ЧАР

Пришла пятница, наступил вечер, и бабушка Бон уселась читать последнюю сотню заданий из черной папки. Чарли накануне тщательно проверил все ответы вместе с дядей Патеном и теперь был уверен, что ошибок в них нет. Но бабушка Бон вникала в неразборчивый почерк Чарли с таким мрачным выражением на лице, что сердце у мальчика ушло в пятки. В комнате у бабушки было жарко и душно. А Чарли к тому же пришлось стоять прямо подле обогревателя. Бабушка Бон восседала прямо перед внуком за столиком, вытянув тощие ноги к обогревателю, и Чарли бросилось в глаза, что на толстых шерстяных носках у бабушки Бон дырки, а из них торчат большие пальцы. Его замутило.

Наконец бабушка Бон скрепя сердце поставила крошечную галочку возле последнего ответа на последней странице, взглянула на Чарли и вынесла приговор:

- У тебя отвратительный почерк.
- Но все ответы правильные? – с надеждой спросил Чарли.
- Да. – Бабушка чихнула и громогласно высморкалась. – Ты что, списывал?
- Списывал? – Чарли оторопел. – Н-нет.
- Так да или нет?
- Ничего я не списывал, – насупился Чарли. – Ну вы же мне сказали, что задания можно на компьютере делать или по книжкам? Вот я и делал.
- Вот тебе еще десять вопросов. – Бабушка Бон протянула Чарли лист бумаги. – Садись вот сюда, за стол, и пиши ответы прямо здесь, у меня на глазах. Вопросы легкие, справишься без компьютера.
- Но мы так не договаривались! – взвыл Чарли. – Это нечестно!
- Такова жизнь, – отрезала бабушка Бон. Она прошествовала к своей бескрайней кровати и устроилась на подушках. – Ну же, начинай. Раньше сядешь – раньше закончишь.

Чарли молча скрипнул зубами. Все десять вопросов оказались задачками по математике. Он приглушенно застонал и взялся за дело.

На первые две задачи у него ушла целая вечность, но, приступив к третьей, Чарли услышал за спиной храп.

Бабушка Бон уснула! Чарли опасливо обернулся. Из приоткрытого бабушкиного рта вырывался мощный рокочущий храп. Чарли на цыпочках выскользнул за дверь, прикрыл ее и крадучись двинулся по коридору. Дверь, правда, тихонько щелкнула, но, по счастью, старуху это не разбудило.

Чарли украдкой шмыгнул на улицу, даже не накинув куртку, и помчался к дому Бенджамина. Еще на крыльце он услышал лай Спринтера-Боба, а затем – три коротких пронзительных вскрика. Чарли поспешно позвонил.

В дверном глазке появился чей-то глаз. Дверь отворилась.

К изумлению Чарли, на пороге стоял не Бенджамин, а... мистер Комшарр.

– Тебя-то нам и надо! – Мышелов даже подпрыгнул. – Мы тебя жаждали. Проходи скорее.

В глубине дома яростно гавкнул пес.

– Успокойся, Фасоль! – крикнул псу мистер Комшарр. – Веди себя прилично. Мои Огнецы не выносят невоспитанных собак. – И он мягкими прыжками понесся к подвалу. На пороге подвала Чарли увидел Бенджамина; тот из последних сил удерживал за ошейник рвущегося Спринтера-Боба. Рычание пса перешло в гневный вой.

Чарли подошел поближе и понял, в чем дело. Три огненных кота ходили вокруг металлического ящика. Внезапно Феникс испустил зловещее урчание и взлетел на крышку ящика. Везувий, хлеща себя хвостом по бокам, стал драть когтями замок, а Саламандр вцепился зубами в одну из застежек.

– Давайте, Огнецы! – поощрял их мистер Комшарр. – Я знаю, это еще цветочки. Покажите, на что вы способны!

Коты сверкнули на него глазами – и странные же у них были глаза! – а потом началось самое интересное. Все три кота принялись кружить вокруг ящика, друг за другом, и они кружили все быстрее и быстрее, пока не слились в одно яркое кольцо, сиявшее нестерпимым светом. Быстрее, еще быстрее мчались коты по кругу, и вот уже не стало котов, а на их месте мчались и трещали язычки пламени. Они подбирались к ящику все ближе и ближе, жадно лизали металл, жгли

его изо всех сил. В подвале резко запахло гарью, Чарли с Беном закашлялись, а Спринтер-Боб взвыл и в страхе рванулся прочь.

Но Огнецы старались зря. Когда пламя улеглось и вместо него опять возникли три огненных кота, все увидели, что ящик по-прежнему цел, невредим и заперт на замок.

– Тебе нужно найти ключ, Чарли, – сказал мистер Комшарр. – Доктор Толли запер ящик надежно. Может быть, он хотел закрыть ящик на веки вечные.

Кошачья троица легко взлетела по шатким ступенькам из подвала наверх. Когда коты поравнялись с Чарли, он ощутил, что их огненные шубки еще потрескивают от жара.

– В холодную ночь с ними очень уютно, – сообщил мистер Комшарр. – А кофе в этом доме наливают?

Прихлебывая крепкий кофе, приготовленный Бенджи, мистер Комшарр признался Чарли, что ящик перепрятал в подвал он.

– Я заглянул сюда на минутку, пока юный Бенджамин гостил у тебя, – поведал мистер Комшарр. – Как я понимаю, то был его день рождения. Но праздничного пирога почему-то совсем не осталось – я не нашел.

– А как вы попали в дом? – подозрительно поинтересовался Чарли.

– Меня впустила матушка Бенджамина, – объяснил мистер Комшарр. – Видишь ли, мы – Огнецы и я – повстречали на улице такую приметную даму, всю в черном, но при красных ботинках. Она собирала обноски с благотворительными целями. И мы догадались, что она очень скоро доберется до дома номер двенадцать и спросит, мол, не найдется ли какой старой одежды. А матушка Бенджамина отопрет чулан, а там, гляньте-ка, этот ящик, и черная дама увидит ящик, а матушка Бенджамина скажет: «Ах, да забирайте его на здоровье, там всякий хлам». А если черная дама заполучит ящик, тут всем нам и конец, верно? Но мы – Огнецы и я – успели в чуланчик первыми. Как ты понимаешь, матушка Бенджамина пустила нас якобы выловить мышей, и, пока она угощала меня кофейком, Огнецы предложили мне идею: перепрятать ящик в подвал. Понимаешь?

– А как коты могут что-нибудь предложить? – вытаращил глаза Бенджамин.

– Взглядами, юный Бенджамин, – сказал мистер Комшарр. – И настойчивым мяуканьем, и распушенными хвостами, и проворными когтями. – Мышелов поднялся и, вытерев мохнатые ручки о шерстистое пальто, торжественно продолжал: – Чарли, я от всей души желаю тебе удачи. Не так-то просто переходить в новую школу в середине года. Да и академия Блура – место не из легких. Тебе предстоит преодолеть трудности и опасности, но помни: ты избран, чтобы спасти жизнь украденного ребенка. Что за блистательное начало для карьеры! – Он протянул Чарли руку, и тот пожал ее.

– Избран – кем? – с любопытством уточнил Бенджамин.

Чарли опередил мистера Комшарра:

– Это как-то связано с Алым королем?

– Всецело, – веско отвечал мышелов. Не промолвив больше ни слова, мистер Комшарр быстро порскнул к двери – и вот он уже спешит прочь по улице.

Мальчишки провожали глазами его юркую фигурку, пока мышелов не скрылся за поворотом, а за ним – неизменный огненный шлейф из трех котов.

– Ой, мы даже не спросили его, как он прознал про ящик! – спохватился Бенджамин.

– Да я много о чем его так и не спросил. Не успел, – вздохнул Чарли. – В жизни не встречал таких шустрых типов.

А сам подумал: ну хорошо, пока что ящик доктора Толли в безопасности, но ведь рано или поздно тетки до него доберутся. Только вот когда? Нужно срочно перепрятать ящик в надежное место. В такое, где им и в голову не придет искать. И тут Чарли осенило,

– Фиделио Дореми! – воскликнул он.

– Кто? Что? – Бенджамин подпрыгнул.

– Один мальчишка, – объяснил Чарли. – Он со мной музыкой занимается. Приходи в воскресенье – познакомлю. Он-то нам и поможет. Я точно знаю!

Бенджамин в сомнении заерзал.

– Нам же сначала ключ надо найти.

– Вот завтра и займемся, – согласился Чарли.

Когда Чарли вернулся домой, то обнаружил, что бабушка Бон отправилась с визитом к сестрицам. Возвратилась она поздно, так что неприятный вопрос про десять задачек как-то рассосался.

Наутро Чарли поднялся пораньше и крадучись прошмыгнул в кухню. Там никого не было, кроме Мейзи.

– Иди развлекайся, Чарли. Иди-иди, отдыхай, пока есть возможность. На вот тебе. – С этими словами Мейзи сунула ему в карман шоколадку.

То, что мне предстоит сегодня, отдыхом не больно-то назовешь, подумал Чарли. Дело серьезное. Но Мейзи он ничего не сказал.

Бенджамин уже ждал его на крыльце своего дома. Пса он оставил сторожить ящик, и горестный вой еще долго провожал их.

– Мы ведь быстро управимся? – Бенджи, чувствуя себя жестокосердным негодяем, оглянулся, а потом расстроено заглянул в глаза другу.

Чарли заколебался.

День снова выдался холодный и пасмурный. Ветер то и дело швырял в лицо мальчикам пригоршни ледяной колючей крупки, так что им все время приходилось пригибать голову.

Прохожих попадалось мало, а в районе собора улицы вообще были безлюдны. Однако на подходе к книжному магазину Ингльдью из-за снежной завесы возникли фигуры двух парней лет шестнадцати-семнадцати. Завидев Чарли с Бенджамином, парни остановились и преградили мальчикам дорогу. Чарли шагнул с тротуара на мостовую, и тут один из парней осведомился:

– Ты Чарли Бон?

Чарли вздрогнул. Он уже слышал этот голос! Подняв голову, он тотчас узнал героя репортажа – того самого, который смотрел на него с газетной страницы. Манфред Блур!

– И куда же ты направляешься, Чарли Бон? – спросил Манфред.

– Не твое дело. – Чарли старался говорить как можно храбрее и развернул плечи пошире.

– Да ну? – Второй парень пронзительно захихикал.

– Очень даже мое, – процедил Манфред. – Но я и так знаю. Ты направляешься в так называемый книжный магазин Ингльдью, чтобы выпросить у хозяйки ключ – ключ от некоего ящика, который тебе, как, впрочем, и ей, не принадлежит.

Не отвечая ни слова, Чарли попытался обогнуть Манфреда по мостовой, но тот выбросил вперед руку и цепко схватил мальчика за плечо. Его спутник, рыжий прыга, вцепился в Бенджамина.

– У меня для тебя скверные новости, – холодным, ровным голосом сообщил Манфред. – Ни в какой книжный магазин ты не пойдешь. И никакого ключа не получишь. И ящик этот ни одна живая душа не откроет, пока он не попадет ко мне в руки.

– Понятия не имею, о чем это ты. – Чарли извивался, пытаясь вырваться из хватки Манфреда.

– Мы просто идем купить книжку, – вставил Бенджамин.

– У Ингльды детских книг не держат, – вмешался рыжий.

– А ну пусти! – завопил Чарли. – Куда хочу, туда и иду! Не имеешь права мне мешать! – Он размахнулся свободной рукой и как следует заехал Манфреду в ухо, но тот был выше и сильнее; он вывернул Чарли обе руки и принялся сжимать их все сильнее и сильнее, пока Чарли не опустил на мокрую мостовую.

– Ну-ка погляди на меня! – скомандовал Манфред.

Чарли повиновался. Ослушаться не получалось.

– Смотри мне в глаза! Я сказал – в глаза! – зловеще прошипел Манфред.

Глаза у него были как холодные блестящие угольки, черные и бездонные. Чарли заворуженно смотрел в эти глаза, не в силах отвести взгляд. Он чувствовал, как погружается во тьму, все глубже и глубже. Да что там! Он тонет! Он не может сделать ни единого вдоха! Весь мир за пределами угольно-черных глаз Манфреда расплылся и исчез, и Чарли очутился в каком-то совсем ином мире. В автомобиле.

Автомобиль на бешеной скорости мчался по лесу, и Чарли обнаружил, что сидит за рулем. Теперь угольно-черные глаза были рядом и вновь раздалось зловещее шипение: «Смотри мне в глаза!»

Автомобиль резко тряхнуло, а потом Чарли выволокли наружу. Он упал на колени на краю глубокого карьера и краем глаза видел, как автомобиль – синий автомобиль – рухнул в эту пропасть. Тишину леса взорвал птичий гай, а потом откуда-то из глубины карьера донесся гулкий всплеск.

– Чарли! Да Чарли же!

Чарли с трудом поднял веки и обнаружил, что сидит на тротуаре, привалившись спиной к фонарному столбу. А взъерошенный Бенджамин заглядывает ему в лицо.

– Что с тобой? – Голос у Бенджи дрожал от страха.

– Не знаю, – выдавил Чарли.

– Ты вроде как уснул, – пролепетал его друг. – Я тебя трясусь, трясусь, а ты все не просыпаешься!

– Почему это я уснул? – Чарли чувствовал себя довольно глупо.

– Как посмотрел в лицо этому парню, так и выключился, – объяснил Бенджамин. – По-моему, он тебя загипнотизировал.

– Кто? Когда? – Чарли силился вспомнить, но ничего не выходило. – Что я вообще тут делаю?

– Ой, Чарли! – Бенджамин всплеснул руками. – Да ты все забыл! Мы с тобой пошли к мисс Ингльдю за ключом, а тут откуда ни возьмись эти два парня, и тот, который с длинными волосами, заставил тебя глядеть ему в глаза, и с тобой стало твориться что-то странное, а потом ты взял и заснул.

– Та-а-ак... – К Чарли постепенно возвращалась память. Его пробрала дрожь. Воздух был обжигающе-ледяной, но воспоминание о пронзительном взгляде Манфреда жгло еще сильнее.

– Ну что, пойдем в магазин? Или нет? – робко спросил Бенджамин.

– Мне что-то нехорошо... – промямлил Чарли, с трудом поднимаясь на ноги.

Бенджамин никогда ничего подобного от него не слышал. Чарли всегда прекрасно себя чувствовал. И Бенджамин испугался не на шутку.

Они двинулись домой по мокрым обледенелым улицам, и Чарли все бормотал про гонку по лесу и про синий автомобиль, рухнувший с обрыва. Может, это у него лунатизм, подумал Бенджамин. Ой, а вдруг Чарли вообще спятил? Несет какую-то околесицу...

И вдруг Чарли остановился, схватил Бенджи за руку и воскликнул:

– Понял! Я видел то, что случилось с папой! Он вместе с машиной упал в карьер!

– Что, правда? – удивился Бенджамин. – А я-то гадал, куда он делся. Вообще-то я всегда думал, что он просто сбежал.

– Ничего он не сбежал, – сумрачно ответил Чарли. – Его убили.

Бенджамин не нашелся что сказать. Ну и жизнь у Чарли пошла, подумал он. Сплошные сложности и опасности.

Мальчишки наконец добрались до дома номер девять, и Бенджамин решил, что его другу самое время отдохнуть. К тому же он издалека

заслышал обиженный лай Спринтера-Боба. Неужели он целый час подряд лаает?

– Знаешь что, давай про ящик поговорим завтра, – предложил Бенджамин. – Я приду как раз к твоему уроку музыки.

– К-к-какой еще музыки? – озадаченно спросил Чарли.

– Фиделио Дореми, – терпеливо напомнил Бенджи.

– Ага. Угу. – Бледность постепенно сползла с лица Чарли. – А, конечно. Тогда до завтра, Бен.

Чарли с трудом поднялся на крыльцо номера девять. В доме было тихо. В прихожую из кухни струились ароматы Мейзиной стряпни, но Чарли даже не почувствовал голода, – напротив, у него заболел живот.

Он еле доплелся до своей комнаты и рухнул в кровать. Наверно, вот так себя чувствуют пациенты после операции, проползло у него в голове. Вроде бы ты не совсем в этом мире, то есть не целиком, а только частично.

Этот Манфред Блур знал, кто он, Чарли, такой. Но откуда, как? Чарли вспомнил фотографию. Я смотрел на снимок доктора Толли с младенцем и слышал голоса, и оттуда выглянул кот, Феникс, и увидел меня, соображал Чарли. Значит, несмотря на то, что прошло восемь лет, какая-то ниточка все-таки осталась, связь не прервалась. Так, может, когда я увидел Манфреда в газете, он тоже меня увидел и узнал, кто я?

Проведу-ка я эксперимент, решил Чарли. Он помнил, что где-то у него завалялся снимок Бенджамина, сделанный в тот же день, что и злополучная фотография Спринтера-Боба. Чарли порылся в комод и вытащил карточку, с которой таращился ошарашенный Бенджи. Вспышка застала его врасплох.

Чарли пристально смотрел на лицо приятеля. Некоторое время ничего не происходило – Бенджи просто смотрел с фотографии. А потом раздался тоненький голос:

Чарли, ну не надо меня фотографировать.

Где-то вдалеке залаял пес, а потом Чарли услышал свой собственный голос:

Улыбнись, Бен! Ну давай же! Ты отлично выглядишь. Правда же!

И все. На этом голоса умолкли. Слышалось только тяжелое дыхание пса, а потом последовал длинный, с подвыванием зевок.

А в это время в доме номер двенадцать Бенджамин как раз открыл большую упаковку земляничного йогурта. И только он занес над йогуртом ложку, как в розовой массе возникло лицо Чарли. У Бенджамина екнуло в животе. Он поспешно сунул йогурт обратно в холодильник.

– Скис, – сообщил он псу. – Съедем-ка мы лучше сыру.

Спринтер-Боб возликовал и радостно заколотил хвостом.

Что касается Чарли, мама разбудила его к ланчу, но потом он опять уснул. Вечером Мейзи спросила:

– Ты не захворал?

Вид у Чарли был странный, и к своей порции рыбы он даже не притронулся.

– Я не болен, – ответил Чарли. – Это на меня гипноз навели.

Мейзи с мамой рассмеялись.

– Бабушка Бон вышла на тропу войны, – объявила Мейзи. – Она хотела помучить тебя какими-то вопросами, но потом ей кто-то позвонил и она умчалась к своим дорогим сестрицам.

После чая Чарли опять задремал и проспал до самой полуночи. Разбудил его скрип ступенек: это дядя Патон отправлялся на ночной променад.

Чарли на цыпочках прокрался вниз, в кухню. Теперь голова у него была ясная и к тому же зверски хотелось есть.

В кухне Чарли обнаружил дядю Патона. Тот угощался холодной курицей, креветками и салатом. Еще на столе перед ним стояли булочки и бутылка вина. Большой бокал, из которого всегда пил дядя, был наполовину опустошен.

Кухню едва освещала одна-единственная свечка в причудливом серебряном подсвечнике посреди стола.

Дядя Патон прищурился и разглядел Чарли, который топтался на пороге в полутьме.

– Входи, входи, мой мальчик, – пригласил дядя. – Как ты относишься к курице?

– Я-то? – Чарли поспешно придвинул себе стул. – Сейчас я готов съесть что угодно.

Дядя протянул ему тарелку с куриной ножкой.

– Как прошел день?

– Хуже некуда. – И Чарли рассказал дяде про ключи мисс Ингльдью, Манфреда Блура и про то, как противно, когда тебя гипнотизируют.

Дядя со звоном выронил вилку.

– Не хочешь ли ты сказать, что эти мальчишки пытались помешать тебе добраться до магазина?

– Именно, – сказал Чарли и вгрызся в куриную ножку. – М-м-ф... Манфред хочет перехватить ключ у мисс Ингльдью и опередить меня. А потом явится за ящиком. По-моему, все только и делают, что охотятся за этим ящиком.

– Этой очаровательной даме необходим защитник, – промурлыкал дядя Патон. – Но скажи мне, друг мой, а почему, собственно, ты так непоколебим в решении оставить ящик у себя? От него ведь одни неприятности.

– То, что там лежит, обменяли на ребенка. Что бы там ни лежало, – ответил Чарли, с трудом отрываясь от курицы. – А я хочу поменять ящик обратно, чтобы мисс Ингльдью нашла свою племянницу. Куда это годится – у девчонки никого нет, кроме тети, и та не может с ней повидаться!

– Интересно, неужели этой прелестной даме не приходило в голову проделать подобный обмен? – задумчиво сказал Патон.

– Она только-только получила ящик, – напомнил Чарли. – А до этого ей дурили голову и ввали напропалую. К тому времени, как прислали ящик, она уже и искать бросила.

– А ты, оказывается, неплохо осведомлен. – Дядя Патон встал и понес пустую тарелку к раковине. – Поскольку на следующей неделе ты некоторым образом выбываешь из игры, ключи мисс Ингльдью вместо тебя доставлю я. Если она отыщет нужный, я тебе его отдам, когда ты приедешь на выходные. Но, полагаю, тебе стоит показать мне пресловутый ящик. И я хотел бы присутствовать, когда ты будешь его открывать. Для безопасности.

– Безопасности? – Чарли чуть не подавился курицей.

– Кто знает, что в нем такое хранится? – покачал головой дядя. – Лучше, чтобы поблизости был кто-то взрослый. Ты согласен?

– В общем, да... – У Чарли опять заныло в животе. На этот раз потому, что дядя обмолвился о его, Чарли, отъезде. Целая неделя тюремного заключения в академии Блура! Ужас.

– Дядя, а почему мне обязательно учиться в академии из-за того, что я этот... одаренный? – жалобно спросил Чарли.

– Чтобы за тобой присматривали. Они не хотят, чтобы ты ходил в другую школу, потому что боятся, как бы ты не стал применять свой дар без их ведома. Любят держать все под контролем.

– А вы тоже в академии учились, да?

– Разумеется, – отозвался дядя.

– Ну и как, нравилось вам?

– Нравилось – не совсем подходящее слово. Я притерпелся, скажем так. Я не высовывался, вел себя тихо, и меня более-менее оставили в покое. – Дядя вздохнул. – Полагаю, в этом всегда заключались все мои сложности. Я вел себя тихо даже тогда, когда явно надо было поднимать шум. М-да. Ну что ж, кто знает, возможно, еще не все потеряно.

Пол закрипел под чьими-то шагами. Бах! Дверь распахнулась, вспыхнул свет.

На пороге кухни возвышалась бабушка Бон.

– Эт-то что еще за новости? – Она свирепо воззрилась на Чарли. – Что за пиршество вы тут устроили? Ночь на дворе! А ну марш в постель, Чарлз Бон. Завтра утром чтоб все вопросы закончил. Тебе в понедельник в школу. Ты что, собираешься клевать носом на уроках?

– Спокойной ночи, бабушка, спокойной ночи, дядя Патон, – пулеметом протараторил Чарли и поспешно просочился мимо бабушки Бон. Взбегая по лестнице, он слышал, как старуха обрушилась на дядю:

– Что здесь происходит, Патон? Тебе что, уже нельзя доверять? На чьей ты стороне, хотела бы я знать! А? Отвечай!

Глава 8

НАРУШИТЕЛИ ПРАВИЛ

Бенджамин и Фиделио очутились у дверей номера девять одновременно. Бен тотчас догадался, что этот жизнерадостный мальчик и учит Чарли музыке. Проще простого: у него ведь в одной руке нотная папка, а в другой – скрипичный футляр. Мальчики поздоровались друг с другом, и Фиделио надавил кнопку звонка.

Открыла им бабушка Бон.

– Тебе здесь не место, иди домой, – без всяких околичностей велела она Бенджамину. – У Чарли сейчас урок музыки, ты только мешать будешь.

– Он нам ничуть не помешает! – вступился Фиделио. – Мы собираемся разучивать трио, так что без Бенджамина нам никак.

– Трио? – Бабушка Бон вздернула седые брови. – Галиматья.

Бенджамин уже попятился, но Фиделио удержал его за рукав.

– Он нам очень нужен, миссис Бон, – настаивал музыкант. – Доктор Солтуэзер, завуч музыкального отделения, сказал, чтобы мы порепетировали трио, потому что тогда Чарли будет легче приспособиться к занятиям в классе.

– Кгхм, – нахмурилась бабушка Бон. – Вы, дети, мастера врать. Что-то мне не очень верится в твои рассказы, мальчик. – Но, поскольку уличить Фиделио во лжи старуха все-таки не могла, ей пришлось впустить Бенджи в дом.

Чарли уже всю барабанил гаммы.

– У тебя уже гораздо лучше выходит, – подбодрил его Фиделио. – Сегодня у нас получится страшный шум, потому что играть будем втроем. – Он вынул из нотной папки флейту и вручил Бенджамину.

– Но я не умею... – растерялся тот.

– Скоро научишься.

И точно – через какие-то десять минут Бенджи уже свистел на флейте. Фиделио оказался прав: шум мальчики подняли изрядный. Чарли боялся, что бабушка Бон вот-вот ворвется в гостиную и закатит грандиозный скандал, но она так и не появилась. И здорово же было горланить и колотить по клавишам и вообще шуметь на законных

основаниях! Но, пока Фиделио не объявил перерыв, речь о ящике Чарли не заводил.

Наконец музыкант отложил смычок, и Чарли поспешно сказал:

– Фиделио, у нас тут такое дело... сложное. Мы подумали – вдруг ты нам поможешь?

– Не исключено, – с энтузиазмом отозвался Фиделио. – Давай рассказывай!

И Чарли поведал ему историю про запертый ящик и ключи. Но не полностью – о младенце он умолчал, потому что пока еще не знал, можно ли полностью доверять Фиделио.

– Значит, ты хочешь, чтобы я спрятал ящик, – подытожил Фиделио. – Проще простого. У нас дома полно футляров с музыкальными инструментами. Я его запрячу среди них, и все дела.

– Понимаешь, за нами еще и следят, – сознался Чарли. – И мои тетки уже проведали, что ящик дома у Бена. Так что нам надо придумать, во что его спрятать, когда будем выносить. Какой-то ящик побольше, что ли...

– Я принесу папин футляр от ксилофона, – бодро предложил Фиделио. – Он огромный. Хм, странно, ты сказал насчет слежки, а я вот зуб даю, что видел сегодня Азу Пика на другой стороне улицы. Он, как всегда, был в гриме. Он на театральном учится, но актер никудышный, я его узнал, хотя на нем был длиннющий плащ и шляпа, и еще накладные усы. Но я Азу за милую узнаю, у него глаза желтые, прямо как у волка.

– И он рыжий, да? – вскинулся Чарли, потому что у дружка Манфреда были рыжие волосы.

– Он самый. Он перед Манфредом на задних лапках ходит. Что угодно для него сделает – родную мать продаст.

Чарли рассказал Фиделио про то, как Манфред навел на него чары.

– Про Манфреда ходят темные слухи. – Фиделио помрачнел. – Говорят, с ним поссоришься – и он... жизнь тебе ломает. Так что лучше держитесь от него подальше.

В дверь просунулась бабушка Бон.

– Судя по тишине, я полагаю, вы закончили, – заявила она.

– Вы совершенно правы, миссис Бон, – согласился Фиделио и принялся собирать инструменты и ноты. Чарли с Беном проводили его

к выходу, и уже на пороге Фиделио приглушенно попрощался:

– До завтра, Чарли! До скорого, Бенджамин!

Прежде чем притворить дверь, Чарли торопливо оглядел улицу. Азы не видать. Вообще никого в длинном плаще и накладных усах не видать. Он запер дверь, повернулся к Бену и прошептал:

– Тебе вчера мое лицо не мерещилось, часов так в пять вечера?

– Ну да! – удивленно подтвердил Бенджи. – Почему-то в йогурте. Я его даже съесть не смог.

– Ой, извини, это я один эксперимент ставил.

Интересные у Чарли эксперименты, подумал Бенджамин, и понял, что расспрашивать о подробностях ему почему-то не хочется.

Бабушка Бон милостиво позволила Бенджи остаться к чаю, но потом услала его домой, сказав, что Чарли надо собираться в академию Блура и вещи укладывать.

– Много брать не надо, – пояснила мама, вручая Чарли новую пижаму. – В пятницу ты уже вернешься.

Чарли посмотрел на пижаму, усеянную плюшевыми мишками, и чуть не скривился, но вовремя сдержался. Не хватало еще показаться неблагодарным. Он сложил в сумку чистую рубашку, спортивную форму, носки, белье и синий плащ.

Но мама тут же вынула плащ обратно.

– Тебе лучше надеть его с утра, сынок, – сказала она. – Я вышила твое имя на спине. Зелеными нитками, вот, видишь? Другого цвета не нашлось, ты уж извини.

Чарли упрямо пихнул плащ обратно в сумку.

– Вот доеду до академии, там и надену, – буркнул он.

Выяснилось, что на первый раз мама проводит его до ворот академии. Все документы по зачислению бабушка Бон уже, оказывается, оформила, объяснила мама. А в пятницу Чарли предстояло вернуться домой школьным автобусом и выйти на остановке в конце Филберт-стрит.

– Может быть, тебе захочется взять с собой еще кое-что, – тихонько сказала мама и вышла из комнаты. Вернулась она с каким-то пакетиком, завернутым в белую бумагу. – По правилам тебе полагается надеть синий галстук, – объяснила она. – И бабушка Бон тебе его купила, но... – Она развернула пакет, и Чарли увидел ярко-синий галстук с вышитой золотыми нитками буквой «Ю». – Он принадлежал

твоему папе. – «Ю» значит Юбим. Правда, твой папа носил фамилию Бон, но он все-таки был из Юбимов, а в академии этому явно придают большое значение. Оказывается, Юбимы Блурам сродни.

– То есть как? – Чарли разинул рот. – Родственники? – Он не мог взять в толк, почему мама раньше не сказала о такой важной вещи.

– Очень дальние.

– И Алый король со всем этим тоже связан, да?

– Твой папа о нем упоминал.

– Но тогда почему на бабушкином галстуке нет буквы «Ю»?

– Наверно, она хочет, чтобы сначала ты доказал, что достоин, Чарли. Скорее всего Юбимы думают, будто ты... отобьешься от рук, как когда-то Лайелл. – Она уложила галстук в сумку Чарли. – Мало ли как все обернется – вдруг он тебе пригодится.

Оставшись один, Чарли внимательно рассмотрел галстук. Он был сшит из мягкой блестящей ткани. Шелк? Атлас? Чарли понюхал его. Галстук пахнул так, как раньше пахло от мамы – когда у нее было много красивых нарядов. А сейчас – и Чарли только теперь это понял – все ее наряды поизносились и вид у мамы стал какой-то обтрепанный.

Наутро Мейзи так расщедрилась с завтраком, что он не помещался у Чарли в тарелке. Ему удалось впихнуть в себя только кусочек бекона. Живот болел от волнения.

Казалось, в кухню собрались все обитатели дома номер девять, и все как один взволнованные. Даже дядя Патон нарушил график и объявился.

– Я бы с радостью отвез тебя в школу, мой мальчик, – огорченно сказал он, – но там на милою вокруг нигде не припаркуешься. Персонал бережет парковку для себя.

Все занервничали еще больше, потому что знали, что дяде все равно днем на улицу выходить нельзя. А бабушка Бон объявила:

– Я заказала такси. Автомобиль уже прибыл.

– Но я не хочу на такси ехать! – взвился Чарли. – Все решат, что я пижон!

– Делай что тебе велено, – припечатала бабушка Бон. – А теперь марш за вещами.

Мейзи облила Чарли слезами и расцеловала, дядя Патон помахал ему, а бабушка Бон одарила мрачной улыбкой, после чего Чарли с мамой забрались в такси. Высадились они на боковой дороге, ведущей

к академии, и двинулись через средневекового вида площадь, мощенную булыжником. Посреди площади красовался фонтан с каменными лебедями, а впереди вздымалось высокое серое здание, древнее и величественное. Фасад, выходивший на площадь, насчитывал пять этажей, и в темных окнах поблескивали зеркальные стекла.

Вход в академию представлял собой высокую арку, а по бокам высились две островерхие башни. У подножия широкой лестницы, которая вела в академию, мама вдруг замедлила шаг и взгляд ее как будто примерз к окну в одной из башен. Она так побледнела, что Чарли испугался: а вдруг мама в обморок упадет?

– Что случилось, мам?

– Мне показалось, что за мной кто-то следит, – сдавленно пробормотала она. – Все, Чарли, я должна идти. – Она торопливо поцеловала сына и быстро пошла обратно.

Тут Чарли заметил, что на противоположном конце площади стоят автобусы, а из них высыпают дети, все в разноцветных плащах – синих, фиолетовых, зеленых. Мгновение – и он оказался в гуще толпы. Вокруг бегали, кричали, скакали и переговаривались.

– Чарли! Скорей надевай плащ! – окликнул знакомый голос – А не то тебе влетит! – Из бурлящей толпы возник Фиделио. – Ведь у тебя есть плащ? Я совсем забыл тебя предупредить.

– Есть. – Чарли извлек плащ из сумки и послушно надел его.

– Отлично, а теперь пойдем. И не отставай. Утром по понедельникам у нас тут просто сумасшедший дом.

Они уже пересекали вымощенный плитами внутренний двор, когда внимание Чарли привлекло одно из окон – над ним темнело продолговатое черное пятно.

– Вот там-то Манфред чуть и не сгорел, – прошептал Фиделио.

– Во время пожара? – уточнил Чарли. Фиделио кивнул и многозначительно закатил глаза.

Мальчики поднялись по лестнице и очутились перед двумя распахнутыми массивными дверями, охраняемыми бронзовыми статуями. Чарли, трепеща, поднял на них глаза и вслед за Фиделио вошел в длинный, выложенный каменными плитами холл. И вдруг смех и голоса стихли. Слышался только топот множества ног по гулкому камню.

Стараясь не терять Фиделио из виду, Чарли пробирався сквозь притихшую толпу учеников, шмыгавших туда-сюда и скрывавшихся за разными дверями. Фиделио целеустремленно шагал к двери, над которой висели две скрещенные трубы.

Уже у самой двери над ухом у Чарли кто-то звонко взвизгнул и вцепился ему в плащ. Он обернулся. На каменных плитах холла растянулась девочка с фиолетовыми волосами. Ну и девочка! Фиолетовыми у нее были не только прическа и плащ. На лбу у девочки красовался какой-то фиолетовый узорчик, а на ногах – щегольские фиолетовые туфли, остроносые и на тонких высоченных каблучках-шпильках. Рядом валялся расстегнувшийся рюкзак и рассыпанные тетрадки. И во все стороны катились ручки и карандаши.

– Ой, извини, – пискнула девочка. И захихикала. – Это все туфли! Когда-нибудь я с них так навернусь, что уже не вернусь. – И она расчихикалась еще сильнее.

Чарли уже наклонился, чтобы помочь ей подняться, но тут кто-то грубо отпихнул его:

– А ну проваливай отсюда, Бон!

Это был рыжий Аза. Тоже в фиолетовом плаще. Он впился в девочку злобным взглядом.

– Оливия Карусел! Ты забыла правила? Ну-ка прочитай!

Девочка с трудом поднялась и нараспев продекламировала:

Тишина! Тишина! Тишина царить должна! Упадешь – не смей рыдать! Не кричать и не звать! В холле всем молчать! Бе! Бе! Бе! И так да-ле-е!

Аза цапнул ее за руку и рявкнул:

– Дерзость до добра не доводит! Пошли. – И потащил Оливию прочь.

– Ой! Учебники! Мои учебники! – заверещала Оливия.

Чарли проворно собрал разбросанные учебники и тетрадки, а Фиделио приложил палец к губам и подставил девочкин рюкзак. Заговорил он, только когда оба вошли в дверь под скрещенными трубами:

– Вот теперь можно разговаривать. Они оказались в раздевалке с кафельным полом. Вдоль стен тянулись шкафчики и крючки для плащей. А посреди раздевалки выстроились в ряд раковины.

– А что же будет с той девочкой? – испуганно спросил Чарли.

– Наверно, оставят после уроков и не пустят домой до воскресенья. И еще она получит жуткий нагоняй от Манфреда. Она у нас всего полсеместра учится, а ее уже два раза после уроков оставляли. Ее бы точно выгнали, но она потрясающая актриса. Меня раз послали к ним на урок, позвать мистера Ирвинга, так я видел, как она исполняла сольный номер. Фантастика, вот как она играла!

Фиделио показал Чарли его шкафчик, а затем отвел его в актовый зал, облицованный дубовыми панелями. На сцене толпились музыканты. Они настраивали инструменты.

– Сначала будем петь школьный гимн, потом начнется регистрация, – объяснил Фиделио.

Чарли последовал за Фиделио в первый ряд и устроился на скамье. Зал постепенно наполнялся мальчиками и девочками в синих плащах. Всего их было около сотни, в возрасте от одиннадцати до восемнадцати. Наверно, я тут самый младший, огорчился Чарли, но тут неподалеку от него уселся совсем маленький мальчик.

– Приветик, – сказал он. – Меня зовут Билли Грифф.

– А я Чарли Бон.

Малыш просиял. Волосы у него были белые, а глаза какого-то странного темно-красного цвета.

– Я альбинос, – поспешно сказал он. – В темноте вижу так себе, зато слышу будь здоров!

– А тебе не рановато в академии учиться? – удивился Чарли.

Билли не обиделся.

– Мне семь, но я сирота, так что меня приняли, – охотно объяснил он. – И потом, я еще и одаренный.

– Да я тоже, – прошептал Чарли.

– Ух ты, здорово! – Малыш засиял от радости. – Значит, нас теперь уже трое!

Чарли не успел спросить, кто третий, потому что на сцену вошел высокий седовласый мужчина.

– Доктор Солтуэзер, – шепнул Фиделио на ухо Чарли.

Кроме доктора на сцене было еще пятеро преподавателей музыки: две молодые женщины, очкастый старик, бодрый курчавый мужчина и еще один, от которого Чарли никак не мог отвести взгляд. Он в жизни не видывал такого отсутствующего лица, как у этого худощавого высокого человека с черными всклокоченными волосами, который

явно забывал причесываться. Странный человек так и стоял, оцепенело глядя в никуда, и выражение лица у него не менялось. Даже когда оркестр заиграл и все запели школьный гимн, он как будто ничего не заметил.

Собрание окончилось, и Фиделио подвел Чарли к двери, на которой висела табличка: «Мистер Палтри. Духовые».

– Увидимся на переменке, – сказал Фиделио. – Я пошел на струнные, к мисс Кристалл.

– А остальные учителя, они кто? – спохватился Чарли.

– Ну, тебе достался старина Палтри – не позавидуешь. Потом, значит, у нас есть мистер Коннор, он ведет гитару и все такое. Дамы обе ведут струнные, а доктор Солтуэзер – медные духовые и хор.

– А тот мужчина, который стоял на сцене с краю?

– А-а-а, мистер Пилигрим... – Фиделио скорчил гримасу. – Фортепиано. Но к нему почти никто не ходит, он какой-то слишком.... со странностями, в общем.

– Со странностями?

– Молчит, и все. С ним даже не поймешь, правильно играешь или нет. Меня-то папа учил на фортепиано играть, он в нормальной школе преподает. Все, я побежал, а то опоздаю.

«Значит, папа Фиделио преподает в нормальной школе. Ага. А эта академия у нас какая же тогда? Выходит, ненормальная?» – Чарли задумался. Он проводил взглядом Фиделио, вихрем умчавшегося в другую дверь, и двинулся на урок к мистеру Палтри. На духовые.

Мистер Палтри одаренных детей терпеть не мог. И не считал нужным это скрывать. Чарли сразу почувствовал его неприязнь. На одаренных детей, с точки зрения мистера Палтри, просто не стоило тратить драгоценное преподавательское время. Какие-то свои специфические дарования у них были, но пользы от этих детей ни малейшей – по крайней мере, мистер Палтри пока что ее не видел.

Наконец мучительный и бесплодный урок кончился. Чарли было велено оставить плащ в раздевалке и идти на пробежку в сад.

– А где тут сад? – резонно спросил он. Мистеру Палтри этот вопрос резонным не показался. Совсем наоборот.

– А где он, по-твоему, должен быть? – раздраженно рявкнул учитель.

К счастью, в раздевалке Чарли наткнулся на Фиделио.

– После первого урока всем полагается пробежка, – объяснил он Чарли. – Пошли.

Сад в академии был такой, что Чарли и в голову бы не пришло назвать это садом. Он тянулся и тянулся, и стен вокруг не было. И ограды никакой. Зады академии выходили на огромное поле, по которому бегали дети – кто тройками, кто парами, кто поодиночке, кто трусой, а кто во весь дух. Поле окружал густой лес, из которого выступала какая-то полуразрушенная постройка из красноватого камня.

– Это руины, – пояснил Фиделио. – Сотни лет назад там был замок. А теперь просто развалины. Крыша почти везде обвалилась. Там полно всяких жутких коридоров и странных статуй и шатких лестниц. Развалины заросли деревьями – там даже внутри деревья попадают, от этого еще жутче.

– Ты что, был там внутри?! – Чарли кивнул на зловещие развалины.

– Я-то? – Фиделио мрачно усмехнулся. – Каждую зиму, в конце ноября, мы обязаны проводить в развалинах Игру. Всем полагается в нее играть – хочешь, не хочешь, тебя не спрашивают. А два года назад одна девочка как вошла в руины, так больше и не вышла.

Фиделио потрусил вокруг поля, Чарли припустил за ним и на бегу спросил:

– И что, ее не нашли?

– Так и не нашли. – Фиделио понизил голос. – Говорят, такое уже не впервой. Плащи – да, находили. Но не... не...

– Не тела? – подсказал Чарли. Фиделио кивнул:

– Они просто исчезали.

Чарли глянул на темные развалины, и по спине у него пробежала дрожь.

Бегали они примерно с четверть часа, а потом над полем разнесся звук охотничьего рожка, и дети потянулись обратно.

– Ну вот, самый противный урок у тебя позади, – подбодрил Фиделио Чарли. – Хуже мистера Палтри никого нет. Следующий – английский, он у нас с тобой вместе. Но сначала пошли за плащами. Их можно снимать только на пробежке или во время игр.

Но в раздевалке Чарли обнаружил, что его плащ пропал! Все вешалки были пусты, если не считать одного-единственного

поношенного и выцветшего плаща с надорванным краем. Лохмотья, да и только!

– Надевай, Чарли, – поторопил приятеля Фиделио. – Все-таки лучше, чем ничего. Наверно, кто-то по ошибке взял твой.

Но Чарли заупрямился:

– Я его не надену. Он не мой, и за ним наверняка кто-нибудь придет.

Фиделио встревожился:

– Да ну же, Чарли! Пожалуйста, надень этот, а то будут неприятности.

Но Чарли стоял на своем. Он и понятия не имел, о каких таких неприятностях говорит Фиделио. Знай он, чем дело кончится, – непременно послушался бы.

Учитель английского, мистер Хек, оказался краснолицым толстяком. Едва завидев Чарли без плаща, он сощурил и без того маленькие глазки и спросил:

– Что это ты себе позволяешь? Где форма?

– Вы про плащ, сэр? Я не мог его найти, – объяснил Чарли, не чуя беды.

В руках у мистера Хека возникла указка.

Хрясь!

Указка обрушилась на парту.

– Вон из класса! – заорал он.

– Но, сэр, он не виноват, – вступился Фиделио.

– Молчать, Дореми! – завизжал мистер Хек. Для такой дородной персоны голос у него был тонковат. – Ты! – Указка нацелилась на Чарли. – Вон из класса сию минуту!

Чарли решил не искушать судьбу и вылетел в холл. Но теперь он не знал, куда направиться. Поэтому мальчик просто прислонился к стене и смотрел через весь холл на массивные двери, которые вели во внешний мир, на свободу. Каменные стены и пол источали ледяной холод. А ведь мне еще тут ночевать, в этой разнесчастной академии, обреченно подумал Чарли.

И вот, когда, по его расчетам, английский уже подходил к концу и вот-вот должен был появиться Фиделио и помочь найти плащ, соседняя дверь отворилась. Аза!

Рыжий мальчишка злобно ухмыльнулся и не спеша двинулся к Чарли.

– Да это, никак, Чарли Бон собственной персоной! – хихикнул он. – Вижу-вижу, первый день учишься, а уже нарушаешь.

– Нарушаю что? – не понял Чарли.

– Я разве позволил тебе подавать голос? – Аза уже не скалился в улыбочке. – Где твой плащ, Бон?

– Не знаю я.

– Тогда иди к старосте. – Аза ухватил Чарли за шиворот и поволок за собой. Впереди замаячила дверь с табличкой «Старосты».

Аза распахнул ее и пихнул Чарли внутрь.

Несколько учеников постарше прохлаждались на диванах и в креслах. Кое-кто на миг оторвался от книг и разговоров и глянул на Чарли, а потом вернулся к своим занятиям.

На другом конце комнаты, у окна, стоял стол, а за ним сидел Манфред Блур в фиолетовом плаще. Напротив стола имелись два кресла, в одном из которых качала ногой та самая девочка с фиолетовыми волосами. Аза толкнул Чарли к другому креслу. Оливия улыбнулась мальчику.

– Ходил без плаща, – сообщил Аза. Чарли поспешно отвел глаза от лица Манфреда. Ну уж нет, никакого гипноза мне второй раз не надо!

– Тебя что, никто не ознакомил с правилами нашего учебного заведения, Чарлз Бон? – осведомился Манфред.

– Нет. – Чарли старался смотреть поверх его головы.

– Обычно свод правил заранее высылают новичкам на дом. Ты их разве не получил?

– Нет. – Чарли пристально смотрел за спину Манфреду, в окно. – Наверно, их послали на имя моей бабушки, а она забыла мне их отдать, – сказал Чарли, а сам подумал: «С бабушки Бон станется нарочно не отдать правила, чтобы я влип. Она такая».

Манфред открыл красную папку, извлек какой-то листок и передал Чарли.

– Вот правила академии. Изучи их внимательно, Бон. Изучи и заучи. – Потом он переключился на Оливию. – Что касается тебя, Оливия Карусел, тебе, похоже, урок не впрок. Вы оба останетесь в

академии в пятницу вечером. Мы поставим в известность ваших родителей. Они заберут вас в субботу.

– Вы не можете! – Чарли подпрыгнул. – Я здесь всего первую неделю! Моя мама...

– Ма-ма? – саркастически переспросил Манфред.

– Ма-ма? – повторил за ним Аза. – Какая мама? При чем тут мама?

– Никаких мам у нас вообще не существует, – мрачно сказал Манфред.

Глава 9

КОМНАТА АЛОГО КОРОЛЯ

Оливию и Чарли выставили за дверь – обратно в холл.

– Ну и что дальше? – мрачно спросил Чарли. – Пошли в раздевалку, там хоть поговорить можно, – прошептала Оливия.

Чарли послушно поплелся вслед за ней – к двери, над которой блестели две золотые маски, одна смеющаяся, другая печальная.

Фиолетовая, театральная раздевалка оказалась куда интереснее синей. Тут было полным-полно всяких странных нарядов. Шляпы с перьями, шлемы, цилиндры, цветы и маски свисали со стен, а пол был заставлен всевозможными туфлями, сапогами и башмаками.

Оливия сбросила свои фиолетовые шпильки и переобулась в простые балетные тапочки – чешки.

– Как ты думаешь, сойдет? – спросила она у Чарли.

Тот только плечами пожал в ответ.

– Слушай, не вешай нос. Все не так плохо. Меня вообще все время после уроков оставляют. Зато я хожу на разведку. Я уже столько всего интересного разузнала про это место!

– Да-а, а если я так и не найду свой плащ? – вздохнул Чарли. – Тогда меня тоже оставят.

– Кажется, я знаю, к кому он попал, – оживилась Оливия. – Я ходила в вашу раздевалку за рюкзаком, который ты так любезно спас, – это было как раз на перемене – и в раздевалке только и был этот мальчик, с длинным лицом и унылыми волосами. Я когда вошла, он прямо подскочил, и вид у него был виноватый и... как будто он что-то скрывал. У него в руках был синий плащ.

– А как его зовут, ты знаешь? – с надеждой спросил Чарли.

– Габриэль Как-То-Там, – припомнила Оливия. – Если он с тобой случайно поменялся плащами, ты лучше пока носи его, а потом докажешь, что твой – у него.

– Большущее спасибо, Оливия! – Чарли приободрился. – Тогда пойду за его плащом. Прямо сейчас.

– За ужином увидимся, – крикнула ему вслед нарушительница правил, когда Чарли припустил рысцей через гулкий холл в синюю

раздевалку.

Когда английский кончился, Фиделио обнаружил, что Чарли переоделся в весьма затрапезного вида синий плащ.

– Вот и молодец, – прошептал Фиделио. – Так-то лучше. Пошли в синюю столовую.

Путь в синюю столовую был долог и запутан – они с Фиделио шли какими-то длинными коридорами, и Чарли старался запомнить дорогу, поглядывая на картины, развешанные по стенам. Важно же знать, где тут еду дают. На картинах – то есть в основном на портретах – были все сплошь какие-то чопорного вида леди и джентльмены, причем, чем дальше, тем стариннее выглядели их одеяния. Фамилии под портретами значились знакомые: Гриф, Муар, Юбим и Блур. Чарли был не особенно силен в истории, но у него сложилось впечатление, что если идти достаточно долго, то портреты сменятся какими-нибудь древними фресками или мозаиками, а потом наскальными изображениями.

Наконец мальчики очутились в просторном помещении, где в воздухе висел пар и ощутимо пахло вареной капустой. В очереди за обедом Чарли рассказал Фиделио про то, что Оливия видела в синей раздевалке:

– ... И вид у него был виноватый и скрытный. Оливия говорит, его вроде зовут Габриэль Как-То-Там.

– Муар. Габриэль Муар, – уточнил Фиделио. – Ходит на фортепиано. По-моему, он из одаренных. Уж что со странностями – это точно.

– Со странностями? – переспросил Чарли.

– Да вон он. – Фиделио кивнул в начало очереди, и Чарли увидел долговязого мальчика с длинным лицом и уныло повисшими волосами неопределенного цвета. И весь он был какой-то унылый и неуклюжий.

– Это он еще выглядит повеселее, чем обычно, – отметил Фиделио. – Оп! А вот теперь уже нет.

Габриэль выронил книги, которые держал под мышкой, и теперь пытался собрать их и одновременно не грохнуть тарелку с обедом.

– Интересно, не мой ли это плащ... – Чарли взгляделся повнимательнее. – Ну-ка... Мама вышила на спине мои инициалы. Зелеными нитками, потому что белые куда-то задевались.

– Попробуем проверить ночью, – предложил Фиделио. – До отбоя он вряд ли его снимет.

Чарли сунули тарелку с каким-то зеленым месивом и коричневыми комками, и он поспешил вместе с Фиделио занять свободный стол. Чарли впихнул в себя несколько ложек довольно-таки мерзкой капусты и заметил, что Фиделио как раз ее ест охотно, а коричневые комки не трогает.

– Я вегетарианец, – объяснил Фиделио. – Но их это не волнует. Ничего вегетарианского никогда не дают. Тебе, наверно, придется по вкусу мои битки.

– А-а, так это битки? Давай, не откажусь. А ты бери мою капусту.

Они как раз менялись, когда мимо прошла мисс Кристалл – та, что преподавала струнные.

– Мальчики, вы же знаете, это не положено, – с улыбкой заметила она.

Похоже, она не особенно приставучая, решил Чарли. От нее так нежно веяло духами, что капустный запах почти капитулировал.

– Извините, мисс Кристалл, – Фиделио заулыбался. – Это Чарли Бон. Он новенький.

– Здравствуй, Чарли, – приветливо отозвалась мисс Кристалл. – Если я вдруг тебе понадобится, Фиделио знает, где меня найти. – Она одарила Фиделио еще одной сияющей улыбкой и порхнула дальше.

Здорово, хоть один симпатичный учитель в этой академии есть, обрадовался Чарли.

Остаток дня обошелся без неприятностей. Чарли ни на шаг не отходил от Фиделио: они вместе отправились пить чай в столовую, а потом в сад – на вечернюю пробежку. Но потом, когда стемнело и по всему огромному серому зданию начали зажигаться огни, а за окнами повисла ночная тьма, Чарли затосковал по дому. Шагая за Фиделио на ужин, он представлял, как уютно сейчас на кухне в доме номер девять... и как Мейзи ставит на стол свои фирменные спагетти. Чарли обернулся и с надеждой посмотрел на высокие массивные двери холла, которые вели в недостижимый внешний мир.

– Даже и не думай, Чарли, – прошептал Фиделио. – До пятницы они будут закрыты. Я проверял.

– А тебе сначала тоже домой хотелось? – спросил Чарли.

– Да, но это быстро прошло. Не огорчайся, пятница наступит – ты и оглянуться не успеешь.

– Да не еду я домой в пятницу! – мрачно сообщил Чарли. – Меня после уроков оставили. Манфред велел.

– Да ты что! – Фиделио даже глаза вытаращил. – В первый же день?! Ну точно, у Манфреда на тебя зуб, не иначе. – Он заглянул в несчастное лицо Чарли и поспешно добавил: – Зато сейчас знаешь что будет?! Сейчас вся школа соберется. А большая столовая – это просто нечто! Правда-правда!

Фиделио не соврал. Все теми же длинными, нескончаемыми коридорами мальчики добрались до синей столовой, миновали ее и двинулись дальше. Шаг за шагом они спускались все глубже под землю, и Чарли заметил, что туда же направляются ребята с других отделений, в зеленых и фиолетовых плащах, – целая толпа. Широкая пологая лестница... Еще коридор, длиннее прежних... и, наконец, просторный зал.

– Мы под городом, – объяснил Фиделио. – Это самая старая часть здания. Изначально предполагалось, что потомки Алого короля устроят тут темницу.

Снова этот Алый король!

– А кто он был такой, король этот? – не выдержал Чарли.

Фиделио пожал плечами:

– Ну, он построил тот замок, от которого сейчас руины остались. Больше я ничего не знаю. Говорят, сам-то он был ничего, зато детки у него уродились хуже некуда. Пошли скорее, а то опоздаем.

В подземном зале стояло три длинных-предлинных стола, а за ними, на длинных скамьях, рассаживались ученики академии – слева синие плащи, справа зеленые, а посередине – фиолетовые. Старосты разливали суп из внушительных металлических кастрюль и разносили хлеб.

В торце зала, на помосте, возвышался четвертый стол – преподавательский. И за ним Чарли наконец-то увидел доктора Блура. Тот был облачен в черное, как все учителя, которые не преподавали музыку, актерское мастерство и живопись, но с остальными не спутаешь: массивный, со стального цвета седой шевелюрой и усами, он восседал во главе стола и обводил шумную толпу детей пристальным взглядом из-под нависших бровей. Его маленькие

темные глазки перебежали от стола к столу, и Чарли следил за доктором Блуrom будто зачарованный. И вот их глаза встретились.

Доктор Блур поднялся, сошел с помоста и двинулся по проходу между синим и фиолетовым столами, не сводя глаз с Чарли.

– Что случилось? – Фиделио ткнул Чарли локтем в бок. – Суп невкусный?

Чарли не смог выдать ни слова. Доктор Блур неуклонно приближался.

– Чарлз Бон!

Тот же холодный гулкий голос, который Чарли слышал из газеты!

– Как приятно видеть тебя в наших рядах. Чарли промямлил что-то вроде «как я рад попасть в академию», но с трудом соображал, что говорит. Помимо своей воли он всматривался в нависшее над ним широкое лицо и вдруг понял, что одним особым слухом и говорящими фотографиями его, Чарли, одаренность не ограничивается. От страха внутри у него как будто что-то включилось – и он начал читать по лицам! Теперь он откуда-то точно знал, кто именно забрал дочку доктора Толли.

Мейзи всегда говорит, мол, лицо человека способно немало о нем рассказать. А это лицо рассказывает гораздо больше, чем я вообще хочу знать, понял Чарли. Он сделал над собой усилие и поспешно отключил свою новую способность. Как дверь в мозг захлопнул.

– Эй, что с тобой? – потормошил его Фиделио. – Можно подумать, ты привидение увидел.

А Чарли смотрел вслед удаляющейся широкой спине доктора Блура. Тот вновь замедлил шаг и обратился к какой-то девочке в зеленом, с длинными светлыми волосами. Девочка неохотно подняла голову. В больших серых глазах у нее застыл страх.

– Чарли! – Фиделио встревожился. – Да что с тобой?

– Слушай, что это за девчонка? – быстро спросил Чарли. – Вон та, с которой доктор Блур разговаривает.

– Эмилия Лун, – ответил Фиделио. – Она с живописи. Талантливая. Чарли, сейчас второе принесут, так что доедай суп, а то тебе не дадут. Здесь такое правило.

Чарли торопливо заглотал остатки супа, и вовремя – перед ним сразу поставили жареную картошку с яйцом. Он передал пустую

тарелку на дальний конец стола, где Билли Гриф собирал грязную посуду.

Эмилия к супу даже не притронулась. Девочка хмуро уставилась в тарелку, точно не понимая, откуда она взялась. Надо бы предупредить ее насчет правила про первое и второе, спохватился Чарли. Жалко, не получится, она слишком далеко сидит.

– А десерт дадут? – с надеждой спросил он у Фиделио.

– Смеешься? Яблоко разве что, да и то не наверняка, – вздохнул Фиделио. – Или грушу, если повезет.

Им повезло. После второго каждому выдали по груше.

Когда ужин закончился и грязная посуда была убрана, доктор Блур подошел к краю помоста и звучно хлопнул в ладоши. Тут же воцарилось молчание.

– У меня есть для вас объявление, – важно и сумрачно начал он. – В наше учебное заведение поступил новый одаренный ученик. Чарлз Бон, встань.

Чарли поднялся. Ушам стало горячо. На него смотрели триста пар глаз, и колени у него подогнулись.

– Чарлз! – Доктор Блур произнес его имя так, будто это была какая-то ужасная ошибка. – После ужина у нас полагаются два часа на, домашние задания. Одаренные занимаются в Королевской комнате.

Секунду-другую он молчал и оглядывал притихших учеников. А потом громовым голосом скомандовал:

– Р-р-разойдись!

Чарли даже подпрыгнул.

– А где Королевская комната? – испуганно спросил Чарли, потому что Фиделио уже направился прочь.

– Ты иди за Габриэлем, – посоветовал тот. – Или за Билли – его издалека видно. Все, я побежал, Чарли. Через три минуты я должен быть в классе. До вечера! – И он влился в разноцветное море плащей, катившее свои волны к дверям столовой.

Где же Билли? Чарли отчаянно завертел головой, но белую макушку малыша-альбиноса в пестрой толпе углядел не сразу. Билли ввинчивался в толпу умело и быстро, так что Чарли едва его нагнал.

– Эй! – Он ухватил Билли за край плаща. – Можно, я с тобой? А то я не знаю, где Королевская комната.

– А это вообще мало кто знает, – Билли улыбнулся. – Ты не волнуйся, ты потом дорогу выучишь, а пока я тебя буду водить сколько захочешь.

Чарли едва успел его поблагодарить, потому что Билли прибавил шагу. Сначала они сбегали в раздевалку за учебниками и тетрадками, потом помчались через холл, по коридору, свернули за угол, взлетели вверх по лестнице. Уф, вот и две высокие черные двери. Билли толкнул одну из них, и мальчики очутились в необычной круглой комнате. За круглым столом сидело десять учеников.

Прежде всего Чарли заметил Манфреда и Азу, потом – Габриэля, который сидел между задумчивой Эмилией Лун и пухленькой кудрявой девочкой – эта была такого нормального вида, что ее в жизни за одаренную не примешь. Рядом устроились еще две: высоченная верзила и совсем фитюлька. А вот и еще одна девчонка – нос как клюв. Она недружелюбно покосилась на Чарли, и у него упало сердце. Сколько же мне придется торчать тут с этой жуткой компанией, интересно знать? Эх, жалко, Фиделио с Оливией в других группах!

Потом он заметил еще двух мальчишек, которые сидели спиной к двери. Один обернулся, и его африканское, как из темного дерева вырезанное лицо осветила приветливая улыбка.

– Это Чарли Бон! – объявил Билли.

– Привет, а я – Лизандр, – отозвался темнокожий мальчик.

Что ж, хоть кто-то нормально ко мне отнесся, обрадовался Чарли.

Кое-кто из девочек тоже поздоровался: пухленькая и жизнерадостная назвалась Доркас, дылду звали Бет, фитюльку – Бинди, а длинноносую – Зелда. Эмилия Лун даже головы не подняла.

– Садись, Бон. И чтоб вел себя тихо! – Манфред кивком указал ему на свободный стул рядом с Эмилией.

Чарли сел между ней и Лизандром.

Он раскладывал учебники, прикидывая, с чего начать, а сам все чувствовал, как жалят его угольно-черные глаза Манфреда.

Чарли ужасно хотелось как следует осмотреться в комнате, но он не рисковал поднять взгляд, пока Манфред не погрузится в занятия.

Когда Чарли наконец отважился быстренько оглядеться, то обнаружил, что за ним все-таки наблюдают – правда, не Манфред, а кое-кто еще. И даже не наблюдает, а таращится – тот мальчишка, сидевший спиной к двери, лица которого Чарли еще не видел. Он был

года на два или на три старше Чарли, глаза круглые, удивленные, а соломенные волосы торчком, как будто у него над головой невидимый ветер. Чарли нахмурился – может, хоть это заставит нахала отвернуться? Но не тут-то было: незнакомец, кажется, еще больше заинтересовался. Так что в результате первым не выдержал Чарли – и, хотя вообще-то ему давно полагалось смотреть в учебник, перевел взгляд за спину круглоглазого, на стену.

Вот он, Алый король! На картине в золотой раме. Картина, наверно, старинная – вся пошла мелкими трещинками, а краски так поблекли, что черты удлинённого темного лица казались какими-то стертыми, как в тумане. Кроме глаз. Глаза у короля были черные и смотрели пристально, неотрывно. Он был облачен в роскошные алые одежды, а на черных волосах таинственно мерцала золотая корона.

– Бон! – Голос Манфреда заставил Чарли подскочить. – Ты почему не занимаешься?

– Я смотрел на Алого короля, – потупился Чарли. – Это ведь Алый король?

– А кто же еще. Ну-ка, быстро за работу! – И Манфред впился в Чарли взглядом и подождал, пока тот не раскроет учебник по английскому.

Следующие два часа прошли в молчании. Но не в тишине – время от времени кто-нибудь вздыхал, покашливал и чихал, но голос подавать ребята не смели. Зато часы в темном углу подавали голос каждые четверть часа. Шуршали страницы, скрипели ручки, и Чарли начало клонить в сон.

Наконец пробило восемь, и Манфред поднялся.

– Свободны! – бросил он и первым вышел из комнаты.

Аза поспешил за ним. Чарли сложил учебники, подошел к Билли Грифу и шепотом осведомился:

– Вон тот, с соломенными волосами, – он кто?

Обладатель взлохмаченной соломенной шевелюры как раз выходил за дверь, и зеленый плащ летел за ним, словно по ветру, хотя никакого ветра тут, в подземелье, и в помине не было.

– А-а, это Танкред, – сказал Билли. – Он иногда ведет себя довольно бурно. Пойдем, покажу дорогу в спальни.

Дорога в спальни пролежала через очередные запутанные коридоры и лестницы, и Чарли забеспокоился, как же он утром

доберется до столовой. Наконец они очутились в спальне – мрачном помещении с низким потолком и голым полом, освещенным одной-единственной тусклой лампочкой.

Вдоль стен тесно – слишком тесно! – стояли койки, всего шесть, узкие, покрытые клетчатыми одеялами. Между койками имелись маленькие тумбочки, и еще в изножье каждой стояло по стулу. Чарли с облегчением увидел на одной из постелей Фиделио.

– Давай сюда, Чарли! – пропел Фиделио. Он похлопал по соседней койке.

Чарли бросил сумку на стул.

– Так, плащ повесь на крючок, вон там, а все остальные шмотки – в тумбочку. – Фиделио понизил голос. – Ну-ка, смотри, кто спит рядом с тобой. Сможешь разглядеть его плащ.

Чарли оглянулся. В соседнюю тумбочку складывал вещи Габриэль Муар. Однако плащ он не снимал – так в нем в ванную и удалился.

– Оч-ч-чень подозрительно, – отметил Фиделио. – Фонарик у тебя есть?

«Ой! А насчет фонарика-то я и не сообразил, когда собирался!», – спохватился Чарли.

– Без фонарика здесь никак, – просветил его Фиделио. – Ни почитать после отбоя – лампочку-то гасят, – ни выйти. Тут же по ночам тьма кромешная. – Он извлек из тумбочки тоненький голубой фонарик и вручил Чарли. – Тебе же надо будет разглядеть плащ, – напомнил он. – Положи пока под подушку.

Чарли забрался в постель последним – довольно долго провозился, роясь в сумке. Он было вновь расстроился, достав пижаму со злосчастными мишками, но заметил, что у одного мальчика пижама вообще в каких-то цветочках и ягодках, и это чуточку примирило его с жизнью.

Не успел Чарли укрыться одеялом, как в приоткрытую дверь просунулась чья-то рука и щелкнула выключателем. Свет потух.

– Тишина! – объявил резкий женский голос.

Рука исчезла, дверь затворилась, и в спальне стало совсем темно.

Голос какой-то знакомый. Чарли озадаченно поерзал под одеялом, но вспомнить не получалось.

– Это кто был? – шепотом спросил он у Фиделио.

– Надзирательница, – прошептал его приятель. – Этой тетке до дракона чуть-чуть не хватает.

В темноте шуршало, и поскрипывало, и побряхтывало – мальчики ворочались, пытаясь устроиться поудобнее на жестких и узких койках. Чарли ждал, пока все не стихнет, и прислушивался. Габриэль на соседней койке дышал ровно и глубоко. Наверно, спит уже.

Чарли вытащил из-под подушки фонарик и осторожно опустил ноги на пол. Удостоверившись, что фонарик направлен на стену, он нажал кнопку. Прямо перед ним ярко высветился синий плащ. Чарли крадучись снял его с Габриэлевой вешалки. Ну точно! Вот и знакомые инициалы! Зелеными нитками!

– Мой, точно, – шепотом сообщил он Фиделио.

Тот уже сидел на краю койки.

– Забирай, – одними губами велел он. – Быстро.

Чарли торопливо поменял местами плащи – свой и потрепанный. Он уже повесил было старый плащ на вешалку Габриэля, но тут спальня огласилась отчаянным воплем.

– Не-е-ет! – в ужасе взвыл Габриэль, вскочил и вцепился в плащ. – Не надо! Пожалуйста! Забери его! – И он швырнул рваный плащ на постель Чарли.

Чарли положил фонарик на подушку, так что теперь плащ был как под настольной лампой.

– Так это же твой. – Он ткнул пальцем в обтрепанную ткань. – Вот и забирай, а мне он не нужен.

– Ты не понимаешь! – простонал Габриэль. – Я не могу его носить, не могу, не могу! Он насквозь пропитан... страхом... Ужасом... Я от него совсем больной делаюсь. – Он хлопнулся на койку и закрыл лицо руками.

– Ты соображаешь, что говоришь, Муар? – прошипел Фиделио. – С какой стати Чарли должен отдавать тебе свой плащ?

– Да потому, что этот я носить не могу! – Габриэль с отвращением кивнул на старый плащ. – С тем, кто его раньше носил, стряслось что-то ужасное. Понимаете, я это чувствую, я умею. Мне от него плохо. Это все равно что чужой кошмар надевать.

Ага, кажется, я понимаю, в чем дело, сообразил Чарли.

– У тебя дар такой, да, Габриэль? – спросил он. – Ты чувствуешь, что с кем было?

Габриэль закивал:

– Да, я по одежде понимаю. Это... это ужасно. Если мне достается ношенная одежда, то с ней переходят и все ощущения ее прежних хозяев. Тревоги. Страхи. Иногда, конечно, и радость тоже перепадает, но хорошего мало, потому что она не настоящая и долго не держится. У меня в начале года был новый плащ, а потом мои хомяки его погрызли.

Чарли заинтересовался:

– А сколько у тебя хомяков?

– Пятнадцать, – несчастным голосом ответил Габриэль. – От плаща почти ничего не осталось. А с деньгами у нас туго, и мама не смогла купить мне второй новый, так что она попросила в академии ношенный. Вот мне и дали... этот.

Конечно, вся спальня уже давно проснулась. Кто-то из мальчиков сказал:

– Наверняка это плащ той девочки, которая сгинула в развалинах. Она же напугалась.

– Знаете что, давайте потише! – раздался другой голос. – А то как придет надзирательница, и не видать нам всем выходных как своих ушей!

Как быть? Чарли растерялся. Ну не заставлять же беднягу Габриэля носить чужой кошмар?

– Я для тебя на что угодно готов! На что угодно! Только не заставляй меня его надевать! – взмолился Габриэль.

Чарли сунул Габриэлю свой плащ.

– Ой, спасибо! Спасибо, Чарли! – Габриэль прижал к себе плащ обеими руками.

– Знаешь что, сделай для меня одну вещь, – тихонько попросил Чарли. Он выдвинул ящик тумбочки и извлек отцовский галстук, который дала ему с собой мама. – Можешь мне что-нибудь сказать про человека, который его носил? – Он протянул галстук Габриэлю.

Тот не задал ни единого вопроса, молча повязал себе галстук и зажмурился. Потом пальцы его побежали по плотному синему шелку. Замерли на золотой букве «Ю». Габриэль сосредоточенно нахмурился.

– Странное дело, – пробормотал он, не открывая глаз. – Тот, кто его носил... кто бы он ни был... он был счастлив... А сейчас он исчез. – Сняв галстук, Габриэль ощупал его еще раз. – Первый раз с

таким сталкиваюсь. Как будто этот человек... забыл, кто он такой. — Он вернул галстук Чарли.

Что ж, значит, папа когда-то был счастлив. А «исчез» — это, наверно, значит «умер», решил Чарли, убирая галстук в ящик. Не очень-то много удалось выяснить.

Он уже собирался погасить фонарик, когда в изножье постели Габриэля возникла маленькая фигурка с белыми волосами, как будто светившимися в темноте.

— А вот про этого человека можешь рассказать? — просительно прошептал Билли и положив на одеяло длинный голубой шарф.

Габриэль вздохнул, но возражать не стал — послушно обмотал шарф вокруг шеи и опять прикрыл глаза.

— Ну, этот человек всегда торопился, — начал он. — Туда-сюда, туда-сюда. Просто не мог остановиться. — Габриэль помолчал. — А сейчас, боюсь, его уже нет в живых. — И мальчик снял шарф.

— И все? Больше ничего? — огорчился Билли. — Шарф тебе больше ничегошеньки не сказал?

— Извини, но тут все работает не так, — с сожалением прошептал Габриэль. — Никаких голосов я не слышу. А когда владелец вещи мертв, то и... послание такое... приглушенное.

— Ясно. Все равно спасибо. — Грустный голос Билли эхом отозвался во тьме, и маленький альбинос на цыпочках двинулся к своей койке.

Чарли погасил фонарик и сунул его под подушку Фиделио. Тот уже давно спал. Чарли послушал ровное дыхание приятеля и зевнул. А потом внезапно встрепенулся. В словах Габриэля была какая-то нестыковка!

— Габриэль! — позвал Чарли шепотом. — Этот галстук носил мой папа. Он умер, когда мне было два года. А почему ты сказал, что он исчез?

— Потому что исчез, — сонно откликнулся Габриэль.

— В смысле умер?

— Нет, именно исчез. Он совершенно точно жив.

Чарли потрясенно таращился в темноту. Он слушал, как под невидимыми сводами спальни ровно дышат другие мальчишки, и знал, что заснет еще очень не скоро.

— Жив? — прошептал он. — Ты уверен, Габриэль?

– Абсолютно. – Габриэль зевнул. – Давай спать, Чарли.

Глава 10

СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ

Чарли проспал всего один час. Когда он проснулся, во рту у него было сухо, а в глаза как песку насыпали. Он решил, что все-таки наденет потрепанный плащ Габриэля. Уж у него-то, Чарли, от этого плаща никаких кошмаров не будет.

Габриэль и Фиделио терпеливо ждали, пока Чарли предпринимал ежеутреннюю попытку продрать расческой свою копну жестких волос, но через пять минут пришли к выводу, что затея эта совершенно безнадежна.

– Если не поспешим, то от бекона нам достанутся только подгорелые корочки, – предупредил Фиделио.

Чарли умирал от голода, поэтому он отбросил расческу и помчался в столовую вместе с остальными. Вот повезло, что компания подобралась, радовался он на бегу, а то бы мне нипочем столовую не найти.

Габриэлю было так хорошо в бывшем плаще Чарли, что он просто преобразился и сиял улыбкой. Чарли заметил, что он даже двигаться стал быстрее, как будто раньше кошмары гирями висели у него на ногах.

На завтрак дали овсянку, подгорелый бекон и чашку чая.

– И так каждый день? – ужаснулся Чарли, пытаясь запихнуть в себя ложку комковатой каши.

– Ага, – отозвался Фиделио.

Чарли попытался отогнать воспоминание об упоительных и сытных завтраках, которые готовила Мейзи.

Второй день в академии прошел получше, чем первый. Фиделио и Габриэль попеременно помогали ему найти очередной класс. А на третий день Чарли даже удалось самому, без посторонней помощи, добраться до сада.

Настала пятница – тот самый день, которого Чарли так страшился. Уроки кончились, и вот он сидел на койке и наблюдал, как Фиделио собирает сумку.

– А что тут происходит, когда все разъезжаются по домам? – уныло поинтересовался Чарли.

– Да в принципе тебя никто особенно не трогает, – ответил Фиделио. – Ничего такого, не волнуйся. Правда, Манфред все время крутится где-то рядом, но ты же будешь не один. Оливию тоже оставили, а Билли Гриф вообще домой не уезжает, потому что живет здесь. А я навещу Бенджамина и заберу тот ящик, про который ты говорил, и спрячу. А потом... так-так, в половине двенадцатого, в субботу, я приду сюда и подам тебе знак в окно. Если нам удастся перепрятать ящик, тогда я сделаю вот так, – и Фиделио поднял оба больших пальца.

Чарли ужасно хотелось рассказать Фиделио про племянницу мисс Ингльды, но времени было слишком мало.

– А как я тебя увижу? – мрачно спросил он.

– Пойдешь в музыкальную башню. Оливия покажет тебе дорогу. Я подам тебе знак в окно второго этажа, которое выходит на улицу. А в четыре тебя уже отпустят.

Чарли вздохнул.

– Не вешай нос! – Фиделио ободряюще похлопал его по плечу и застегнул сумку.

Чарли проводил приятеля вниз и с тоской смотрел, как тот, размахивая сумкой, направился к высоким дубовым дверям холла. Теперь они были отперты и за ними то и дело скрывались радостные дети, предвкушавшие целых два дня свободы.

На пороге Фиделио обернулся и помахал Чарли. Кроме него, в холле уже почти никого не осталось. Чарли так и подмывало промчаться сквозь двери на свободу, пока их не заперли. Он сделал шаг, другой, воровато огляделся и ускорил шаги.

– Остановись, Бон!

Чарли подпрыгнул как ужаленный. В темной нише стоял Манфред Блур.

– Ты что же, полагаешь, будто за тобой никто не наблюдает? А?

– Ничего я не полагаю, – огрызнулся Чарли.

– Иди учи уроки. И не смей выходить, пока не позвонят к ужину. – И тут массивные двери закрылись и голос Манфреда эхом отдался в опустевшем холле.

– Угу, – пробурчал Чарли.

– Скажи «да, Манфред», и чтобы впредь я не слышал никаких «ага» и «угу».

– Да, Манфред.

В библиотеке Чарли наткнулся на Оливию, болтавшую с Билли.

– Когда Манфреда нет поблизости, молчать не обязательно, – радостно сообщил Билли.

И как это Билли терпит такое житье, гадал Чарли, – неделю за неделей, как в тюрьме, а по выходным к тому же спит в полном одиночестве в темной спальне.

– А ты что, вообще никогда отсюда не выбираешься? – спросил он.

– У меня есть тетя, она живет у моря, и я к ней езжу на каникулы, – ответил Билли. – И потом, мне вовсе не одиноко, потому что тут много разных... – Он замялся и едва слышно закончил: – Тут всегда много разных зверей.

– Каких таких зверей? – удивился Чарли. – Я что-то их не видел.

– У кухарки есть собака, – объяснил Билли. – Она, правда, старая, но ласковая. И потом, еще тут есть мыши... и всякие другие... звери.

– С мышью не больно-то поболтаешь, – возразил Чарли.

Билли ничего не ответил. Он молча уставился в книгу. За толстыми стеклами очков для чтения глаза у него сделались как две красные лампочки. А потом он вдруг пробормотал:

– Вообще-то я умею.

– Умеешь что? – заинтересовалась Оливия.

Билли кашлянул:

– Разговаривать с мышами.

– Правда? – Оливия закрыла учебник. – По-тря-са-ю-ще! Это и есть твои способности? У тебя дар такой?

Билли кивнул.

– Так, значит, ты понимаешь их язык? – уточнил Чарли.

И Билли опять кивнул, медленно и серьезно.

Чарли присвистнул от удивления. Бенджамин частенько жалел, что не понимает, о чем рычит или лает Спринтер-Боб.

– Слушай, а ты мог бы поговорить с собакой моего друга? – спросил Чарли у Билли.

Тот не ответил, и только озадаченно воззрился на Чарли.

– Наверно, это слишком нахальный вопрос, – спохватился Чарли. – Извини, зря спросил.

– Пожалуйста, не разболтай никому! – настойчиво попросил Билли. – Я не могу разговаривать со всеми зверями подряд. У них у всех разные языки. И разобраться в них очень трудно.

Чарли с Оливией поклялись, что будут немые как рыбы. Все трое вновь взялись за учебники, но вскоре Чарли заметил, что Билли не читает и не пишет, а просто смотрит в пространство.

– Можно я вам кое-что расскажу? – начал Билли.

Оливия с Чарли дружно согласились.

– Значит, так. Неделю назад я шел в сад, после чая, и вдруг слышу – Манфред с кем-то разговаривает. Не знаю с кем, но я слышал, как в комнате старост плакала какая-то девочка.

– Это была не я, – тут же сообщила Оливия.

– Не ты точно, – согласился Билли. – Но это была девочка, и она ревела так, что я понял – кто-то попал в переплет. Наверно, я даже остановился послушать, потому что Манфред вдруг как выскочит из-за двери и ну на меня орать! Чуть с ног не сбил, и ругался ужасно – и слепым кротом обозвал, и тупицей, и еще по-всякому, и велел немедленно убираться в сад.

– И ты пошел? – с интересом спросила Оливия.

– У меня нога болела, – доверчиво отвечал Билли. – Так что я пошел. Но медленно. Вот, хромяю я по коридору, и вдруг, откуда ни возмись, кошачьи голоса. Три кота. И они стали меня просить: «Впусти нас, Билли, да поскорее. Подойди к двери в башне».

– В которой башне? – быстро спросил Чарли. – Их же две.

– Я решил, что они про музыкальную башню, потому что в другую двери нет. Я ужасно боялся, что Манфред меня застукает, но не послушаться котов не мог. В общем, я кое-как добрался до башни, там внизу такая пустая комната, а в ней дверь, и я просто отодвинул засов и впустил их.

Чарли уже знал, о чем Билли расскажет дальше, но перебивать не стал.

– Ну и странные же это были коты! – воскликнул Билли, и его рубиновые глаза стали еще больше. – Просто настоящий огонь – красный кот, оранжевый и желтый.

И они очень вежливо сказали мне «спасибо» и еще сказали – их прислал Алый король.

– Но король давным-давно умер, – вмешалась Оливия.

– Именно это я им и сказал, а они так непонятно на меня поглядели и говорят: «Ну конечно», а потом как побегут к лестнице – и исчезли. Только сначала оранжевый кот велел мне не запирасть дверь на засов, ну, я оставил ее открытой, а сам бегом в сад, и только-только я туда добрался, как вдруг – бамм! – пожарный колокол ударил. Это комната Манфреда загорелась, и он сам как раз был внутри.

– Так, значит, это коты его... – выдохнул Чарли.

– Они, наверно, опрокинули свечку, – предположила Оливия. – Манфред все время жжет у себя в комнате свечки. С улицы видно, как у него в окне огоньки мигают.

– И что, дознались, кто впустил котов? – спросил Чарли.

– Подумали на мистера Пилигрима, – отвечал Билли, – потому что он всегда в музыкальной башне.

– И всю вину свалили на него! – воскликнула Оливия.

– Учителей никто никогда не винит, – проворчал Билли. – Скажете нет?

Но ответить ему никто не успел: за дверью раздался строгий голос:

– Прекратить болтовню!

Оливия повернулась к двери и скорчила страшную гримасу, а Чарли едва удержался от смеха. Билли озабоченно насупился и углубился в учебник.

Когда наконец зазвонил гонг на ужин, у Чарли уже отчаянно бурчало в животе. Почему-то в академии все время хотелось есть.

Все трое направились в столовую, но по дороге Оливия предупредила Чарли, что им предстоит высидеть ужин за одним столом с Манфредом. Сердце у Чарли упало. А он-то никак не мог дожидаться ужина! И как теперь есть, если все время надо избегать взгляда Манфреда? Так и подавиться недолго.

– Он тебя хоть раз... ну, гипнотизировал? – спросил Чарли у Оливии.

– Пока нет. Я не стою его внимания, – отозвалась Оливия. – То есть поскольку я не одаренная, то и опасности от меня никакой. Просто путаюсь под ногами.

– А меня ему не загипнотизировать, – важно сообщил Билли. – Это из-за глаз. Мои глаза гипноз не берет. – И он гордо улыбнулся.

В столовой было пусто, так что каждый шаг отдавался гулким эхом. Наша троица миновала пустые скамьи и уселась за стол к Манфреду, который внимательно созерцал свечку. Справа от него стояли два прибора, слева – один. Чарли поспешно устроился справа, с краю, подальше от Манфреда.

Учителя тоже частично разъехались на выходные, но доктор Блур присутствовал, и доктор Солтуэзер тоже. Мистер Пилигрим сидел в сторонке; когда Чарли с друзьями подошли поближе, он как будто нахмурился, но, похоже, не заметил их.

Ужина хуже этого у Чарли еще в жизни не было. Мало того что ему приходилось все время уклоняться от пристального взгляда Манфреда, так тот еще и разговаривать запретил!

– Раз вы наказаны, нечего вам развлекаться за ужином, – угрюмо заявил он. Так что за столом только и слышалось что жевание да звяканье столовых приборов. Веселая обстановочка.

Когда мучительный ужин подошел к концу и грязная посуда была убрана, все трое как можно тише и спокойнее вышли из столовой. Но, едва очутившись за дверью, Оливия тут же оживилась:

– Так, у нас до отбоя еще два часа. Куда пойдем на разведку?

Чарли с Билли недоуменно переглянулись, но у Оливии уже была идея: пробраться в башню Да Винчи. Чарли спросил было, почему она так называется, но Оливия в ответ пожала плечами:

– Да она всегда так называлась. Наверно, когда-то отделение живописи проводило занятия в комнате на верхушке, а теперь она пустует. Мне кто-то говорил, что там опасно – башня старая и хлипкая, вся крошится.

И зачем нам соваться в старую и хлипкую башню? Но вслух Чарли этого не сказал, чтобы не показаться трусом. Да и потом, Оливия уже настроилась на экспедицию. Она показала мальчикам фонарик, который припрятала во внутреннем кармане плаща, и жизнерадостно сообщила, что в башне скорее всего и света-то нет.

На то, чтобы добраться по бесконечным коридорам в башню Да Винчи, у исследователей ушло не меньше получаса. Наконец они очутились перед какой-то дверцей в конце коридора на третьем этаже.

– Наша спальня на этом же этаже, – объявила Оливия, – так что, если нас поймают, отовремся.

Дверь была всего-навсего заперта на засов. Никаких замков – удивительно. Оливия с трудом отодвинула ржавый тугой засов.

– Тут сто лет никто не ходил, – заметил Чарли.

– Именно. Тем интереснее! – Глаза у Оливии азартно сверкали. – Пошли!

Она потянула дверь, и та отозвалась длинным ржавым скрипом. Впереди сворачивал за угол темный коридор, прямо-таки затканый серой паутиной. И ни выключателей, ни ламп...

Троица прокралась за дверь и ступила на широкие пыльные доски пола. Из темноты веяло сырым запахом плесени.

– Дверь, наверно, прикрыть надо, – неуверенно предложил Чарли.

– А это обязательно? – робко спросил Билли.

Оливия зажгла фонарик, и яркий луч высветил темный коридор.

– Все нормально, Билли, – сказала она.

Чарли притворил дверь, но она не закрывалась. Оливия нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, и мальчик заметил, что обута она в очередные экстравагантные туфли на высоченном каблуке. Только бы нам никаких старых лестниц не попало, мысленно взмолился Чарли.

Старая лестница поджидала их сразу же за углом, в пыли и паутине. К тому же еще и винтовая, и мало того что винтовая – закрученная, как штопор! Выбор был невелик – что вверх, что вниз по спирали вели узенькие стертые ступеньки.

– Давайте лучше наверх полезем! – попросил Билли. – Там, внизу, страшно.

– Зато как загадочно... – в предвкушении облизнулась Оливия и направила луч фонарика вниз, в темноту. Казалось, винтовая лестница уходила в бесконечность.

– Наверх, наверх! – подхватил Чарли, заметив, что Билли перепугался не на шутку. Ну конечно, он же сам говорил, что плохо видит в темноте. – Я полезу первым, ты, Билли, за мной, а ты, Оливия, последней. Так безопаснее всего.

Билли облегченно вздохнул, а Оливия охотно согласилась:

– Раз ты первый, возьми, пригодится. – И она протянула Чарли фонарик.

На деле ступеньки оказались еще более стертыми и узкими, чем на вид. Чарли приходилось подниматься едва ли не ползком. Ноги скользили по скругленным краям ступенек. Он слышал за спиной взволнованное пыхтение Билли и еще, время от времени, скрежет острых каблуков Оливии по камню.

И вдруг – грохот, глухой удар, другой, потом гулкий стон и... воцарилось страшное молчание. Все было яснее ясного.

– Она убилась, что ли? – испуганно прошептал Билли.

Вместо ответа откуда-то снизу раздался новый стон. Так, Оливия жива, но только вот не переломала ли она себе все кости?

– Надо спускаться обратно, Билли, – сказал Чарли. – Ты как, справишься?

– Попробую, – неуверенно отозвался Билли.

Они стали спускаться, медленно и осторожно. Стоны снизу стали стихать, и Чарли позвал:

– Оливия, держись, мы уже идем!

Они очутились на крохотной площадке, с которой ступеньки уходили вниз, во тьму.

– Я первый пойду, – предложил Чарли. – Может, подождешь тут, а, Билли?

– Нет, один я не хочу. – Билли поспешно полез вниз за Чарли.

Лестница все загибалась и загибалась. Чарли направил свет фонарика вниз и увидел Оливию – она съежилась на полу, прислонившись к какой-то старинного вида двери.

– Ты цела? – первым делом спросил Чарли.

– Конечно, нет! – возмущенно откликнулась девочка. – Колени ободрала и головой стукнулась. Я же не видела, куда иду!

Насчет высоченных каблуков Чарли благоразумно решил промолчать.

– Давай сюда руку! Встать сможешь?

– Я попробую. – Оливия уцепилась за дверную ручку и стала подтягиваться. Наверно, она слишком сильно навалилась на старую прогнившую дверь, потому что вдруг раздался громкий треск и дверь провалилась внутрь, а с ней и Оливия.

– А-а-а-айййй! – завопила девочка.

Просить ее не шуметь было бессмысленно. Чарли, осторожно ступая по останкам двери, пробрался вслед за Оливией. Луч фонарика

осветил комнату, в которую они попали, и Чарли увидел такое, что на мгновение забыл об отряхивающейся Оливии и стал шарить фонариком по стенам и полу.

– Вот это да! – вырвалось у него. – Ничего себе!

В комнате было полным-полно доспехов или, точнее, фрагментов доспехов. И еще тут были кусочки разных металлических фигур. Они лежали на стульях и столах, громоздились на полу и свисали со стен. Чего тут только не было – и сверкающие металлические черепа со зловещим оскалом, и стальные пальцы, сжимающие коробки, и металлические ноги, торчащие из шкафчиков, и груды железных конечностей прямо на полу – там локоть торчит, а там колено. Но хуже всего были скелеты, свисавшие с потолка.

– Бр-р-р! – высказалась Оливия. – Ну прямо мастерская Франкенштейна.

Билли, просочившийся между Чарли и Оливией, тут же спросил:

– А кто это такой?

– Доктор, который сделал чудовище из мертвеца, – просветила его Оливия.

– Из кусочков разных мертвецов, – поправил ее Чарли.

Оливия схватила его за руку:

– Т-с-с! Ты слышал?

Чарли не успел спросить «что?», потому что до него донеслось приглушенное «топ-топ-топ». Кто-то приближался! Но эти шаги надвигались не с лестницы, они звучали по ту сторону двери на другом конце комнаты.

– Живо! – прошипела Оливия мальчикам, так и стоявшим на упавшей двери, и затолкала их в ближайший шкаф с дверцей нараспашку. Потом забралась туда же сама и прикрыла дверцу изнутри. Но все трое уже успели увидеть, что именно было в шкафу.

Чарли с Оливией быстро зажали Билли рот, чтобы тот не завизжал. В конце концов, он все-таки еще маленький. А шкаф был полон скелетов/[\[1\]](#).

Чарли как раз успел погасить фонарик, когда дверь заскрипела и в комнату кто-то вошел. Сквозь щели в дверце в шкаф проник свет, и все трое искателей приключений стали как зебры. Оливия чуть не захихикала. Чарли поглядел в щелочку и увидел, что по комнате

расхаживает доктор Блур, мрачно озираясь на доспехи и какие-то металлические игрушки.

Теперь игрушки стали видны отчетливее: часть из них изображали животных – собак, кошек и даже кролика. Изделия доктора Толли, сообразил Чарли. Но как они очутились здесь – в потайной комнате академии Блура? Их кто-то купил? Или украл?

Громоздкая фигура Блура развернулась и направилась к шкафу. По дороге директор академии поднял с пола металлическую собаку, оторвал ей хвост и с размаху хватил ею об стол. Туловище развалилось пополам, на стол посыпались гайки, винтики, колесики и пружинки. Блур покопался в кучке деталей, что-то раздраженно проворчал и смахнул железяки со стола. Он явно что-то искал, не мог найти и от этого злился. Покончив с собакой, он двинулся прямо к шкафу.

Оливия, Чарли и Билли затаили дыхание и уцепились друг за друга. Длиннющие ногти Оливии впились Чарли в ладонь, и он чуть было не завопил от боли, но тут дверь опять пронзительно заскрипела и кто-то Блуру сказал:

– Я так и думал, что ты здесь.

Глава 11

РАЗГАДКА БЛИЗКА

– Эта старая дверь провалилась вовнутрь, – сказал доктор Блур.

– Да? Кто-то совал сюда нос?

– Вряд ли. Полагаю, дело в сырости, да и дверь ветхая.

– Хм-м-м. Не знаю, не знаю, – задумчиво протянул знакомый голос.

– И весь этот хлам, который прислал нам Толли... – Доктор Блур пнул металлическую руку, и та покатилась по полу прямо к шкафу. – Игрушки, все до единой. Но где то, что нам надо? Настоящее?

– Я же говорил тебе, отец. Мисс Ингльдю отдала его Чарли Бону.

– Разве можно знать наверняка? Оливия ослабила хватку, и Чарли наконец высвободил руки из ее ногтей. А Билли мгновенно забыл о скелетах, болтавшихся у него за спиной, и, поглядев в самую широкую щель в дверце шкафа, прошептал:

– Да это Манфред!

Чарли уже узнал этот голос.

– Чшшш! – цыкнул он на Билли. – Слушай.

– Разумеется, я знаю наверняка, – ответил Манфред. – Аза проследил за ними. Он видел, как мальчишка вышел из лавки Ингльдю с большим черным пакетом. Кому еще она могла отдать это?

Доктор Блур проворчал в ответ нечто невнятное, а затем уселся в старинного вида кресло с потрескавшимся кожаным сиденьем. Под его тяжестью кресло тотчас изрыгнуло клубы пыли.

– Поразительно, как это мальчишка сообразил, куда идти. Откуда он вообще знал, что вещь находится у Ингльдю?

– Коты навели, конечно, – процедил Манфред. – Ты же знаешь, на что они способны – опрокинуть свечу, отвлечь, обмануть. К мальчишке каким-то образом попала фотография, а потом, разумеется, ему пришлось отнести ее этой Ингльдю. Я уверен, что одна из этих хвостатых тварей просочилась в «Фотомиг» и сделала свое дело. Фотограф отвлекся на секундочку – и готово! – фотография попала в другой конверт.

– Попадись мне эти коты, я с них шкуру спущу! – Доктор Блур стукнул кулаком по подлокотнику, и кресло выстрелило еще один залп пыли. – Мне от одного их запаха дурно делается!

– Фосфор, – уронил Манфред.

– Возраст, – поправил его отец. – От них несет девятью веками шпионства и сования носа не в свое дело.

– Да, и еще воровства и поджигательства, – добавил Манфред.

Троица, прятая в темном шкафу, переглянулась.

– Ничего себе котики, девятьсот лет! – одними губами прошептала Оливия.

Билли недоверчиво помотал белой головой. А Чарли только плечами пожал. Почему бы и нет? В этой академии каждый день случаются всякие истории и постранные.

– К вопросу о поджоге, – произнес доктор Блур. – Тебе точно известно, что это коты устроили?

– Отец, я же тебе говорил: они крутились у меня под окном, когда я пытался погасить пламя.

– И ты думаешь, что девочка тоже имеет к этому отношение?

– Еще бы. Я тогда устроил ей хорошую взбучку.

– А не следовало, Манфред, – строго сказал доктор Блур. – Это не поможет.

– Я вышел из себя. Меня просто бесит, когда она перестает реагировать. Она начинает просыпаться, и мне ее уже не удержать – или, по крайней мере, ненадолго. – Манфред нетерпеливо вздохнул. – У меня и так дел полно, а тут еще за Пилигримом следить надо.

– Но с этой-то небольшой проблемой ты справляешься?

– Не уверен. Возможно, мне мерещится, но, с тех пор как мальчишка поступил в академию, он изменился. Возможно, Бона не следовало сюда привозить.

– Мы должны были это сделать, Манфред. – Голос доктора Блура удалялся, но слова все равно различить было можно. – Эту вещь нужно уничтожить, пока она не разбудила девчонку.

Свет погас, и дверь закрылась.

Секунду-другую троица в шкафу молчала, не смея вздохнуть. Потом, убедившись, что они одни, Оливия осмелела и подала голос:

– Ничего себе, а? Интересные дела!

– Давайте-ка отсюда выбираться, – решительно сказал Чарли. – Разговор есть.

Билли вылез из шкафа первым. Не успели Чарли с Оливией отряхнуться от пыли, как маленький альбинос уже промчался по поваленной двери и взлетел по крутым ступенькам.

Как оказалось, можно было и не чиститься. Когда ребята наконец выбрались из башни Да Винчи, все трое снова были с ног до головы облеплены паутиной. У Оливии распухла лодыжка, а коленки были сплошь в царапинах и синяках, но она отнеслась к этому легкомысленно и совершенно не беспокоилась. Чарли был поражен.

– По-моему, тебе надо пойти к надзирательнице. Мало ли какая гадость водится в этой пыли! Какие-нибудь древние микробы или еще что похуже.

– К надзира-а-ательнице?! Да лучше в пасть к дракону! – воспротивилась Оливия. – Как пить дать начнет докапываться, где это я рассадил коленки. Нет, лучше я просто натяну какие-нибудь лосины, а завтра мама как-нибудь уж с моими ссадинами разберется.

– Ты нам хотел что-то рассказать, – напомнил Билли.

– Еще как! – воскликнул Чарли. – Понимаете, все, что говорили Манфред с доктором Блуром... ну, в общем, теперь я понимаю, что со мной раньше произошло и почему.

– Слушайте, пошли к нам в спальню, – предложила Оливия. – Она ближе, чем ваша. По этому коридору через три двери. Как раз почистимся, пока надзирательница не начала обход.

О, как она ошибалась! Наша троица только-только добралась до спальни девочек, как дверь распахнулась и на пороге возникла надзирательница. И вот тут-то Чарли понял, почему накануне ее голос показался ему подозрительно знакомым. Это была Лукреция Юбим!

Билли с Оливией, конечно, не знали, что это одна из его теток, а Чарли чуть не согнулся от испуга, как будто его двинули под ложечку. Воздух в груди кончился.

– Т-т-тетя Л-л-лукреция! – заикаясь, выдавил он.

– Для тебя я госпожа надзирательница! – отрезала та.

– А... а я и н-н-не з-з-знал, что вы тут служите, – ошарашенно пробормотал Чарли.

– В наше суровое время приходится как-то зарабатывать на кусок хлеба, – процедила тетушка Лукреция.

Оливия и Билли обалдело переводили взгляд с Чарли на надзирательницу и обратно.

– Вы по уши в грязи, – прицельно сощурилась надзирательница. – Где это вы были, позвольте узнать?

Но Оливия не растерялась ни на секунду.

– А мы гуляли в саду, а потом, когда хотели вернуться, оказалось, что дверь заперта, и мы пошли вокруг дома, и нашли окошко, и залезли в него, и очутились в такой жутко пыльной заброшенной комнате, – протарахтела она. – Ну, на самом деле мы просто упали внутрь, потому что окно оказалось высоко. Вот и перемазались.

Надзирательница недоверчиво насупилась. Вряд ли она поверила Оливии, понял Чарли, потому что кто же додумается запереть дверь в сад?

– Я бы вас не пускала домой еще сутки, – проскрежетала надзирательница, – но мне, знаете ли, тоже нужен отдых. Так что на этот раз можете быть свободны. Но предупреждение вы получили.

– Спасибо, госпожа надзирательница, – тоном пай-девочки отозвалась Оливия.

– Не за что. – Тетушка Лукреция не поверила этому тону ни на йоту. – А теперь все марш спать. Мигом.

– Но до отбоя еще час, – храбро пискнул Билли.

– Этот час у вас уйдет на то, чтобы привести себя в человеческий вид. А ну живо ступайте мыться! – гаркнула надзирательница и нависла над Оливией. – А сейчас мы займемся твоими безобразными коленями!

Мальчики оставили Оливию на попечение (скорее – на съедение) надзирательнице и вернулись в свою спальню.

В опустевшей школе все-таки есть определенные плюсы, решил Чарли, обнаружив, что из кранов наконец идет горячая вода. На неделе ему удавалось ополоснуться только холодной. Не то чтобы он как-то уж особенно любил мытье, но сегодня битый час отмокал в самой горячей ванне за всю свою жизнь.

Чарли с Билли едва успели забраться под одеяло, как раздался осторожный стук в дверь – и в спальню проскользнула Оливия. Она была в белом бархатном халатике в фиолетовых цветах, похожих на кляксы, а вот волосы ее из фиолетовых сделались просто темными.

– Надзирательница заставила смыть, – пожаловалась она. – А, ладно, все равно это была нестойкая краска. – Оливия плюхнулась на край койки Чарли. – Ну, не томи, рассказывай наконец!

– Значит, так... – И Чарли рассказал обо всех своих приключениях с того самого мига, когда он увидел фотографию незнакомца с младенцем, и до самого приезда в академию. – И я все время думал, что та штука в ящике наверняка очень ценная, потому что ее обменяли на племянницу мисс Ингльдю – уж не знаю, кто она. А теперь похоже, будто доктор Блур просто хочет уничтожить то, что в ящике.

– Прежде чем эта штуковина не разбудила девочку, – добавила Оливия. – А девочка – это, конечно, похищенный младенец, тут и сомневаться не приходится.

– Тогда получается, что эта штука в ящике все равно ценная, – подал голос Билли. – Ведь она может разбудить от... наверно, это вроде чар или заклятия.

– Хм-хм. – Оливия задумчиво покачала ногой. – А знаете, что я думаю? – Дождаться ответа она не стала: – По-моему, девочку загипнотизировал Манфред. Может, она вообще под гипнозом с тех самых пор, как ее похитили, или обменяли, или что там с ней сделали. Но гипноз вроде как изнашивается, так что Манфреду приходится его все время подправлять, чтобы она точно не проснулась и не сбежала... или не вспомнила, кто она на самом деле.

– Оливия, ты гений! – восхитился Чарли. – Если честно, я сначала на тебя подумал.

– На меня? Да ты что! Уж я бы заметила, если б меня гипнотизировали. – Оливия фыркнула. – А вот, между прочим, я могу запросто вычислить, кто она такая.

– Это как? – заинтересовался Чарли.

– Понаблюдаю. У меня глаз-алмаз. Если младенца украли восемь лет назад, когда ей было два, значит, сейчас ей примерно сколько нам. Она наверняка из одаренных, иначе непонятно, зачем она понадобилась доктору Блуру. Ну, кто у нас подходит под описание? Вас ведь не так много?

– Одаренных двенадцать, – подтвердил Билли. – Из них восемь девчо... девочек. Зелда слишком большая, ей целых тринадцать. И Бет тоже. Отпадает. Значит, остались Доркас, Эмилия и Бинди.

– Ну уж точно не Доркас! – уверенно заявила Оливия. – Она такая попрыгунья. Никаким гипнозом там и не пахнет.

– Ну конечно же Эмилия! – воскликнул Чарли. – Подумайте сами. Она всегда какая-то заторможенная, будто в трансе. Будто спит наяву. И она боится доктора Блура.

– А кто его не боится-то? – резонно заметила Оливия. – Но ты точно прав. Она спит по соседству со мной. Так что я за ней понаблюдаю. Ладно, я похромала. Спокойной ночи, завтра увидимся. – Оливия спрыгнула с Чарлиной койки и шмыгнула за дверь.

Только она исчезла, как громовой голос тетушки Лукреции объявил:

– Отбой! Гасите свет!

В приоткрытую дверь, как белая змея, просунулась рука и нажала на выключатель.

Мгновение-другое оба мальчика молчали в темноте пустой спальни. Их разделяли четыре пустые койки, и по другую сторону от прохода тоже никого не было. Чарли сделалось не по себе. Каково-то тут Билли по выходным, одному, в темноте?

– Билли, – шепнул он, – а ты можешь поехать ко мне домой в следующие выходные? Тебя выпустят?

– Конечно, – радостно отозвался Билли. – У Фиделио в гостях я уже был. Так что и к тебе наверняка пустят.

Что-то скрипнуло, завозилось, а потом в темноте возник тонкий лучик света и приблизился к койке Чарли. Фигурку Билли в бледно-голубой пижаме было еле видно.

– Чарли, а вот ты вроде говорил, будто умеешь слышать, о чем говорят фотографии? – тихо спросил Билли.

– Ну да, – неуверенно ответил Чарли. – Иногда.

Билли положил на его подушку помятую фотографию.

– Можешь сказать, что они говорят? – попросил Билли. – Это мои родители.

Чарли пристально посмотрел на фотографию. На карточке стояла под деревом какая-то пара. Женщина из-за своего светлого платья походила на призрак, да и волосы у нее были светлые, почти белые. И она, и мужчина сложили губы в улыбку, но у женщины в глазах застыл страх, а у него – полыхал гнев.

А потом в ушах у Чарли возник голос — да такой, что мальчика пробрал озноб.

Ну же, миссис Гриф, улыбнитесь своему крошке. Неужели это так трудно?

Да! Никаких сомнений! Этот звучный холодный голос ни с каким другим не спутаешь!

А Биллин папа сказал:

Вам это так просто с рук не сойдет.

Поглядите на моего сыночка, мистер Гриф. Правда славный у меня мальчик? Он такой красавчик, мой Манфред. Вот-вот, смотрите ему в глаза. Какие у него черные глазки — как угольки! Верно?

— Как, что-нибудь слышишь? — нетерпеливо прошептал Билли.

Чарли не знал, что и отвечать. Разве можно обрушить весь этот ужас на бедную Биллину голову? Нет, лучше уж я совру, решил Чарли, но соврать не успел, потому что с ним внезапно произошло то, что уже случилось и раньше. Он опять начал слышать чужие мысли!

Мы еще успеем спастись. Мы сбежим. Заберем малыша Билли и уедем куда-нибудь на край света, где им нас не найти. Только бы мальчишка перестал на меня так глядеть! Не глаза, а пропасть!

— Ну? Ну? — забеспокоился Билли.

— Она... — Мысли у Чарли прыгали. — Твоя мама сказала: «Побыстрее, пожалуйста, мне надо вернуться к моему Билли». А твой папа говорит: «Да, мы ни минуты без него не можем! Он у нас такой славный! Из него вырастет выдающийся человек!»

И даже в темноте было видно, как просиял Билли.

— А больше ничего? — робко спросил он.

— Все. Извини.

— А фотограф что-нибудь сказал? Я так и не знаю, кто их снимал.

— Нет-нет, никто больше ничего не говорил. — Чарли бережно отдал Билли помятый снимок.

— Когда-нибудь, — мечтательно произнес Билли, — когда-нибудь меня обязательно усыновят. И у меня опять будут папа и мама, и я тоже буду ездить на выходные домой. Как все. — Вздохнув, он забрался под одеяло и вскоре уснул, спрятав драгоценное фото под подушку.

А вот Чарли долго лежал без сна, таращась в невидимый потолок и ломая голову над тем, что же происходит в академии Блура. Значит,

младенцев крадут, дети сами исчезают, а теперь еще и отцы пропадают? Мой собственный папа, оказывается, вовсе не умер – он жив, но сам не знает, кто он. И я тоже не знаю, расстроился Чарли.

– Дядюшка Патон, – прошептал Чарли в темноту, – вот кто мне поможет все выяснить. Готов поклясться, он и так уже знает больше, чем рассказывает.

Еще один день, подумал Чарли, и я буду дома.

Чарли наконец стал проваливаться в сон, и снилась ему куча вопросов, которые надо будет задать дяде.

Глава 12

ДУЭЛЬ

Выйдя на следующее утро к завтраку, Чарли с величайшим облегчением увидел, что Манфреда за столом нет.

– Он по выходным всегда долго дрыхнет, потому что полночи не спит – у него в окне свечи горят, видно, – приглушенно объяснил Билли.

– А что он делает по ночам? – прошептал Чарли.

– Занимается колдовство-о-ом! – страшным басом пропела Оливия, выразительно выкатив глаза.

А ведь она почти наверняка права, удрученно подумал Чарли.

– Тогда получается – он оставит нас в покое на целое утро? – уточнил он.

– Да-да, – успокоил его Билли. – То есть, конечно, все равно надо идти уроки делать. Там уже учебники приготовлены, и список заданий. Но все равно можно будет болтать и рисовать вволю. Главное – к полудню сделать все задания.

И все трое отправились в Королевскую комнату, где их и впрямь поджидал список заданий – с точки зрения Чарли, одно хуже другого. Он только-только успел продраться сквозь половину из них, как вдруг спохватился:

– Я же обещал, что в половине двенадцатого буду в музыкальной башне! Фиделио придет и подаст мне знак, что перепрыгнул ящик.

– Ничего, мы тебя прикроем, – бодро заявила Оливия. – Уроки закончил? Нет? Ну, если не успеешь, придешь и спишь все у меня.

– Спасибо большущее! – обрадовался Чарли. И тут он вспомнил, что не знает, как добраться до музыкальной башни. Ему же не успеть туда к сроку, в этих коридорах триста лет плутать можно. – Фиделио сказал, что ты меня проводишь, но раз ты меня прикрываешь...

– А я тебе карту нарисую. – И Оливия тотчас принялась за дело.

Пока Чарли добивал оставшиеся вопросы, то и дело косясь на часы, Оливия проворно набросала план коридоров, которые вели в музыкальную башню.

– Разберешься? – Она вручила бумажку Чарли.

– Угу. – Чарли внимательно изучал план. – Так. Ага. Мне надо пройти через последнюю дверь в конце холла.

– Точно.

– Уже почти половина, – напомнил Билли.

Чарли вскочил.

– Если кто-нибудь придет, мы скажем, что ты в туалете, – пообещала Оливия.

Чарли осторожно высунул нос в коридор. Ни души. Он помахал друзьям и шмыгнул за дверь.

С помощью набросанного Оливией плана он добрался до холла и помчался к сводчатой маленькой дверце подле главного входа. Сначала Чарли показалось, что старинного вида дверь заперта, и сердце у него упало. Он дернул за большое железное кольцо, служившее дверной ручкой, раз, другой, третий – и дверца наконец поддалась. Чарли вошел в темный коридор и тихонько прикрыл за собой дверь.

«Ой, да я же как раз под комнатой Манфреда!» – сообразив это, Чарли двинулся дальше на цыпочках.

Темный коридор, выложенный каменными плитами, привел его в пустое помещение на первом этаже башни. Тут Чарли увидел ту самую дверь, через которую Билли, должно быть, и впустил котов. Но теперь она была крепка заперта. А прямо напротив двери начиналась винтовая каменная лестница.

Чарли принялся карабкаться наверх, что оказалось не так-то легко – у лестницы не было перил, даже символических. Наконец мальчик очутился в другой пустой комнате, окна которой выходили на площадь перед академией. Чарли выглянул в окно. Фиделио не видать, но, может, ему, Чарли, просто надо забраться повыше, и тогда будет видно лучше? Чарли двинулся дальше, миновал, не останавливаясь, второй этаж и взобрался на третий. Отсюда открывался вид уже на весь город. Утро стояло ясное и холодное, и вдали над многочисленными крышами величественно вздымался собор, и шпиль его сверкал на солнце.

Внизу, по площади, бежали две фигурки. Они миновали фонтан, остановились у подножия башни и замахали. Фиделио! Ага, он и Бенджамина с собой привел.

Чарли помахал им в ответ. Неужели Фиделио не удалось перепрятать ящик? Чарли поднял большой палец и вопросительно

пожал плечами. Потом раскинул руки – мол, ну как? Авось они его поймут.

Не вышло. Фиделио с Бенджи начали вытворять нечто странное. Бенджамин как будто потянул за невидимый шнур, а Фиделио завел руку за спину и замахал, будто хвостом вилял.

Чего это они? Чарли помотал головой и пожал плечами. Бред какой-то.

Двое внизу на площади явно были чем-то взволнованы, но Чарли-то больше волновало, перепрятан ли ящик. Он и так и сяк старался донести до них свой вопрос – и руками в воздухе чертил, и губами шевелил: «Перепрятали? Ящик! Ящик перепрятали? Где он?»

Все без толку. Бенджамин с Фиделио были взбудоражены чем-то совсем другим. И чем именно – я узнаю только к вечеру, понял Чарли. Придется потерпеть, ничего не попишешь. Он еще разок помахал им на прощание и направился было к лестнице, но тут где-то внизу, под ним, послышались шаги. Уж не Манфред ли продрал наконец свои гипнотические и демонические глаза? Этого еще не хватало. Путь к отступлению оставался только один – наверх.

Чарли крался на четвертый этаж, и вдруг навстречу ему откуда-то издали полилась музыка. Она эхом отдавалась на узкой лестнице. Кто-то играл на фортепиано. Играл очень красиво. Музыка была сложная и переливалась, как звонкий дождь, и каждая нотка сверкала, как росинка в траве, как бриллиант в ожерелье. Чарли двинулся по направлению к музыке, точно какие-то чары тянули его за ниточку. Не останавливаясь, он миновал четвертый этаж и стал подниматься дальше, но уже медленнее. Ему сделалось как-то не по себе: Чарли понял, что идет помимо своей воли и не в силах остановиться. Кто его знает, что там такое, на верхушке башни, испуганно подумал он.

Верхняя комната отличалась от прочих, пустых. Эта была полным-полна нотных тетрадей и даже целых книг: они кипами лежали на полу, а на книжных полках ровными рядами выстроились кожаные переплеты, украшенные именами композиторов: Моцарт, Шопен, Бетховен, Бах, Лист... Некоторые имена Чарли знал, некоторые видел впервые.

Звуки фортепиано, лившиеся из-за дубовой дверцы, всплеснулись и смолкли. Чарли робко толкнул дверь и очутился на пороге следующей комнаты, пустой, если не считать инструмента и

музыканта. За большим черным фортепиано сидел мистер Пилигрим. Чудаковатый учитель музыки глянул сквозь Чарли, – похоже, он не заметил ни приоткрывшейся двери, ни незваного гостя, хотя налетевший сквозняк смахнул с подоконника несколько нотных листов.

Чарли замер в растерянности. Потом, как зачарованный, шагнул через порог и прикрыл дверь. Мистер Пилигрим заиграл снова, поглядывая то на клавиатуру, то на небо за окном. Он играл с отсутствующим видом и непроницаемым лицом.

Издалека, со стороны собора, над городом разнесся бой часов. Бом! Бом! Боммм! Полдень, сообразил Чарли. Ой, я же опоздаю! Оливия с Билли, наверно, уже беспокоятся. А может, и Манфред уже по мою душу приходил!

Чарли поспешно повернулся, чтобы уйти, но тут мистер Пилигрим почему-то прервал игру. Он как будто прислушивался к бою часов. Бомм! На двенадцатом ударе мистер Пилигрим встал. Он заметил Чарли и мучительно нахмурился, будто стараясь что-то вспомнить.

– Я... извините, сэр, я заблудился, – поспешно сказал Чарли, – а вы так играли... так здорово играли... я заслушался и просто не мог уйти, вот и стоял тут.

– Что? – спросил мистер Пилигрим.

– Заслушался, сэр.

– А...

– Извините, я не хотел вам мешать, – пробормотал Чарли. – Я лучше пойду.

– Погоди-ка. – Станный преподаватель обошел фортепиано и приблизился к Чарли. – Ты кто?

– Меня зовут Чарли Бон, сэр.

– Чарли?

– Да.

В темных глазах мистера Пилигрима блеснул было огонек интереса, но тут же погас.

– Вот как, – негромко отозвался он. – Понятно. Ну, беги.

– Хорошо, сэр. – И Чарли как ветром сдуло. Он скатился по лестнице в два раза быстрее, чем поднимался. К счастью, по дороге в Королевскую комнату Чарли никого не встретил, не считая уборщицы,

которая усмехнулась, когда он промчался мимо, и почему-то подмигнула мальчику.

— Где тебя носило? — спросила Оливия, как только Чарли ворвался в комнату. — Манфред уже *два* раза приходил и интересовался, где ты!

— И что вы ему сказали?

— Как договаривались — что ты вышел в туалет.

— *Два* раза!.. — в ужасе повторил Чарли.

— Ну да, так что на второй раз я ему сказал, что у тебя живот разболелся, — мрачно добавил Билли. — Только вот не знаю, поверил он мне или как.

Тут появился мистер Палтри, собрал учебники и велел детям идти в столовую.

На ланч подали бутерброды с сыром и еще по яблоку каждому. Те из преподавателей, кто дежурил в эту субботу, сидели за учительским столом, но Манфреда с доктором Блуrom не было.

— По выходным они обедают в западном крыле, — пояснил Билли, — с миссис Блур и со всем прочим семейством.

— А что, Блуrow так много? — удивился Чарли.

— Миссис Блур и еще древний-предревний старикашка, — сказал Билли. — Правда, я его не видал, но кухаркин пес мне про него рассказывал.

— Похоже, ты много полезного узнал от кухаркиной собаки, — заметила Оливия.

— Еще как.

После ланча им разрешили погулять в саду, причем Оливия жаждала непременно подобраться поближе к развалинам. Билли эта затея не вдохновляла, но Чарли обуюло любопытство.

— Да ну же, пойдем, Билли! — уговаривала маленького альбиноса неугомонная Оливия. — Внутрь мы не полезем. Просто побродим вокруг, поглядим одним глазком, и все. Я и в Игру-то на руинах еще ни разу не играла.

— И я тоже, — поддакнул Чарли.

— И я не играл, — пробормотал Билли, но побрел за старшими к темным угрюмым развалинам с величайшей неохотой. В высоту обрушенные стены были по меньшей мере метра четыре, прикинул Чарли, и к тому же толстенные. Останки стен виднелись там и сям между деревьев, словно здесь некогда стоял древний город. Вход в

развалины представлял собой высокую арку, а за ней начинался двор, обросший мхом, и из него расходились пять коридоров.

Чарли вспомнил про исчезнувшую девочку и содрогнулся:

– И что только там происходит? Оливия поняла, о чем он, и приглушенно заявила:

– Ни за какие коврижки не сунусь туда в одиночку, ни на минуточку, ни на секундочку! Как подумаю про эту бедняжку – ужас берет. Говорят, от ее плаща одни клочки остались.

– Это был волк, – подал голос Билли.

– Волк?! – хором спросили Чарли с Оливией, и глаза у обоих сделались круглые.

– Кухаркин пес мне так сказал, – объяснил Билли. – А он никогда не врет. Точнее, он сказал, это было *нечто* вроде волка. Оно живет в самой академии, но ночью разгуливает по руинам.

Все трое обеспокоенно поглядели в темнеющее вечернее небо, на которое напоздали облака. Оливия попятилась и помчалась по лугу, трагически завывая:

– Не-е-е-ет! О не-е-е-ет! Только не э-э-это! Мальчики припустили за ней. Оливия так смешно мелькала тонкими белыми ножками и так потешно верещала, что они просто покатывались от хохота. Но все трое прекрасно знали, что на самом-то деле им страшно.

Они влетели в академию и тотчас наткнулись на Манфреда.

– Карусел, иди собирайся, – ледяным тоном велел тот. – Бон, за мной.

– Это почему еще? – воспротивился Чарли.

– Потому что я сказал «за мной». Чарли так и подмывало дернуть в сторону спален вместе с Оливией. Мама вот-вот приедет и будет ждать его у входа в академию. Неужели Манфред не разрешит ему ехать домой? Он же не имеет права! Хотя... кто его знает.

Манфред повернулся и пощелкал Чарли пальцами – как собачке: мол, за мной. Чарли сделал друзьям скорбную мину и двинулся за Манфредом.

– Удачи! – прошептала ему вслед Оливия.

Манфред привел Чарли в комнату старост. Сегодня она была пуста, так что Чарли разрешено было сесть в одно из мягких кресел. Сам же Манфред занял свое обычное место за гигантским столом.

– Ну что ты прямо оцепенел весь, Чарли! – Улыбка Манфреду решительно не удалась. – Я тебя не съем.

А кто тебя знает, подумал Чарли, уставившись в пол.

– Я просто хочу узнать, куда ты подевал ящик, который тебе дала мисс Ингльдю. Понимаешь, ящик-то наш, – мягко, вкрадчиво журчал Манфред.

Меня не проведешь, решил Чарли.

– Понятия не имею, о чем это ты, – твердо сказал он.

– Имеешь, и еще как имеешь. Ну зачем ты запираешься? Ничего хорошего тебе от этого не будет. Более того, ящик доставит тебе уйму неприятностей. Давай же, говори, где он?

Чарли упорно молчал, и Манфред начал стремительно терять терпение.

– А ну погляди на меня, мальчишка! – рявкнул он.

Чарли не сводил глаз с пола.

– И сколько ты полагаешь продержаться? – Манфред фыркнул. – Ну-ка подними глаза. Давай, на секундочку. Больно не будет.

Чарли почувствовал, что взгляд его невольно переползает с пола на стол, а со стола на бледное лицо Манфреда. Совладать с собой он не мог. Если Манфред меня загипнотизирует, мне крышка. Я не устою и все ему выложу. И тут Чарли осенило: а если попытаться перебороть Манфреда? Посмотреть ему в лицо и попытаться прочесть его мысли? Может, тогда я смогу выпутаться из его чар. И Чарли, набравшись духу, поднял глаза и взглянул в бледное худое лицо, в черные блестящие глаза и изо всех сил вслушался в мысли противника. Но никаких слов он не слышал, а вместо них возникла картинка: мужчина за фортепиано.

– А ну прекрати! – велел Манфред. – Немедленно перестань, Бон!

Но Чарли не сдавался – он старался удержать картинку перед глазами, и вот он уже слышит музыку – быструю и прекрасную, как журчание ручья.

– Я кому сказал, прекрати! – взвизгнул Манфред.

Вжик! Мимо Чарли пролетел стакан с водой и со звонким всхлипом разбился о стену у него за спиной. Чарли вскочил с кресла – и как раз вовремя: по воздуху пронеслась тяжеленная книга. Манфред уже схватился за стеклянное пресс-папье, уже замахнулся, но тут дверь распахнулась и в кабинет вошел доктор Блур.

– Что здесь происходит? – спросил он.

– Ни за что не хочет поддаваться, – прошипел Манфред. – Он обороняется. Этот мальчишка тоже кое-что понимает в магических поединках.

– Интересно, – промолвил доктор Блур. – Весьма интересно. Тебе нельзя впасть в такое состояние, Манфред. Я тебя предупреждал. Держи себя в руках.

Чарли покосился на стену. На розовеньких обоях расплывалось большое мокрое пятно, а по спинке кресла, где только что сидел Чарли, ссыпались стеклянные осколки.

– Чарлз, тебя ждет мать, – сообщил доктор Блур. – Быстро иди собирайся.

– Да, сэр, – с энтузиазмом отозвался Чарли и был таков со всей скоростью, на какую отважился.

Билли уже ждал его в спальне. Однако он был не один – на полу у его койки лежала собака – самая дряхлая собака, какую только случалось встречать Чарли. Она была такая жирная, а коричневая морда у нее была в такую складочку, что ни рта, ни глаз было не различить. Собака тяжело пыхтела – еще бы, волоочь такую тушу несколько пролетов вверх по лестнице из кухни. И еще она пахла – примерно так, как гнилые овощи, что мама приносила со службы.

– А сюда псам можно? – нервно поинтересовался Чарли, стараясь не вдыхать.

– Про нее никто не знает, – отозвался Билли. – Я же почти все выходные сам по себе. Даже надзирательница и та по субботам уезжает домой.

Чарли поспешно пошвырял свои вещички в сумку.

– Жаль, что в этот раз ты со мной не поедешь. Тут, наверно, по ночам просто жуть. – Он поежился.

– Да я привык, – сказал Билли. – У меня есть Душка, с ним поговорить можно. Нам сегодня есть что обсудить.

– Душка? – Чарли обзрел древнее морщинистое существо, пыхтевшее у ног Билли.

– Славное имя, правда?

Чарли не стал спорить. Конечно, ему хотелось поглядеть, как Билли разговаривает с собакой, но домой хотелось еще сильнее. Он

попрощался с Билли и помчался по бесконечным коридорам и лестницам в холл – и домой, домой, домой.

Глава 13

ИСТОРИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Миссис Бон ждала сына, сидя в одном из больших резных кресел подле главного входа. Чарли сначала не заметил маму, потому что ее заслонила громоздкая туша доктора Блур. Тот что-то с серьезным видом ей втолковывал, и вид у мамы был испуганный и взволнованный, как у провинившейся школьницы. Завидев Чарли, она робко помахала ему и нервно улыбнулась.

Доктор Блур резко развернулся.

– А, вот мы где, – изобразил он бодрое добродушие. – А я как раз рассказываю твоей маме, как ты у нас хорошо себя вел всю неделю, не считая небольшого... э-э... недоразумения с плащом.

– Да, сэр, – ответил Чарли, а сам озадачился, как объяснить маме про обмен плащами. Наверно, рваный плащ Габриэля придется просто спрятать.

Миссис Бон встала, поспешно чмокнула Чарли в щеку и, пока доктор Блур не провозгласил чего-нибудь еще, быстренько вывела сына за двери.

– Приятных вам выходных! – напутствовал их доктор Блур, будто бы и забыв, что выходные-то уже наполовину прошли.

– Да, сэр, – сказал Чарли, но «спасибо» не добавил.

Однако мама даже не попеняла ему за невежливость.

– Как ты насчет прогуляться пешком, сынок? Для Патона еще слишком светло, а такси мне поймать не удалось. А школьного автобуса сегодня нет, так что...

– Извини, мам.

– Это несправедливо – оставлять тебя после уроков в первую же неделю! – горячо возмутилась мама. – Но мы забудем об этом, ладно? Мейзи там наготовила прямо-таки гору, и все твое любимое.

У Чарли заранее слюнки потекли.

Они с мамой перешли площадь перед академией и двинулись по переулку, который вел на Хай-стрит. И только когда они уже почти прошли всю Хай-стрит, Чарли заметил, что за ними по противоположной стороне улицы крадется какой-то старикашка.

Впрочем, Чарли мгновенно понял, что это за старикашка. Крался он неубедительно, да и грим с костюмом были ниже всякой критики. Взрослая одежда была соглядатаю явно велика. А из-под потрепанной шляпы шпиона торчали такие ярко-рыжие пряди, что борода по сравнению с ними выглядела несомненно фальшивой.

— Мам, а ты можешь идти чуточку побыстрее? — попросил Чарли. — А то за нами хвост.

— Хвост? — миссис Бон замерла и нервно обернулась. — Кто за нами шпионит?

— Да просто мальчишка, — объяснил Чарли. — Вон он, на той стороне улицы. Ну и дурень, он же и так знает, где я живу. Ему просто нравится шпионить.

— Пойдем, Чарли. — Мама схватила его за рукав и потянула в какой-то темный переулок. — Так получится дольше, но я не выношу, когда за мной шпионят.

Ага, так маме это не впервой, понял Чарли. Ну конечно, она же рассказывала, что вскоре после свадьбы папа начал все время озираться. Но кто же шпионил за ними тогда, спрашивается?

А мама вела его какими-то переулками и закоулками, в которых Чарли в жизни не бывал.

— Я и сама уже сто лет кружным путем не хожу, но тут мало что изменилось. Вот мы и на месте! — выпалила она. Они очутились на соборной площади. — Ах! — Мама прижала руку к груди, как будто у нее сердце замерло при виде громадного собора. — Твой папа, бывало, играл здесь на органе, — приглушенно сказала мама. — Но я не ходила сюда с тех пор... с тех пор, как он... перестал играть.

Мама прибавила шагу, точно хотела поскорее уйти с площади, и тут на пути у них с Чарли, конечно же, оказалась книжная лавка Ингльдю.

— А я знаю даму, которая тут живет. — Чарли замедлил шаг и заглянул в витрину. — Давай зайдем?

— Магазин же закрыт, — поспешно возразила мама. — Видишь — табличка висит. — Она потащила Чарли дальше, продолжая на ходу: — Патон побывал здесь прошлой ночью. И притащил целую гору книжек. Вообще с твоим дядюшкой последнее время творится что-то из ряда вон выходящее. Он прямо на себя не похож.

Ого! Неужели дядя Патон все-таки выбрался из подполья?

Мейзи, наверно, высматривала их из окна номера девять, потому что, когда Чарли вошел в кухню, чайник уже грелся на плите, а стол ломился от вкусностей.

– Да какое право они имеют держать тебя под замком целый выходной! – с этим воплем Мейзи чуть не задушила Чарли в объятиях.

– Он нарушил правила, – раздался голос из кресла-качалки у плиты. – Это ему наказка. – И бабушка Бон сурово воззрилась на Чарли. – Мальчик, что у тебя творится на голове? Ты вообще брал с собой расческу?

– Брать-то я брал, – неохотно ответил Чарли, – но мадам надзирательница за нашими прическами не очень следит, а вы ведь знаете, кто у нас надзирательница.

– Лукреция, разумеется, – отрезала бабушка Бон.

Но Мейзи с мамой этого не знали – они хором ахнули.

– Почему мы только сейчас об этом узнали? – воскликнула мама.

– А почему я обязана вам отчитываться? – старуха фыркнула и демонстративно погрузилась в книгу, словно ничего и не случилось.

– Что ж, – сказала Мейзи в пространство, – с некоторыми тут не соскучишься.

Но бабушка Бон прикинулась, будто не слышала этих слов, а потом сделала вид, что ей решительно неинтересно уютное чаепитие со всякими лакомствами, за которое с аппетитом уселись прочие обитатели номера девять, исключая, разумеется, дядюшку Патона.

Чарли хотелось узнать, как там поживает дядя, но бабушка Бон приняла такой ледяной вид, что он смолчал. Еще не хватало новых пререканий! Он решил плотно перекусить, а потом навестить Бенджи.

– Ну и куда ты собрался? – осведомилась бабушка Бон, когда Чарли, выполнив первую часть плана, приступил ко второй и направился к двери.

– В гости к другу, куда же еще, – ответила за него Мейзи.

– А с какой это стати? – спросила бабушка Бон. – Его обязанность по выходным – проводить весь день в кругу семьи, а не шляться по приятелям.

– Не говорите глупостей, Гризелда, – заступилась за внука Мейзи. – Ну, беги, Чарли.

И Чарли поспешно брызнул за дверь, пока бабушка Бон не изрекла что-нибудь еще. В доме напротив его ждал не только

Бенджамин, но и Фиделио. Оба были взбудоражены и с порога потащили Чарли в кухню, усеянную огрызками пиццы, крошками от чипсов и банановой кожурой. Спринтер-Боб всюду лакомился кусочками, упавшими под стол, но, увидев Чарли, радостно залаял и заскакал вокруг, норовя лизнуть его в лицо большим липким языком.

Чарли с трудом уклонился от изъявлений песей любви, а Бенджамин, горя нетерпением, тут же приступил к рассказу. Пока Чарли торчал в академии, Бенджи с Фиделио успели сделать грандиозное открытие!

– Вообще-то это Фиделио его сделал, – признался Бенджи. – Помнишь, ты мне подарил говорящую собаку, так вот Фиделио предложил прокрутить пленку дальше и проверить, не записано ли там чего еще. И так и оказалось! Там целая речь!

– А-а-а, так вот вы мне про что утром сигналили! – протянул Чарли. А он-то ломал голову, что друзья такое изображали под окном! – Про собачий хвост!

– А до тебя не дошло? – усмехнулся Фиделио. – Ладно, раскрой уши пошире, сейчас услышишь потрясающую историю.

Чарли придвинул себе стул. Мальчики уже успели выволочь ящик доктора Толли из подвала, а металлического пса поставили посреди усыпанного крошками, корками и кожурой стола.

– Слушай! – Фиделио дернул пса за хвост и, как только знакомый голос начал разъяснять инструкции, потянул его за ухо, чтобы промотать пленку. – Сейчас, сейчас, – добавил он.

И доктор Толли заговорил вновь, но теперь голос его звучал совсем иначе: встревоженно и печально. Чарли наострил уши.

Милая Джулия, – начал голос, – если ты слушаешь эту запись, значит, ты раскрыла секрет моей дорогой девочки – той, которая раньше звалась Эмма Толли, но теперь носит другое имя. Надеюсь, тебе удалось найти надежное место для ящика с надписью «Двенадцать колоколов Толли». Я никому не могу довериться, Джулия. За мной шпионят, подслушивают под дверь, крадут у меня письма, и к тому времени, когда ты получишь это письмо, они украдут мою жизнь. Я знаю. Я и так уже совсем слаб. Я не в силах встать с постели. Враги отравили меня, Джулия, и это мне кара за то, что я сделал с дочкой.

Итак, слушай мою печальную повесть, и ты узнаешь, как я оказался в столь прискорбном положении. Как тебе известно, я решился отдать нашу маленькую Эмму. Жадность руководила мною. То, что мне предложили в обмен на дитя, было для меня величайшим сокровищем. Они пообещали мне скульптурное изображение моего предка, рыцаря из Толедо, вооруженного острейшим мечом в мире. Мне было велено оживить его. Преисполнившись гордыни, я возомнил, будто и вправду смогу сделать это. О, как я заблуждался! Пять лет я провел в напрасных трудах. Пять лет потратил впустую. Я ученый, а не волшебник. Когда Эмме исполнилось семь, я попросил их вернуть мне девочку. Они ответили отказом, потому что я не смог выполнить задание.

Тут Бенджи вдруг чихнул, и все вздрогнули, как будто чары, навеянные на них напряженным голосом доктора Толли, разрушились. Щелк! Фиделио выключил запись.

— Да, все это, конечно, интересно, — протянул Чарли, — но пока я не возьму в толк, куда он клонит.

— Про отравителей жуть как интересно, — вставил Бенджи.

— Ты, Чарли, дальше послушай! Следующий фрагмент — это да! — воскликнул Фиделио. — Там-то как раз самое главное.

Бенджи и Чарли покорно замолкли, а Фиделио пустил запись дальше, и голос доктора Толли вновь загудел из металлической собаки.

Джулия, они пообещали мне, что я смогу видеться с девочкой, навещать ее. И я подумал, что Эмме будет гораздо лучше жить в любящей семье, с мамой, папой и братом, чем со мной, рассеянным и раздражительным вдовцом. Мы договорились, что в один прекрасный день они объяснят малышке, кто она на самом деле, и тогда девочка сможет совершить самостоятельный выбор и вернется к нам с тобой, Джулия. Я надеялся, что так оно и будет. Но тогда я еще не знал, на что способен Манфред.

Чарли глянул на Фиделио, а тот многозначительно округлил глаза.

— Так это он?.. — робко шепнул Бенджи, но Чарли шикнул на приятеля.

Помнишь ли ты тот день, — продолжал голос доктора Толли, — когда я пришел к тебе в магазин и ты нарядила малютку Эмму в белое платьице и повязала ей красивый бант? Но ты не пошла с нами на соборную площадь. Ах, если бы ты отправилась с нами!

Их было четверо: Блур с женой, его сынок и еще старик. Тогда мальчишке было лет восемь. Они поставили передо мной ящик, и точно, в нем была скульптура. И тогда я взял Эмму на руки и передал старику.

Вот тогда-то все и случилось, Джулия. Все пошло совсем не так, как я ожидал. Когда у нас над головой забили часы, из собора вышел какой-то мужчина. Я тотчас узнал его – это был молодой органист. Из распахнутой двери собора доносилось звучное пение хора. Он поднял руку и воскликнул: «Остановитесь! Так нельзя!»

Он кинулся между нами, и тогда старик ударил его по лицу. Органист толкнул его, и старик рухнул наземь, ушибив голову о каменные плиты. Он закричал от боли. И тут я заметил, что Манфред устремил на органиста сверкающие глаза. Органист закрыл лицо руками и упал на колени.

Эмма заливалась перепуганным плачем, но Манфред перевел свой ужасный взор на меня, и я помимо своей воли передал ему мою рыдающую малютку. Соборные часы пробили полдень, Манфред взглянул в глаза Эмме, и она умолкла. Она как будто оцепенела.

Я трусил, Джулия, и поступил самым постыдным образом. Я сбежал с площади. Схватил ящик и помчался прочь от собора, петляя по узким переулкам, будто за мной гналась свора демонов.

Позже мне удалось выяснить, что они отправили Эмму в другую семью, но наотрез отказались сообщить мне, в какую именно. Старик после падения остался калекой. А молодого органиста я больше никогда не видел. Я понял, что и он, и моя Эмма попали под чары похуже гипноза: всю оставшуюся жизнь над ними будет тяготеть ужасное заклятие, если я не отыщу способ снять чары. И я нашел его, Джулия. По крайней мере, я верю, что у меня это получилось. В ящике с надписью «Двенадцать колоколов Толли» хранится тот самый звук, который может снять чары с малютки Эммы. Блуры пронюхали о моем изобретении и, конечно, жаждут уничтожить его. Если ты одну за другой нажмешь буквы, из которых складывается надпись, ящик откроется.

– Ага, так вот как он открывается! – обрадовался Чарли.

– Чшш! – Фиделио приложил палец к губам. – Дослушай!

– Да, чуть было не забыл, – прибавил голос доктора Толли. – Зачем им понадобилась моя дочка? Мы с доктором Блуrom когда-то

вместе учились, и, естественно, я доверил ему эту тайну. Дело в том, что Эмма умеет летать. Правда, летала она всего лишь раз, еще совсем младенцем. Но кто знает?..

Береги себя, Джулия. Пленка кончается. Ко мне в дверь стучат. Прощай.

– Ну, каково? – Фиделио хлопнул себя по коленкам. – Вот так история, а? Потрясающе. Эта девочка умеет летать! Кто бы она ни была.

– Мы с ребятами подумали и решили, что это Эмилия Лун, – тихо сказал Чарли. – А органист...

– Что – органист? – быстро спросил Фиделио.

– Так, ничего, – отмахнулся Чарли. Возможно, молодой органист – это был его отец, но как теперь его найдешь? Он мог подеваться куда угодно. Нет, сначала надо отыскать Эмму Толли, а потом уж я как-нибудь найду папу, решил Чарли.

Фиделио так и рвался в бой. Ему надоело только строить планы.

– Сегодня же надо убрать отсюда ящик, – решительно сказал он. – Теперь мы знаем, что в нем и зачем.

– Да, но за мной опять шпионит этот треклятый Аза! – пожаловался Чарли. – Он сядет нам на хвост – и привет.

– Тоже мне проблема. – Фиделио показал Чарли здоровенный футляр от ксилофона, принесенный с собой. – Папа обещал подъехать и забрать меня. Если вы с Бенджи пойдете в обход квартала, Аза наверняка потащится за вами. Папа приедет минут через десять, так что, если повезет, Аза будет слишком далеко и не увидит, как я загружаю футляр с ксилофоном в машину. А если и увидит, так подумает, будто это просто музыкальный инструмент.

Чарли с Бенджамином единодушно признали, что план лучше некуда. Общими усилиями ящик доктора Толли запрятали в пустой футляр от ксилофона, и Чарли с Бенджи двинулись по направлению к парку. Уже стемнело, но за мальчиками трусил Спринтер-Боб, так что они ничего не боялись. Вскоре они заметили знакомую фигуру неубедительно загримированного Азы, который крался за ними по другой стороне улицы, то и дело прячась за деревьями. Заметили, но виду не подали.

Погуляв по окрестностям минут двадцать, мальчики вернулись домой к Бенджи. Фиделио с «ксилофоном» уже и след простыл.

– Получилось! – торжествующе воскликнул Бенджи.

– Молодчина Фиделио! – с чувством сказал Чарли. – А теперь пойду-ка я домой. До завтра!

– А завтра мы отнесем запись мисс Ингльдью, да?

– Так и сделаем.

Чарли поспешил домой, умирая от желания поскорее выложить все дядюшке Патону. Тот, как нарочно, встретился ему в прихожей в полном одиночестве, но явно был не настроен выслушивать секретные сведения. Дядя Патон собирался уходить и принарядился: элегантный черный костюм и – ого! – фиолетовый галстук-бабочка. Более того, он недавно подстригся и побрился. Более того, от него и пахло необычно – каким-то пряным одеколоном, а не привычной смесью чернил и лежалых бумаг.

– Вот это да! – не сдержался Чарли. – А куда вы собираетесь, дядя Патон?

Дядя сконфузился.

– Но ты же сам просил меня раздобыть тебе ключ у мисс Ингльдью, – выдавил он.

– А он нам уже не нужен! – радостным шепотом сообщил Чарли.

Дядя как будто не услышал этих слов.

– Я... э-э... кхм. – Он кашлянул. – А я вот пригласил мисс Ингльдью на ужин.

– Ничего себе!

Вот так новости. Сколько Чарли себя помнил, дядя никогда и никого не приглашал на ужин.

Дядя тоже понизил голос, наклонился к Чарли и приглушенно сказал:

– Гризелда не очень-то этому обрадовалась.

– Еще бы она обрадовалась! – Чарли усмехнулся.

Дядя хлопнул его по плечу, подмигнул и растворился во мраке ночи. Ночь выдалась непроглядно темной.

Чарли заволновался за дядю Патона. Хоть бы дяде повезло и вечер прошел без звона разбитых лампочек!

Бабушка Бон заперлась у себя, так что атмосфера в кухне царила самая мирная. Мейзи и мама увлеченно уткнулись каждая в свой журнал, но при виде Чарли сразу же засыпали его вопросами насчет первой школьной недели. Чарли рассказал все самое интересное и

смешное. Умолчал он только про Габриэля Муара и еще про то, что папа, по мнению Габриэля, жив. Про плащ он тоже решил пока не рассказывать. Сначала надо придумать какое-то объяснение.

В этот вечер Чарли не ложился гораздо дольше, чем обычно, – ведь спать-то его всегда загоняла бабушка Бон. Да и потом, завтра же воскресенье, и мама не станет будить его спозаранку. Но все-таки в конце концов глаза у мальчика стали слипаться, он зевнул раз, другой и решил, что заснуть лучше все-таки в собственной постели, а не носом в чашку. Пожелав Мейзи с мамой спокойной ночи, Чарли отправился спать.

Он не заметил, как уснул, зато заметил, как проснулся. За дверью творилось что-то странное. Кто-то со скрипом мерил шагами лестницу – вверх-вниз, вверх-вниз. Потом этот кто-то двинулся в кухню. Чарли протер глаза и, с трудом стряхнув сон, прокрался вниз.

Дядя Патон, закрыв лицо руками, сгорбился за кухонным столом, озаренный одной-единственной сиротливой свечкой. Пиджак и галстук валялись прямо на полу.

– Дядя, что стряслось? – шепотом спросил Чарли. – В чем дело?

Ответа не последовало – только сдавленный стон. Чарли сел напротив дяди и стал ждать, пока тот вынырнет из бездны отчаяния. Что же это его туда повергло?

Наконец дядя поднял голову.

– Все кончено, Чарли, – возгласил он.

– Что – все? – не понял Чарли.

– Я не выдержал, – сокрушенно поведал дядя. – Случилось то, что и должно было случиться. Наша с тобой общая знакомая, мисс Ингльдю, выглядела просто сногшибательно. Вообрази, черное платье, высокая прическа и эта шея... лебединая шея... Я был в полнейшем ошеломлении.

– Еще бы, – отозвался Чарли.

– Но я продержал себя в руках до самого десерта.

– Ого! Так это же хорошо.

– Решительно ничего хорошего, – простонал дядя Патон, – хотя, полагаю, ужин ей понравился.

– А что вам подавали?

– Устриц, салат «Цезарь», жареную утку и десерт а-ля Павлова/^[2].

– Объединение, – с энтузиазмом отозвался Чарли, который слабо представлял себе вкус всего этого, за вычетом разве что утятин.

– Но вино ударило мне в голову. От счастья у меня закружилась голова, – с горестным вздохом продолжал свою печальную повесть дядя. – На нашем столе стояла безобидная свечка, но, увы, за спиной у Джулии на стене была лампа под алым абажуром, и вот – дзынь! – она взорвалась. Осколки так и посыпались во все стороны. И на ее чудесное платье, и на прическу, и я вскочил, и тут взорвалась еще одна лампочка, возле соседнего стола. Можешь себе представить мое состояние.

– Но ведь никто не догадался, что это вы! – возразил было Чарли.

– Не догадался бы, не выстави я себя полным идиотом! – шепотом закричал дядя Патон. – Я пустился в извинения: ах, ох, простите, и тут – бац! – взорвалась третья лампочка. И еще, и еще, и я выбежал вон с криками «простите!». Мне стало так неловко, я просто не знал, что делать, – оставаться в ресторане было нельзя, а не то там бы взорвались все лампочки до единой.

– Ну не расстраивайтесь вы так! Вы наверняка придумаете, как объяснить все мисс Ингльдю, – попытался утешить его Чарли.

– Ах, Чарли, так ведь я же не заплатил по счету! – всплеснул руками дядя. – Что она обо мне подумала! Решила, что я трус, который испугался каких-то лопнувших лампочек и сбежал? Предоставив даме расплачиваться за ужин?!

– Вам надо просто сказать ей правду, – посоветовал Чарли.

– О нет! – душераздирающе простонал дядя Патон. – Только не это. Мы обречены, Чарли, и ты, и я. Над нами тяготеет ужасный рок. Ибо мы – иные. Ибо злосчастное наше семейство с его злосчастными способностями...

– Вот еще! Ничего мы не обречены! – свирепо возразил Чарли. – Да возьмите же себя в руки, дядя Патон! У меня страшно важные новости! Ну пожалуйста, сосредоточьтесь!

Но дядя Патон опять опустил скорбную главу на руки, и похоже, решил пребывать в таком положении всю оставшуюся жизнь. Тогда Чарли начал пересказывать все то, что доктор Толли наговорил на пленку внутри механического пса. Он говорил и говорил, и наконец дядя Патон поднял голову и стал внимательно слушать.

– Силы небесные! – вскричал дядя, когда Чарли дошел до органиста. – Лайелл!

– Так это был папа?

– Несомненно, – бросил дядя. – Рассказывай дальше!

Когда Чарли подошел к концу странной истории доктора Толли, дядя Патон выглядел уже гораздо лучше. Он оживился.

– Какая необычная история! Просто в голове не укладывается! – воскликнул он. – И какая трагическая, мой мальчик. Да, поистине трагическая. Бедное дитя. И твой отец... ах, как жаль, что я не смог всему этому помешать! Я уверен, я более чем уверен, что, пытаюсь спасти дитя, он тем самым обрек себя на смерть.

– Дядя, так ведь папа-то жив! – быстро сказал Чарли.

– Что? Нет, Чарли, как ни жаль, но, боюсь, ты заблуждаешься.

И тогда Чарли рассказал дяде про Габриэля Муара, про синий плащ и отцовский галстук.

– Вряд ли он врал – врать ему незачем, – закончил он. – Вы бы его видели, дядя! Он тоже умеет всякие чудные штуки. Ну, все равно как я голоса слышу, а Манфред гипноз наводит... а вы вот лампочки взрываете.

– Мне остается только поверить тебе на слово, Чарли. Но пойми, я видел то место, где автомобиль рухнул в карьер. Твой отец просто не мог выбраться, а если он и спасся, то где же он теперь?

Чарли помрачнел и пожал плечами. Он и сам не знал ответа на этот вопрос, зато знал, что тело отца так и не нашли.

– Наверно, бабушка Бон не разрешила его совсем убить, потому что он все-таки был ее родной сын. Но она подстроила ту автокатастрофу и все остальное, потому что не могла заставить его плясать под свою дудочку. Понимаете, дядя, они все участвовали в этой гадости, и Блуры, и Юбимы – все, кроме вас. Им только поперек слово скажи или просто не послушайся, и они сразу тебя прикончат, или куда-то упрячут, или заставят забыть, кто ты такой.

– Ах, мой мальчик! – вдруг грохнул кулаком по столу дядя Патон. – Я так виноват. Мало было просто держаться тише воды ниже травы. Не буду отрицать, я знал, что затевается нечто скверное. Мои драгоценные сестрицы шушукались и строили какие-то козни, и устраивали тайные совещания, и к ним ходил доктор Блур и его жуткий дед Иезекииль, а я не обращал на все это внимания.

– Дед? – удивился Чарли.

– Да, дед, – кивнул Патон. – Самый злобный старикашка, каких только свет видывал. Ему сейчас уже больше ста лет. А однажды вечером мне позвонил Лайелл. Он тоже обнаружил, что затевается нечто скверное, и просил моего совета. В те времена он жил на другом конце города с тобой и твоей мамой. Мы договорились встретиться на площади у собора. – Дядя вновь закрыл лицо руками. – И я не пошел, Чарли, – простонал он. – Я... я забыл.

Понимаешь, я работал над книгой. Но что такое книга в сравнении с жизнью человеческой? Так я больше и не видел твоего отца.

Хотя папино исчезновение оказалось связано с кучей таинственных и зловещих событий, Чарли все равно расправил плечи от гордости. Папа пытался предотвратить преступление! Он не струсил!

– Дядя, я завтра пойду отнесу мисс Ингльдю пленку доктора Толли, – начал он, – а заодно постараюсь ей все объяснить насчет вас и лопающихся лампочек... и всякого такого.

– Это очень мило с твоей стороны, – печально произнес дядя, – но, боюсь, все попытки в данном направлении обречены на провал.

– Ничего они не обречены! – вскипел Чарли, и тут только сообразил, что шум они с дядей подняли изрядный, а бабушка Бон почему-то до сих пор носа в кухню не сунула.

– А что случилось с бабушкой? – поинтересовался он.

Дядя вдруг улыбнулся – впервые за эту ночь.

– Я подсыпал ей кое-чего в молоко. Так что крепкий сон ей гарантирован. Возможно, что до завтрашнего вечера.

Чарли захихикал – не смог сдержаться. Дядя тоже. Фыркая и посмеиваясь, они поднялись по лестнице и разошлись спать, на время забыв о своих заботах. Но только на время.

Глава 14

БИЛЛИ ЗАКЛЮЧАЕТ СДЕЛКУ

Когда Билли Гриф сказал Чарли, что преспокойно ночует в спальне один-одинешенек, он вообще-то соврал. Потому что на самом деле Билли терпеть не мог субботние ночи. Трудно уснуть, когда знаешь, что еще целый день и целую ночь проведешь в полном одиночестве.

Пес по имени Душка и правда составлял Билли компанию – на свой собачий лад, – но слишком мало знал о людях, чтобы поддерживать занимательную беседу. Душка все больше рассказывал обо всяких звериных делах и переживаниях, а к тому же он был стар и потому непрестанно жаловался на свои многочисленные болячки. Билли старался ему посочувствовать, но в глубине души предпочел бы общество другого мальчишки или, на худой конец, даже девчонки.

Билли знал, что в академии учатся еще несколько сирот, но все они уже обзавелись славными приемными родителями. Мальчик частенько размышлял над тем, почему никто не усыновил его. Наверно, потому, что я так странно выгляжу, решил он в конце концов. Наверно, никому не нравится, что у меня белые волосы и красные глаза.

Некоторое время Билли смотрел, как мерцают призрачным светом огоньки свечей в окне напротив – в комнате Манфреда. Затем, не задернув штор, он перебрался через Душку и залез в постель. Но не успел мальчик улечься, как пес фыркнул и сел.

– Билли хотят видеть, – сообщил он.

– Кто это хочет меня видеть? – Билли слегка встревожился.

– Старик. Сейчас. Провожу.

– Прямо сейчас? Но ведь совсем темно и... А зачем я ему?

– Душка не знает. Пойдем.

Билли нашарил на полу тапочки, вытащил из ящика тумбочки свой фонарик, потом накинул халат и вслед за псом вышел из спальни.

Батарейка в фонарике у Билли была при последнем издыхании, так что мальчик едва различал в тусклом свете куцый хвост пса, семенившего впереди. Вообще-то надо бы попросить кого-нибудь из

ребят принести свежую батарейку, но кого именно – Билли никак не мог решить. А вот на следующие выходные я поеду в гости к Чарли, и уж он-то точно раздобудет мне батарейку, сообразил Билли.

Душка между тем двигался гораздо быстрее обычного, так что Билли то и дело переходил на бег, чтобы поспеть за престарелым псом. Однако, добравшись до лестницы, Душка сбавил скорость и начал с трудом взгромождаться вверх, тяжело пыхтя. Ночные путешественники очутились в резиденции блуровского семейства. Воздух здесь был теплый и душный. Если Манфред обнаружит меня у себя под дверью, будет полный ужас, подумал Билли и задрожал.

– А вы уверены, что это не ошибка? – спросил Билли у пса. – Может, вы что-то перепутали?

– Душка не ошибается, – фыркнул пес. – За мной.

И Билли послушно последовал за ним по коридорам, в которых пахло свечными огарками, а потом вверх еще по одной лестнице – и очутился в каком-то темном помещении, еле освещенном газовыми рожками/[3], которые тихо шипели по стенам. Со стен и потолка повсюду свисала паутина, а сам потолок был весь в трещинах.

– Вкусно пахнет, – отметил Душка.

– Вкусно? – Билли сморщился. – По-моему, воняет тухлыми яйцами и еще... чем-то дохлым.

– Вкусно, – настаивал пес. Он приблизился к черной двери с массивной латунной ручкой. Дверь была вся изборождена глубокими царапинами, и, когда Душка заскребся в нее, Билли понял, откуда они взялись. Пес явно часто хаживал сюда.

Душка поскребся в дверь трижды, и в ответ раздался надтреснутый и надменный голос:

– Войдите!

Билли послушался и нажал на латунную ручку. Ну и странная же комната оказалась за дверью! Освещалась она только пламенем большого камина, а у камина в инвалидном кресле сидел какой-то старик. Жидкие пряди седых волос свисали ему на плечи из-под красной шерстяной шапочки, а лицо у старика было похоже на череп: глаза утонули в темных провалах глазниц, щеки впалые, да такие впалые, что их почти не видно, и рот тонкий, запавший, жуткий. Когда Билли вошел, этот жуткий рот изобразил улыбку.

– Подойди-ка поближе, Билли Гриф, – поманил его старик длинным скрюченным пальцем.

Билли сглотнул, но повиновался. В комнате стояла невыносимая, душливая жара. А старик-то еще и в плед закутался, ничего себе! На полпути к камину Билли остановился. Душка прошлепал мимо него и улегся у огня, тяжело пыхтя.

– Тут так жарко, сэр. – Билли начал задыхаться.

– Ничего, потерпишь. Мой песик обожает погреться у камелька. Правда, Перси? – И старик любовно усмехнулся, глянув на пса. Впрочем, эта гримаса больше напоминала оскал.

– А я думал, это кухаркин пес.

– Он тоже думает, что он кухаркин пес, потому что я уже не в состоянии выводить его погулять. Верно, Перси?

– А мне он сказал, что его зовут Душка. – Билли сделал робкий шаг вперед.

– Зовут его Персиваль Петтигрю Пеннингтон Питт. Он просто думает, будто у него кличка Душка. – Старик трескуче хохотнул. – Хочешь чашечку какао, Билли?

Билли в жизни не пробовал какао. Он не знал, что отвечать.

– Этот чудесный, горячий и сладкий напиток дарит прекрасные сны. – Старик опять покивал скрюченным пальцем. – Вон там у огня греется ковшик с молоком. А там, у меня на столике, две чашки, в них уже насыпано какао и сахар. Тебе нужно просто налить горячее молоко, как следует размешать, и мы с тобой сможем славно поболтать за чашечкой горячего какао. А, Билли?

– Да, сэр. – Билли в точности выполнил все указания старика и вскоре уже блаженствовал в огромном уютном кресле, смакуя первую в своей жизни чашку какао.

Старик с громким хлюпаньем отпил глоток-другой, а потом заговорил:

– Ну что ж, Билли, тебе, должно быть, очень интересно, кто я такой. Я – мистер Блур Дважды старший. Хе-хе-хе! – Смешок у старика вновь вышел надтреснутый. – А еще я – Иезекииль. Можешь называть меня просто мистер Иезекииль.

– Спасибо, сэр.

– Отлично! Превосходно! Итак, Билли, у тебя есть некоторые затруднения, верно? Тебя ведь никто пока не усыновляет? Какая

жалость, какая обида! Ты ведь хотел бы обзавестись приемными родителями? Славными, милыми, добрыми, а?

Билли чуть не подпрыгнул.

– Да! – воскликнул он.

В тусклых глазах старика как будто вспыхнул огонек.

– Так вот, скоро они у тебя будут, Билли. Я нашел тебе папочку и мамочку. Чудные, добрые люди, и они прямо-таки изнывают от нетерпения.

– Ой, правда? – Билли ушам своим не верил. – Но... а откуда они про меня узнали?

– Мы им рассказали про тебя, Билли. Все-все рассказали – и какой ты умница, и как хорошо себя ведешь. И еще мы показали им твою фотокарточку.

– Так они знают, что я... – Билли провел рукой по своим белым волосам.

На губах мистера Иезекииля зазмеилась очередная улыбочка.

– Да, они знают, что ты альбинос, но их это ничуть не смущает.

– Ого. – У Билли от волнения голова пошла кругом. Он сделал большой глоток горячего сладкого какао и немножко успокоился.

А мистер Иезекииль так и впился в него глазами:

– Мы устроим твое усыновление, Билли, но в обмен тебе придется оказать нам кое-какую услугу.

– Понятно, – неуверенно кивнул Билли.

– У тебя ведь завелся новый дружок? Новичок по имени Чарли Бон... – Старик говорил так мягко и ласково, что Билли успокоился и ответил «да».

– Так вот, Билли, я тебя попрошу впредь рассказывать мне о нем абсолютно все: что он делает, с кем общается и, самое важное, что говорит. Как, справишься? – Старик подался вперед и вперил в Билли запавшие черные глаза.

– Да, – прошептал Билли. – Я поеду к нему домой на следующие выходные, если мне разрешат.

– Тебе разрешат, Билли, я это устрою. Получается просто отлично. А пока Расскажи-ка мне все, что ты успел узнать про Чарли за неделю.

Билли так воодушевила мысль о добрых и любящих приемных родителях, что он, не колеблясь, выложил старику все, что знал. Он и не подумал, что может навредить Чарли. Он так старался, что даже

рассказал, как вместе с Чарли и Оливией лазил в башню Да Винчи и про разговор доктора Блура с Манфредом.

Услышав об этом, мистер Иезекииль нахмурился и вполголоса ругнулся, но тут же спохватился и поспешно вернул на морщинистое лицо выражение благодушной заинтересованности, а Билли тем временем продолжал, стараясь не упустить ни одной мелочи. Он умолчал лишь об одном – что Чарли думает, будто его отец жив. Но Билли и сам этого не знал: когда Габриэль Муар объяснял Чарли про исчезновение его отца и про то, что помнит синий шелковый галстук с вензелем «Ю», маленький альбинос спал.

– Большое тебе спасибо, Билли, – сказал мистер Иезекииль, когда Билли закончил свой отчет. – Можешь идти. Пес отведет тебя обратно в спальню. Перси, подъем!

Душка сонно заморгал и с трудом поднялся.

Билли неохотно выбрался из уютного кресла и поставил пустую чашку на столик.

– А когда я увижусь с новыми родителями, сэр? – решил он.

– Всему свое время. – Теперь в старческом голосе не было и искорки тепла. – Сначала ты должен выполнить свою часть сделки.

– Хорошо, сэр. – И Билли вместе с пыхтящим псом направился к двери, но на пороге обернулся. – Спокойной ночи, сэр. А когда мне...

– За тобой придет пес. – Мистер Иезекииль нетерпеливым жестом отправил Билли восвояси.

Оставшись один, старик ткнул скрюченным пальцем в ковшик с молоком. Ковшик медленно поднялся в воздух и по мановению стариковой руки плавно полетел к пустой чашке.

– Налей, – приказал мистер Иезекииль. Ковшик накренился и уронил несколько капель теплого молока в чашку, но остальное выплеснулось старику на клетчатый плед.

– Бестолочь! – каркнул мистер Иезекииль. – Ты когда-нибудь научишься или нет?!

Душку, похоже, разморило в жарко натопленной комнате. Во всяком случае, они с Билли тащились до спальни чуть ли не сто лет, и фонарик за это время успел потухнуть, так что большую часть пути Билли проделал, придерживаясь за собачий загривок. Но дорогу пес знал и, несмотря на темноту, шел уверенно. Лишь один раз он остановился, да и то чтобы сказать:

– Больные уши. Не задевай.

– Ой, извините, – пискнул Билли.

– Надо капли, – пробурчал Душка. – Принесешь, Билли?

Билли понятия не имел, где их взять, но обещал попробовать.

У дверей спальни они обнаружили кухарку, которая нервно расхаживала взад-вперед. Выглядела она так, как и подобает кухарке: маленькая, кругленькая, румяная, в темных волосах проседь.

– Душенька, а я-то тебя обыскалась! – сказала она псу. – Тебе пора лекарство принимать.

– Душка сказал, что ему нужны ушные капли, – сообщил Билли.

– Правда? – Кухарка прекрасно знала о песьих разговорах с Билли. – Каких только капель ему не надо... Верно, Душка? А ты где разгуливал, малыш Билли?

– Меня водили в гости к старику.

– Бедолага! – сочувственно вздохнула кухарка. – На твоём месте я бы шла спать.

Билли пожелал ей и Душке спокойной ночи и последовал кухаркиному совету. Но долго-долго ещё лежал без сна, пытаясь представить себе будущих папу и маму.

Глава 15

ЗВОНКИЙ РЫЦАРЬ

То-то счастье было проснуться воскресным утром и твердо знать, что бабушка Бон проспит весь день! Чарли радостно выпрыгнул из кровати и с аппетитом умял обильный завтрак в компании Мейзи и мамы.

– Тебя там, наверно, скверно кормили, да, Чарли? – заохала Мейзи.

– Хуже некуда! – подтвердил Чарли, – Я, наверно, все время буду с Бенджи. Давайте хоть посуду вымою.

Но мама и слышать не хотела ни о какой посуде.

– Иди-ка ты отдыхай, пока есть возможность! – Она ласково подтолкнула сына к дверям.

Бенджамин встретил Чарли со встревоженным видом.

– Мне пришло письмо от папы с мамой, – выпалил он.

– А я думал, они живут здесь, с тобой, – удивился Чарли.

– Я тоже так думал, но они, похоже, срочно уехали с утра пораньше. Кажется, мама заходила поцеловать меня на прощание, но я еще спал, а когда проснулся, на подушке было письмо.

Бенджи провел Чарли в кухню, где Спринтер-Боб подьедал с его тарелки последние хлопья.

– Дашь прочитать? – спросил Чарли. Бенджи протянул ему письмо, и Чарли увидел, что писали его явно впопыхах. Письмо гласило:

Дорогой Бенджи, как ты знаешь, мы работаем частными сыщиками. Последнее время мы занимались одним делом – делом пропавшего трубочиста. Оно занимало у нас все свободное время и очень изматывало, и нам безумно жаль, что приходилось так часто оставлять тебя одного, Бенджи. Но мы обязательно наверстаем упущенное, когда вернемся домой.

Так вот к чему мы ведем. Дело об исчезновении трубочиста приняло новый, поразительный оборот. Мы получили сведения отом, что, возможно, его держат в заточении в какой-то пещере в

Шотландии. Поэтому мы прямо сейчас едем туда – пока он не исчез снова.

Береги себя, сынок.

С любовью, мама и папа.

P.S. Мы договорились с одной очень милой дамой из социальной службы, она приглядит за тобой, пока мы в отъезде.

– Что-то не нравится мне эта очень милая дама, – подытожил Чарли, дочитав письмо. – Мало ли кто кого считает милым.

– Если она не будет обижать Спринтера, я не против, пусть приглядывает, – сказал Бенджи.

Друзья решили немедленно отправиться в книжный магазин Ингльдю. Предусмотрительный Бенджи сделал две копии записи – на случай, если Манфред решит их обыскать... или на случай, если стряется еще что-нибудь. В подвал он поставил большой чемодан и прикрыл его сверху ковриком, чтобы ввести в заблуждение охотников за ящиком доктора Толли.

– Ого, сколько ты всего успел! – восхитился Чарли.

И они двинулись к лавке Ингльдю, предводительствуемые Спринтером-Бобом. Конечно, по случаю воскресенья магазин был закрыт, но мальчики побарабанили в дверь, позвали, и мисс Ингльдю им открыла. Она явно была не в духе.

– Что вам надо? – спросила она, поправляя длинный зеленый халат. – Сегодня же воскресенье!

– Извините, пожалуйста, мисс Ингльдю. – И Чарли вкратце рассказал ей о пленке, обнаруженной в металлической собаке. – Она предназначалась вам, вот мы ее и принесли, – пояснил он. – Там говорится о вашей племяннице. Она в академии, и мы, кажется, сможем ее разбудить.

– Разбудить? О чем ты? Нет, лучше сначала войдите. – Она подозрительно глянула на Спринтера-Боба. – Он ведь не грызет книги?

– Ни в коем случае, – заверил Бенджи.

Мисс Ингльдю провела мальчиков в уютную комнату, заставленную книгами. Спринтер-Боб старательно лавировал между книжными башенками, возвышавшимися там и сям на полу. Поставив кассету в древнего вида магнитофон, хозяйка жестом велела мальчикам садиться. Оба с трудом втиснулись в единственное свободное от книг и бумаг кресло, а мисс Ингльдю просто присела на

краешек стола. Потом она нажала «пуск», и по комнате разнесся гулкий голос доктора Толли.

Мальчики внимательно наблюдали, как мисс Ингльдью слушает послание. Она несколько раз покачала головой и то и дело промокала глаза платочком. Еще она восклицала: «ах!» и «нет!» и «о-о-о!», а когда запись кончилась, мисс Ингльдью пробормотала:

– Я прекрасно помню тот день. Тогда случилось нечто очень странное... мне следовало догадаться!

– Что странное? – насторожился Чарли.

– Коты, – сказала мисс Ингльдью.

– Коты? – Чарли даже привстал.

– Уж и не знаю, откуда они взялись, но в тот день, когда малютку Эмму должны были забрать, у нас в кухне появились три кота. Они устроили пожар – уронили полотенце на конфорку. Я его еле погасила. Да, три кота с необычайно ярким мехом, один прямо-таки медный, другой оранжевый, а третий – желтый. Они так и кружили вокруг малышки, точно старались ее защитить. А когда доктор Толли наконец попытался ее унести, коты расцарапали ему лицо!

– Ага, один из них попал на фотокарточку, – вставил Чарли.

– Ничуть не удивляюсь. Они так и шмыгали повсюду, – согласилась мисс Ингльдью. – Но когда Эмму забрали, коты исчезли. – Она потерла лоб. – Так, значит, бедная девочка погружена в транс. Как это все странно!

– Она под гипнозом, – разъяснил Чарли. – Манфред и на меня пытался навести гипноз. Но ей досталось куда сильнее. Правда, ее транс уже слабеет, мисс Ингльдью. Я слышал, как они говорили о вашей племяннице, и Манфред ругался, что ему ужас как надоело все время ее «подзаряжать». Так что разбудить ее будет легко. И мы вроде бы раздобыли штуку, которая поможет это сделать.

– Но вы догадались, которая из девочек – моя племянница?

– Мы подумали и пришли к выводу, что это та, которую зовут Эмилия Лун, – солидно сказал Чарли. – Волосы у нее белокурые, глаза синие-синие и такие... задумчивые. Она неразговорчивая, зато отлично рисует.

– Нэнси, – тихо сказала мисс Ингльдью. – По описанию похоже на мою сестру Нэнси. Как бы я хотела ее повидать!

– Мы все устроим, мисс Ингльдю, – пообещал Чарли. – Найдем способ ее разбудить, и тогда она вернется домой, то есть сюда, и будет жить с вами.

У мисс Ингльдю от волнения перехватило дыхание.

– Неужели это возможно? А если ей хорошо там, где она живет, – дома у этих Лунов?

– Вид у нее не очень-то счастливый, – произнес Чарли. – Наверно, она даже не знает, что умеет летать.

– Здорово, правда? – восхищенно воскликнул Бенджи. – Хотел бы я летать!

– Мне кажется, Эмма вряд ли умеет летать. Доктор Толли ни словом не упоминал об этом. – Мисс Ингльдю встала. – Не знаю, как мне вас и благодарить, мальчики. Вы подарили мне надежду. Как только я вам понадоблюсь, дайте знать. Договорились?

– Конечно, – кивнул Чарли. Он углядел в волосах у мисс Ингльдю блеск крошечного осколка стекла и теперь ломал голову, как перевести разговор на злосчастные ресторанные лампочки. А ведь нужно обязательно заступиться за дядю! Но Спринтер-Боб уже рвался на улицу с громким лаем и тащил мальчиков сквозь занавеси к выходу из магазина.

Чарли собрался с духом, остановился, откашлялся и промямлил:

– Мисс Ингльдю, я насчет дяди хотел сказать...

Хозяйка заалелась.

– Я бы предпочла обойти эту тему, – резко сказала она.

– Но он же нечаянно.

– Нечаянно? Поставил меня в такое неловкое положение!

– Я имею в виду лампочки, мисс Ингльдю. Дядя Патон просто не удержался.

– Лампочки? – не поняла она. – Твой дядя меня бросил. Точнее, сбежал от меня. Можно подумать, я какое-нибудь чудовище.

– Да ничего подобного! Ровно наоборот! Ваша красота на него так подействовала, что он не сдержался.

Мисс Ингльдю приоткрыла рот. Потом подняла брови. Нельзя было терять времени, и Чарли поспешно объяснил ей про дядин своеобразный дар.

Мисс Ингльдю впилась в Чарли глазами, и недоверие у нее на лице сменилось ужасом. Потом тревогой.

– Теперь понятно, – неуверенно произнесла она. – Удивительное дело.

– Он очень хочет увидаться с вами еще раз, – закинул удочку Чарли.

– Хм, – неопределенно высказалась мисс Ингльдю. – Знаете, мальчики, я что-то устала. – Она распахнула дверь, и они послушно вышли на улицу, причем дверь тотчас захлопнулась.

– А я и не знал, что твой дядя умеет такое! – поразился Бенджи.

– Только никому об этом – тсс! – попросил Чарли. – Наверно, зря я сказал мисс Ингльдю. Но дядя так хочет ее повидать. Вот я и подумал, что самое лучшее – открыть всю правду.

– А я думаю, она, наоборот, только напугалась, – жизнерадостно заметил Бенджи. – Так, теперь нам к Фиделию. Пошли. Он мне нарисовал, как до него добраться.

И Бенджи со Спринтером-Бобом помчались вперед. Чарли уныло трусил позади, коря себя за неудачу в своей деликатной миссии. Да, похоже, я только ухудшил положение дел, подумал он.

Дом Фиделию сразу бросался в глаза – точнее, в уши. Этот внушительный старый дом стоял посреди мощеной площади. К счастью для его обитателей и для соседей, он располагался на отшибе от соседних домов. За низкой кирпичной стеной не было никакого сада, не считая хилого газончика, окружавшего дом. Подойдя поближе, мальчики увидели, что дубовые балки крыльца прямо-таки сотрясаются от царящего внутри тарарама. Потом шума не выдержали две черепицы на крыше: они соскользнули и с жалобным всхлипом разбились на мощенной кирпичом дорожке.

В оглушительный шум свою лепту вносило немало музыкальных инструментов: Чарли разобрал звуки скрипки, виолончели, флейты, арфы и рояля. Латунная табличка на дверях сообщала, что дом называется «Дом Дореми». Ага, подумал Чарли, а также фа-соль-ля-си-до. Из подвала вырвался барабанный рокот.

Интересно знать, а как они услышат звонок? Чарли нажал на кнопку и тут же узнал как: музыку перекрыл громовой голос: «ДВЕРЬ! ДВЕРЬ! ДВЕРЬ!»

Мальчики от неожиданности отскочили, а Спринтер-Боб взвыл от ужаса. Мгновение – и дверь распахнулась, на пороге возник Фиделию, и вскоре гости очутились в каком-то музыкальном муравейнике.

Повсюду носились дети, вооруженные нотами и самыми разными инструментами, – выскакивали из комнат, взбегали по лестнице...

– И это все... то есть я хотел спросить, они все – твоя семья? – громко изумился Чарли.

– В основном да, – отозвался Фиделио. – Нас в семье десять, считая папу с мамой. Но тут еще всякие музыкальные знакомые пришли. Мой старший брат Феликс решил собрать рок-группу.

На верхней площадке лестницы появился высокий бородач.

– Папа! – крикнул ему Фиделио. – Это Бенджи, а это Чарли!

Бородач просиял и сочным голосом пропел:

– Бенджи, Чарли, привет, хоть у нас и не обед! – Он раскатился громким хохотом и исчез за дверью, из-за которой доносились звуки скрипок.

– Извините, папа обожает петь и рифмовать, – пояснил Фиделио. – Так, наш ящик я устроил в одной из верхних комнат. Пошли. – И он повел мальчиков и нервно повизгивающего пса наверх, мимо дверей, содрогавшихся от напора музыки. Из-за двери комнаты, в которой репетировала рок-группа, неслись такие звуки, что Спринтер-Боб жалобно завыл в голос и Бенджи пришлось прикрыть ему уши руками.

Стоило показаться очередному брату или сестре (у них у всех были такие же веснушки и ореховые волосы, как у Фиделио), начиналось знакомство, представление, улыбки и веселые «привет», «как дела» и «салютик».

Наконец, после нескольких таких остановок, они добрались наверх, и Фиделио ввел гостей в комнату, заваленную всевозможными музыкальными инструментами.

– Тут у нас музыкальное кладбище, – бодро провозгласил Фиделио. – Мы здесь держим все сломанные инструменты, которые надо бы починить, да только руки не доходят. – Он вытащил из-под груды футляров длинный футляр от ксилофона, щелкнул крышкой, и на свет появился металлический ящик доктора Толли.

– Ну что, будем открывать? – Фиделио поставил ящик на пол.

И вдруг Чарли заколебался. Да, конечно, смерть как хочется узнать, что внутри, но... но страшно. Да и дядя Патон, помнится, настаивал на том, чтобы ящик открывали в присутствии кого-нибудь из взрослых, то есть в его, дядином, присутствии – на случай, если

что-то пойдет не так. Но что может пойти не так в этом веселом шумном доме? Никто даже не услышит звуков, записанных доктором Толли, а если и услышит, то не обратит внимания.

– Ладно, открываем, – решился Чарли.

– Вот ты и открывай, – предложил Бенджи.

Чарли опустился на колени возле ящика. Теперь он отчетливо видел буквы: «Двенадцать колоколов Толли». Он нажал «д» – осторожно, но сильно. Потом «в», потом «е», дальше уже было не так страшно, а совсем легко и просто. Одну за другой он понажимал все буквы, и на последней из ящика донеслось приглушенное постукивание.

Чарли поспешно вскочил и отступил.

Крышка с громким треском откинулась, и из ящика стала медленно подниматься какая-то фигура.

Чарли глядел на нее в изумлении. Он-то думал, что предок доктора Толли будет выглядеть как старик в бархате и парче, а из ящика вставал... рыцарь! Он был облачен в кольчугу и шлем. В шлеме имелась небольшая прорезь, но сквозь нее виднелись только глаза и нос. Странное и жутковатое зрелище представляла собой эта фигура, которая медленно вздымалась, будто из сундука рос гигантский цветок. А самое жуткое – в правой руке рыцарь сжимал блестящий меч.

Едва выпрямившись в полный рост, рыцарь тотчас взмахнул мечом, и мальчишки с псом отпрыгнули с испуганным визгом и яростным лаем. А потом умолкли, потому что где-то внутри рыцаря зазвонил колокол. Раз, два, три, бил колокол, а потом к нему присоединилось пение хора. Глубокие мужские голоса выводили мелодию гимна на каком-то древнем языке.

– Поют по-латыни, – шепнул Фиделио. – Я знаю, потому что слушал хор в соборе.

И тут Чарли осенило. Он понял, в чем заключалась хитрость доктора Толли: тот записал звуки, которые раздавались вокруг малышки Эммы в те мгновения, когда на нее наводили гипноз – или заклятие. Доктор Толли верил, что эти звуки смогут пробудить его дочь, и даже если девочка не вспомнит, кто она на самом деле, то хотя бы поймет, что с ней случилось что-то неладное.

Колокол внутри сверкающего рыцаря пробил двенадцатый раз. Рыцарь опустил меч и стал опускаться обратно в ящик. Он складывался и складывался, он склонял голову и сгибался, пока не улегся в обитое шелком ложе и не стал одной длины со своим мечом. Странное это было зрелище.

– Ух ты! – вырвалось у Бенджи.

– Потрясающе! – подхватил Фиделио.

– Только вот не знаю, сможет ли он и в самом деле разбудить Эмму, – пробурчал Чарли.

А Фиделио все качал головой, не веря своим глазам.

– Нет, ну как он это сделал? – бормотал он. – Из чего эта фигура?

– Лицо как настоящее, – восторженно заметил Бенджи. – Глаза блестят как живые.

– Стекло, – решил Чарли. – А все остальное – какая-нибудь пластмасса или поли-что-то там. – Он вспомнил об армии странных металлических фигур в башне Да Винчи. – А, понял! Блурам хочется держать Эмму под контролем, чтобы никто, кроме них, не мог ее разбудить, – им зачем-то нужны ее магические способности. – Он говорил все быстрее и быстрее. – Вот они и угрожали доктору Толли, а тот много лет подряд дурил Блурам голову – посылал им всяких роботов, металлических зверей, разряженные скелеты, чтобы Блуры каждый раз думали, будто в очередной фигуре записаны звуки, которые могут разбудить Эмму. Он тянул время и надеялся сбить их со следа, но в конце концов они до него все-таки добрались.

– До него – да, но «Двенадцать колоколов Толли» им так и не достались, – торжествующе сказал Бенджамин.

Чарли защелкнул ящик.

– Думаешь, до следующих выходных его тут никто не найдет? – обратился он к Фиделио.

– Конечно, не найдет. Но если мы хотим вытащить сюда Эмилию, нам потребуется девчоночья помощь.

– Проще простого, – с облегчением сказал Чарли. – Оливия обожает такие интриги.

Троица вместе с псом спустилась вниз, и на этот раз им попалась миссис Дореми – такая же кудрявая и яркоглазая, как все ее музыкальное семейство. Она тащила через холл контрабас, но тем не

менее остановилась и по очереди погладила всех мальчишек по голове. Чарли с Бенджи ничуть не возражали.

Простившись с Фиделио, они отправились в дом номер девять, предвкушая грандиозный ланч, обещанный Мейзи.

Ожидания и предвкушения оправдались. Мальчики основательно подкрепились жареной курицей, картошкой и всякими диковинными овощами, которые мама Чарли принесла из своей зеленой лавочки. Мейзи приготовила три варианта десерта, и Чарли с Беном отдали должное им всем: и мороженому, и бисквиту, и манговому муссу.

Дядя Патон крикнул сверху, что не голоден, так что его порция досталась Спринтеру-Бобу.

– Может, оставить что-нибудь мадам Бон? – задумалась вслух Мейзи. – Это на нее не похоже – проспать полдня.

Чарли заулыбался.

– А ты скорми и ее порцию Спринтеру-Бобу, – предложил он. – У него-то аппетит наверняка получше бабушкиного.

– Неплохо придумано, – отозвалась Мейзи, и пес радостно смел второй ланч.

Бенджамин остался и к чаю. К этому часу бабушка Бон все-таки восстала ото сна. Облаченная в серый халат, она неверными ногами спустилась в кухню.

– В чем дело? – недовольно протрубила она. – Уже четыре пополудни! Почему меня никто не разбудил?

– Вы так устали, Гризелда, вот мы и не решились вас будить, – кротко отозвалась Мейзи.

– Я? Устала?! Я никогда не устаю, – оскорбилась бабушка Бон.

Бенджи с Чарли проворно спаслись в сад и принялись играть во все любимые игры Спринтера-Боба. Им даже стало казаться, что это самый обычный выходной. И что с тех пор, как они познакомились (а им тогда было по пять лет), ничего не изменилось. Разве что Спринтер-Боб казался тогда огромным.

Но, увы, это была лишь иллюзия. Завтра Чарли предстояло вернуться в академию Блура, а сегодня к Бенджамину вселится какая-то незнакомая тетка и будет за ним присматривать.

– Хочешь, я пойду с тобой? – предложил Чарли, когда Бенджи засобирался домой.

– Да ну, не надо, – помотал головой Бенджи. – Все будет нормально, я же с Бобом.

– Слушай, если, пока меня нет, что-нибудь случится – то есть если тебе понадобится помощь, – иди прямиком к дяде Патону. Он не такой, как прочие Юбимы. Он за меня.

– Ладно, – кивнул Бенджи.

Чарли смотрел, как приятель с псом переходят улицу, и сердце у него екнуло. Что-то было не так, но что именно, он не знал.

Бенджи взбежал на крыльцо номера двенадцатого и отпер дверь. Чарли следил за ним, пока дверь не затворилась, и изводился, что не пошел вместе с другом. Но потом ему пришлось забыть о Бенджи, потому что предстоял важный разговор с мамой.

Маму он отыскал в ее маленькой спальне, выходившей окнами на задний дворик. Ну понятно, спряталась от бесконечной воркотни бабушки Бон. Мама похлопала по кровати, и Чарли устроился среди стопок одежды, которую она чинила. Он подождал, пока мама усядется в свое любимое кресло – это была одна из немногих вещей, которые ей удалось сохранить из прежнего дома, – и только тогда поведал ей о странном послании доктора Толли.

Когда Чарли изложил историю Эммы Толли, удивление на мамином лице сменилось печалью. Вот если бы сказать ей, что папа жив, мама бы улыбнулась. А не скажешь, потому что доказательств пока нет. Вот жалость-то. Чарли в который раз подумал, что заклятие, павшее на папу, каким-то образом распространилось и на маму. Иначе почему она все время такая притихшая и задумчивая?

Когда-нибудь я обязательно найду папу, решил Чарли, найду и вызволю его, но сначала надо спасти Эмму Толли. И это вполне в моих силах. Значит, так, на следующей неделе надо любой ценой избежать наказания. Нельзя, чтобы Манфред опять оставил его, Чарли, после уроков. Надо будет держаться тише воды, ниже травы, как дядя Патон, а в субботу мы сумеем как-нибудь отвести Эмилию Лун домой к Фиделио.

Чарли собрался уходить, и тут мама оторвалась от штопки и попросила:

– Береги себя, Чарли. Не затевай ничего... опасного.

Чарли улыбнулся и старательно закивал. Но обещать ничего не стал.

Глава 16

ВОЙНА

Отправься Чарли в дом номер двенадцать вместе с Бенджи, возможно, события бы приняли несколько иной оборот. Но кто знает? В конце концов, Юбимы были сплоченным и могучим кланом.

Поднимаясь на крыльцо вслед за хозяином, Спринтер-Боб вдруг тревожно заскулил. Хотел бы я знать, что за «милую даму» папа с мамой наняли за мной присматривать, забеспокоился Бенджамин.

Мальчик и пес вместе вошли в прихожую. У подножия лестницы красовалась шикарная черная сумочка, но самой няни было не видать.

– Ау! – позвал Бенджи для пробы. – Есть тут кто?

Кто-то был, и этот кто-то показался на пороге кухни – высокая дама, вся в черном, седые волосы гладко зачесаны, а в ушах болтаются крупные жемчуга. Красных башмаков она не носила, но Бенджи все равно сообразил, кто это такая. То есть понял, что эта дама – ближайшая родственница той, в красных башмаках.

– Так вы?.. – Он не знал, как и спросить.

– Я твоя няня, деточка, – сообщила она.

– Но вы ведь?..

– Да, я одна из тетушек Чарли. Видишь, получается совсем по-родственному. Можешь звать меня просто тетя Юстасия.

– Большое спасибо, – нервно отозвался Бенджи. – А мама с папой правда пригласили вас за мной присмотреть?

– Ну разумеется. – В голосе няни проскользнуло нетерпение. – С чего бы еще мне сюда приходиться?

– Просто... как-то странно, – брякнул Бенджи.

Тетушка Юстасия сделала вид, будто не расслышала.

– А теперь иди и садись ужинать, – велела она. – Я приготовила чудный горячий бульончик.

Бенджамин послушно поплелся за ней на кухню и придвинул себе стул. Спринтер-Боб что-то проворчал и сел рядом с хозяином.

– А собакам в кухне не место, – объявила тетушка Юстасия, придвигая Бенджи тарелку горячей бурой жижи. – Место! – приказала она псу. – Пошел вон!

Спринтер-Боб оскалился и зарычал. Тетушка Юстасия попятилась.

– Что за мерзкое животное, – процедила она. – Бенджамин, а ну-ка убери его из кухни! Немедленно!

– Не могу, – честно сказал Бенджи. – Он любит завтракать, обедать и ужинать вместе со мной.

– Ха! – Тетушка Юстасия с грохотом распахнула буфет, отыскала банку собачьего корма и швырнула несколько ложек в миску с надписью «Гав», после чего поставила миску за дверями кухни, в коридоре.

– Марш есть! – велела она, ткнув пальцем сначала в пса, а потом в миску.

В ответ Спринтер-Боб ощерился еще сильнее и придвинулся к Бенджи.

Лучше пока не ссориться с этой теткой, решил мальчик, и, наклонившись к псу, сказал:

– Боб, иди ужинай. Все будет нормально.

Пес недоверчиво заворчал, но пошлепал в коридор и принялся там громко чавкать над миской. Бенджи ему позавидовал: жалко, нельзя поужинать собачьим кормом вместо этого противного, жирного, бурого бульона!

Когда ему наконец удалось заставить себя проглотить последнюю ложку, надсмотрщица тут же велела ему идти спать.

– Тебе завтра в школу, – напомнила она. – Так что лучше лечь пораньше.

– А вы что, и ночевать останетесь? – осведомился Бенджи.

– Разумеется, – мрачно отозвалась она. – Я же твоя няня.

Тут Бенджи вспомнил: ему же надо притворяться, будто ящик с рыцарем все еще у него в доме.

– Боб, ты сегодня останешься на первом этаже, – сообщил он псу, потом принес собачью подстилку и положил перед дверью в подвал.

Бенджи долго не мог уснуть – он все ждал, что тетка Юстасия с минуты на минуту вломится к нему. Убедившись, что она наконец-то ушла спать и затихла, он прокрался вниз, к телефону, стоявшему у прихожей, и торопливо набрал номер Чарли.

– Алло! – бодро отозвался голос Мейзи.

– Это... – больше Бенджи ничего сказать не успел, потому что на верхней площадке воздвиглась темная фигура.

– Ты соображаешь, что делаешь? – гаркнула тетка Юстасия.

– Алло! Алло! Кто у телефона? – повторяла Мейзи на том конце провода.

– А ну повесь трубку, – скомандовала тетка Юстасия.

– Я просто хотел звякнуть другу, – попытался оправдаться Бенджи. Спринтер-Боб поддержал его громким лаем.

– Ночь на дворе! – рыкнула надсмотрщица. – Марш в кровать немедленно!

– Ладно, – несчастным голосом отозвался Бенджи и поплелся к себе.

Утром в понедельник Чарли пришлось подняться спозаранку: синий школьный автобус остановился в начале Филберт-стрит ровно без четверти восемь, а потом еще целый час колесил по всему городу, собирая юных музыкантов. Поэтому Чарли не удалось перед отъездом повидаться с Бенджи.

К тому же он толком не расслышал, как Мейзи кричит ему вслед:

– Тебе ночью звонил Бенджамин! Кажется, он – в трубке стоял лай.

И только усевшись в автобус, Чарли осознал слова Мейзи и задумался, что было нужно Бенджамину.

У входа в академию он натолкнулся на Фиделио, и они договорились встретиться на большой перемене и посвятить в новый план Оливию Карусел.

На этот раз Чарли не чувствовал себя новичком: он уже не плутал в коридорах и знал, где что находится. Урок духовой музыки у мистера Палтри прошел так себе, но, по крайней мере, на наказание Чарли не нарвался, а на английском ему удалось ответить вполне прилично.

Началась большая перемена, Чарли с Фиделио вышли в затянутый туманом сад и отыскивали Оливию. Та бурно общалась с компанией девочек весьма театрального вида: набеленные лица, обувь на немыслимых каблуках, прически всех цветов радуги. У Оливии волосы сегодня были ярко-синие.

Чарли окликнул ее, и Оливия галопом помчалась к ним по мокрой траве, сверкая металлическими носками тяжелых ботинок на толстенной платформе.

– Манфред наверняка не вынесет такого и велит тебе их снять, – предупредил Чарли.

– А я постараюсь не попадаться ему на глаза, – весело откликнулась Оливия. – Что новенького?

– Давайте ходить взад-вперед, а то мы похожи на заговорщиков, – предложил Фиделио.

Оливия послушно потопала между ними, слушая совместный отчет о выходных. От плана она пришла в восторг.

– Значит, вам надо, чтобы я притащила Эмилию домой к Фиделио? – переспросила она. – Ага. Ну да, с вами-то она нипочем не пойдет.

– То-то и оно! – подтвердил Чарли. Потом он заметил, что за ними хвостиком ходит Билли Гриф, и подумал было рассказать все и маленькому альбиносу тоже, но потом не решился. Пока что чем меньше народу знает наш секрет, тем лучше. Билли ведь так и так поедет ко мне на выходные, утешил себя Чарли, вот тогда и узнает.

Оливия охотно согласилась сойтись с Эмилией поближе за неделю, чтобы потом навестить ее в выходные.

– Это будет трудновато, – призадумалась Оливия. – Эмилия такая отстраненная – ну, вы понимаете, о чем я. Хотя как еще ведут себя под гипнозом? – И, помахав на прощание, Оливия затопала обратно к своим – оставалось всего минуты две до звонка на урок.

Габриэля Муара Чарли увидел только в столовой: тот так торопился к их с Фиделио столику, что почти полстакана его компота плюхнулось в Чарлину тарелку с картошкой.

– Привет! – воскликнул Габриэль. – Ну, как дела? Какая-нибудь помощь требуется?

– Спасибо, но пока нет, – ответил Чарли.

Вид у Габриэля был необычайно бодрый – наверняка благодаря новенькой одежде, от которой ему хорошо. А ведь Габриэль очень полезный союзник, хорошо, что он на нашей стороне, подумал Чарли. Надо же, я теперь про всех решаю, кто на нашей стороне, а кто нет. Интересно, с чего бы это?

Манфред ему не попадался до самого ужина, да и за ужином, к величайшему облегчению Чарли, не обратил на него никакого внимания. А вот Аза, сидевший на другом конце стола, то и дело

бросал на Чарли коварные взгляды. Кормили обычным понедельничным ужином: суп, яйца, картошка и груша.

– Всегда подают одно и то же, – вздохнул Фиделио. – Завтра будет суп, колбаса, каша, капуста и яблоко.

Жалко, что нельзя поменять мою способность слышать голоса на дар превращать невкусное во вкусное, огорчился Чарли. Он закрыл глаза и попробовал было проделать что-то в этом роде, и оказалось, что с закрытыми глазами унылое яйцо вкрутую вроде бы не такое унылое.

Теперь он уже не плутал по коридорам и потому явился в Королевскую комнату почти первым. Кроме него там уже сидели темноволосая неприветливая Зелда и могучая Бет в белесых кудряшках, погруженные в какую-то странную игру. Чарли они в упор не заметили. Они сидели по разные стороны стола, а между ними на столе лежал деревянный пенал – точнее, не лежал, а елозил то туда, то сюда, а Зелда с Бет таращились на него.

Чарли устроился на равном расстоянии от обеих девиц и плюхнул учебники на стол.

– Тише ты! – цыкнула на него Зелда. Пенал поехал к ней.

– Ой, извини, – спохватился Чарли.

Пенал помедлил и двинулся к Бет. Она заурчала и, не сводя глаз с пенала, послала его обратно к Зелде. Ага, у этих дар одинаковый, сообразил Чарли, телекинез – они предметы силой воли двигают.

В Королевскую комнату постепенно подтягивались остальные, все больше и больше отвлекая противниц от игры. Танкред и Лизандр появились одновременно, причем Танкред на этот раз улыбнулся Чарли. Волосы у него стояли дыбом еще сильнее, чем раньше, а когда Танкред попытался их пригладить, Чарли отчетливо услышал, как они затрепали.

– Как дела, Чарли? – улыбнувшись до ушей, поинтересовался Лизандр.

– Спасибо, все отлично. – Чарли тоже улыбнулся ему.

– А ну заткнитесь! – рявкнула Зелда. Пенал метнулся вбок, взлетел в воздух и с треском упал на пол.

– Дурацкая игра, – заметил Лизандр.

– Никакая это не игра! – огрызнулась Зелда, поднимая пенал.

Чарли удалось устроиться на той же стороне стола, что и Манфред, так что ужасного взгляда можно было не опасаться. К тому же отсюда было гораздо лучше видно портрет Алого короля, и Чарли то и дело невольно поднимал взгляд на темное таинственное лицо. Почему-то его это успокаивало, и он с удивлением обнаружил, что домашнее задание дается куда легче, чем обычно. Он успел доделать все уроки до звонка.

Фиделио с Чарли договорились ни словом не упоминать в спальне о тайне Толли – даже шепотом. Билли пристально наблюдал за Чарли и незадолго до отбоя подошел к его койке.

– Так как насчет выходных – мне можно с тобой поехать? – спросил он.

– Конечно, – отозвался Чарли. – Мама очень обрадовалась.

– А... а что ты собираешься делать с Эмилией Лун? – робко поинтересовался Билли.

– Пока не решил, – быстро ответил Чарли. С Билли явно творилось что-то неладное.

Маленький альбинос только-только успел юркнуть под одеяло, когда голос надзирательницы рявкнул: «Отбой», в дверь просунулась знакомая белая рука и свет погас. Чарли вспомнил, чья это рука, и нервно заерзал. Он живо видел, как тетушка Лукреция крадется от двери к двери и подслушивает.

Засыпая, он вдруг вспомнил, что Мейзи на прощание пыталась сообщить ему про ночной звонок Бенджи и про лай.

С чего бы это Бенджи звонил так поздно? И почему ничего не передал? И почему Спринтер-Боб лаял? Чарли ломал-ломал голову над этими вопросами, да и уснул, так ничего и не придумав.

А вот Бенджамин не спал. День выдался хуже некуда. Стояла холодная, ветреная погода, и по дороге из школы Бенджи мысленно перечислял самую вкусную горячую снедь, какую только можно приготовить для себя и пса: жареную колбасу, картошку, куриное филе и печеные бананы. Он даже начал облизываться. Про тетку Юстасию ему удалось благополучно забыть.

Но надсмотрщица никуда не делась и грохотала в кухне так, будто стряпала целый пир, а не жалкую кастрюльку бульона. В ответ на робкую просьбу о колбасе Бенджи получил ледяной взгляд и отказ: «С какой это стати? Сегодня, кажется, не Рождество!»

Спринтер-Боб, завидев хозяина, тут же вскочил с подстилки и с радостным лаем заскакал вокруг Бенджи, стараясь облизать ему все, до чего мог дотянуться, то есть руки, уши и лицо.

– Это животное весь день не двигалось с места, – проворчала тетка Юстасия. – Я даже швабру из кладовки достать не могла.

– Да, он классный сторож, – гордо сказал Бенджамин. Лучше бы ему этого не говорить.

Ночью он долго прислушивался к тому, как тетка Юстасия расхаживает по дому. Что это она затеяла? Целый день же тут проторчала, у нее была куча времени осмотреться. Потом у Бенджи возникло пренеприятное ощущение, будто в доме есть кто-то еще. Но в конце концов он все-таки закрыл глаза и погрузился в зыбкую дрему.

Проснулся Бенджи от страшного шума: это был вой, визг и скулеж одновременно. Он пулей вылетел из постели и ринулся на лестницу.

– Боб! Боб? – звал он. – Это ты?

В ответ раздалось низкое ворчание, а потом оглушительный рык и лай. На пса кто-то напал! Бенджи кубарем скатился по лестнице.

– Боб! Боб, держись, я иду! Я сейчас! – кричал мальчик.

Пес пронзительно взвыл. А потом с громким треском распахнулась дверь.

Бенджи кинулся в коридор, к двери, и чуть не упал на неподвижного Спринтера-Боба.

– Боб! – всхлипнул Бенджи и упал на колени рядом с косматой песьей головой.

Спринтер-Боб жалобно заскулил, и рука Бенджи, гладившая его жесткую шкуру, вдруг стала мокрой и липкой.

В прихожей зажегся свет, и по лестнице величественно спустилась тетка Юстасия.

– Что это тут творится? – осведомилась она.

– На Боба кто-то напал! – выкрикнул Бенджи. – Он весь в крови!

– Ай-ай-ай, какая неприятность! – Надсмотрщица покачала головой. – Ну ничего, утром позвоним ветеринару.

– Нельзя же его так оставить! – возразил Бенджи.

Он проворно сбегал в кухню, принес воды и чистых тряпочек. Тетка Юстасия невозмутимо наблюдала, как он промывает псу раны и обрабатывает их антисептиком. Раны больше всего смахивали на

укусы чьих-то громадных зубищ. Но что за зверь мог забраться в дом? И зачем?

Бенджи закончил перевязку, и тетка Юстасия тотчас велела ему идти спать. Он отказался:

– Я посплю тут, рядом с Бобом. Мальчик принес подушку и одеяло и пролежал рядом с раненым псом всю ночь.

Наутро во вторник вид у Спринтера-Боба в тусклом утреннем свете был совсем больной. Бенджамин наотрез отказался идти в школу.

– Он же может тут умереть без меня! – кричал он.

– Чушь собачья. – Тетка Юстасия силком тащила Бенджи в его комнату, а он упирался и вопил «нет!».

Тогда она принесла его одежду и попыталась натянуть на Бенджи, но он упирался и брыкался, а тетка награждала его шлепками и пыталась ухватить половчее и выпихнуть из дому.

– Помогите! – отчаянно позвал Бенджи, сам толком не зная кого.

Тут он вспомнил совет Чарли, ринулся вон, скатился с крыльца и как был, в пижаме, помчался к дому номер девять и заколотил в парадную дверь.

Дверь резко распахнулась, и Бенджи приземлился в прихожей. Он поднял голову и увидел над собой недовольную физиономию бабушки Бон.

– Ты соображаешь, что делаешь, Бенджамин Браун? – спросила старуха.

– Мне нужно поговорить с мистером Патон, – выпалил мальчик, поднимаясь с четверенек.

– К нему нельзя, – отрезала она.

– Но мне нужно! Мне очень нужно! – закричал Бенджи. – Мистер Патон! Мистер Патон!

– Цыц! – шикнула бабушка Бон. Наверху распахнулось сразу несколько дверей, и на площадку высунулись Мейзи и мама Чарли.

– Бенджи, что стряслось? – спросила мама Чарли.

– На мою собаку напали! Мне срочно нужен мистер Патон! – взмолился Бенджи.

Мейзи и мама Чарли кинулись его утешать, и тут на верхней площадке возник дядя Патон в алом бархатном халате.

– Кто меня звал? – спросил он.

– Я! Я, мистер Юбим! – тоненько выкрикнул Бенджи. – Мою собаку ранило. Она лежит пластом! Пожалуйста, помогите мне, а?

Дядя Патон быстро спустился с лестницы и направился к дверям.

– Патон, ты же не одет! – вознегодовала старуха Бон.

– Подумаешь! – отмахнулся тот.

– Уже рассвело, – пробормотала Мейзи.

– Шут с ним, с рассветом, – отрезал дядя Патон. – Идем, Бенджамин. – Он распахнул дверь и двинулся вон, а Бенджи поспешил за ним.

На Филберт-стрит, как всегда по утрам, было полно транспорта, мчавшегося в центр города, но дядя Патон его будто и не замечал: даже не оглянувшись по сторонам, он направился наперерез машинам прямо к дому номер двенадцать. Автомобили визжали тормозами, водители бранились на чем свет стоит, а через улицу решительным шагом шел высокий мужчина в алом бархатном халате, и за ним семенил маленький мальчик в полосатой синей пижамке.

Едва перешагнув порог, дядя Патон столкнулся нос к носу с родной сестрицей.

– А, так это ты, Юстасия, – произнес он. – Мне следовало догадаться.

– Что ты, собственно, имеешь в виду? – холодно поинтересовалась тетка Юстасия.

– Бенджи, где твои родители? – спросил дядя Патон вместо ответа.

– Кажется, в Шотландии, ищут пропавшего трубочиста, – неуверенно сказал Бенджи.

– Проверим и выясним, – решительно заявил дядя Патон. – Так, а где пес?

Бенджи провел дядю Патона по коридору к лежанке Спринтера-Боба. Тот съезжился на подстилке, положив нос на лапы. Глаза у пса были закрыты, он едва дышал.

– Силы небесные! – воскликнул дядя Патон, склоняясь над псом. – На твою собаку напал какой-то дикий зверь, Бенджи. Когтистый и зубастый.

– Это я во всем виноват, – захлюпал носом Бенджи. – Я велел ему охранять подвал. Такая глупость, там же на самом деле ничего... – Он осекся, запоздало вспомнив, что в прихожей торчит тетка Юстасия. –

Но как к нам мог забраться дикий зверь? – спросил мальчик. – Ночью в доме заперты все двери.

– Кто-то его впустил. – Дядя Патон покосился на сестру. – Боба надо везти к ветеринару, – сказал он Бенджи, – причем срочно. Что-то мне совсем не нравится, какой у бедолаги вид.

Бенджи осенило: он вдруг вспомнил мистера Комшарра, который утверждал, что умеет управляться с животными.

– Я знаю одного человека, который может приехать прямо сюда, – сообщил мальчик. – Мистер Комшарр, мышелов. У меня и карточка его есть. У него еще такие чудные коты, прямо огненные. – Бенджи подпрыгнул и кинулся в кухню.

– Что ж, мне пора. – Тетка Юстасия выскользнула за дверь – только ее и видели.

– Мистер Юбим, что такое происходит? – тихо спросил Бенджи. – Кто мог так покусать Боба? Кто на него натравил такую зверюгу? И зачем? И почему ваши сестры такие... злющие и вредные?

– Это война, Бенджи, – серьезно сказал дядя Патон. – Она давно назревала и вот разразилась. До недавнего времени все было так, как они хотели, но они зашли слишком далеко, и кое-кто из нас этого больше не потерпит!

Глава 17

ДОЧКА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

– Да уж, Оливия взялась за Эмилию всерьез! – поделился с Чарли Фиделио.

Наступила пятница, и они прогуливались по заиндевевшему саду. Впереди маячили погруженные в беседу Оливия с Эмилией – точнее, говорила первая, а вторая, кажется, слушала, и внимательно.

Через несколько часов всем им предстоит разъехаться по домам. Даже Оливии непостижимым образом удалось за неделю ни разу не навлечь на себя гнев вышестоящих.

Чарли не успел ответить – Оливия уже мчалась к ним, точнее, топала своими тяжеленными башмаками.

– Все отлично! – приглушенно доложила она. – Завтра днем иду в гости к Эмили. Так что ждите нас часам к пяти.

– Но как ты собираешься утащить ее от Лунов? – озадачился Чарли.

– Что-нибудь придумаю, – бросила Оливия и затопала прочь.

Прозвенел звонок, и все потянулись обратно в академию. У входа мимо мальчиков пробежал Билли Гриф.

– До встречи, Билли. Не забудь, ты едешь ко мне в гости, – напомнил Чарли.

– На один вечер, – вдруг сказал Билли. – Мне надо вернуться в субботу.

Чарли удивился:

– А я думал, ты хотел погостить у меня все выходные.

– Придется вернуться. Надзирательница велела. – Билли как-то искоса и неуверенно посмотрел на Чарли и поспешно убежал.

– Он всю неделю вел себя очень странно, – заметил Фиделио. – Вчера исчез из спальни чуть не на полночи, а потом от него так несло этой псиной, как ее там, Душкой, что я просто уснуть не мог.

– Может, он ходит во сне? – предположил Чарли. – Вид у него усталый.

Больше они к разговору о Билли не возвращались. В половине четвертого ученики сложили сумки и разъехались по домам на

школьных автобусах: артисты на фиолетовом, музыканты на синем, а художники на зеленом. Чарли краем глаза увидел, что Оливии удалось проскользнуть в зеленый автобус вместе с Эмилией: она напялила большую зеленую шляпу, а свой фиолетовый плащ вывернула болотно-зеленой подкладкой наружу.

– Ох уж эта Оливия! – усмехнулся Чарли себе под нос.

– А что она натворила? – высунулся у него из-за плеча сидевший позади Билли.

– Да так, ничего, просто она потешная.

– А-а, – отозвался Билли.

Мейзи подняла вокруг гостя ужасную суету. Она испекла в честь его прибытия шоколадный торт и устроила ему уютную постель в комнате Чарли.

– Ах, бедненький, – причитала она, возясь у стола, разливая апельсиновый сок, нарезая торт, потчuya Билли то глазированным печеньем, то тарталетками с вареньем. Билли сиял. Он никогда не пробовал столько лакомств зараз.

– У нас выдалась довольно беспокойная неделя, – поведала Чарлина мама, разливая чай. – Кто-то напал на собаку Бенджамина, и дядя Патон по этому поводу развил бурную активность. Никогда не видела его в таком состоянии. Представляешь, Чарли, он даже вышел на улицу при дневном свете!

– И к тому же в халате, – добавила Мейзи.

– На Боба напали? – Чарли подскочил. – А где дядя Патон сейчас? И где бабушка Бон?

– Сидят по своим комнатам, – сообщила Мейзи. – Они каждый вечер ругались в пух и прах, кричали друг на друга, топали, дверьми хлопали. Лопнувшим лампочкам мы уже счет потеряли.

Покончив с чаем, Чарли повел Билли знакомиться с Бенджамином. Дверь номера двенадцатого открыла стриженная светловолосая женщина в очках и сером костюме. Несмотря на деловой вид, улыбка у нее оказалась добрая и открытая.

– Привет, Чарли, – сказала она. – Не узнаешь меня, да? Я миссис Браун, мама Бенджи.

Чарли разинул рот от удивления. Он уже сто лет как не видел миссис Браун, но последний раз волосы у нее были определенно длинные и темные.

– А это Билли, – торопливо произнес он.

– Заходите, не стесняйтесь! – пригласила миссис Браун. – К Спринтеру-Бобу пришел врач.

– Врач? – Чарли оглядел прихожую. На лестнице стояли чемоданы и резиновые сапоги, а с перил свисали дождевики-макинтоши. Что тут такое творится?

– Бенджи в гостиной, Чарли, – сказала миссис Браун. – Он тебе обрадуется.

Чарли повел Билли в гостиную. Сам он бывал там редко – Бенджи предпочитал проводить время на кухне.

На пороге его встретило грозное шипение и громкий кошачий мяв. Чарли глазам своим не поверил: на спинке кресла выгибал спину медно-рыжий Феникс, на другом кресле пламенел распушенный Саламандр, а на подлокотнике дивана топорщил усы желтый Везувий. Коты яростно воззрились на Чарли, потом узнали его и успокоились. Феникс даже издал благосклонное мурлыканье.

Бенджи сидел на диване рядом с Везуviем.

– Заходи, Чарли, – позвал он. – Мистер Комшарр лечит Боба.

Пес лежал на полу, а мышелов стоял подле него на коленях. В одной руке мистер Комшарр держал бутылочку с какой-то изумрудной жидкостью, а в другой – клочок ваты. На носу у Спринтера-Боба белел пластырь, а рваное ухо было забинтовано. Шерсть у него кое-где была вырвана клочьями, и в проплешинах виднелись жуткого вида шрамы.

– Ему уже лучше, – шепотом сообщил Бенджи.

Чарли на цыпочках прошел в комнату и уселся рядом с другом, но стоило котам завидеть Билли, и они заворчали и зашипели.

Мистер Комшарр поднял голову.

– В чем дело? – недовольно спросил он. – Мне нужна тишина.

Билли в ужасе вжался спиной в стену.

– Это кто? – спросил Бенджи.

– Билли Гриф, – шепотом отвечал Чарли. – Из академии. У него нет дома, так что он приехал погостить ко мне на выходные.

– Привет, Билли, – приглушенно поздоровался Бенджи. – Да ты садись!

Мистер Комшарр тем временем менял пластырь на носу у Спринтера-Боба. Пес обиженно тявкнул. Как раз в этот момент Билли

шагнул было вперед, но кошачья троица пружинисто спрыгнула на пол и с грозным мяуканьем и шипением двинулась на него.

– Ай! Я им не нравлюсь! – запищал Билли.

Мистер Комшарр хмуро глянул на него.

– С чего бы это? – бросил он. – Вот что, молодые люди, шли бы вы в другую комнату. Бедняга Боб волнуется.

Мальчики перебрались в кухню, где царила необычайная и непривычная чистота.

– Так что случилось? – нетерпеливо спросил Чарли.

– Куча всего, – отозвался Бенджи и рассказал о появлении тетки Юстасии, о ночном нападении неизвестного зверя, о том, как он, Бенджи, кинулся за помощью к дяде Патону – и тут вся его жизнь резко изменилась, потому что мистер Юбим отыскал его родителей и настоял, чтобы они срочно вернулись домой.

– По-моему, он даже поставил на уши полицию, чтобы их найти, – с уважением произнес Бенджамин. – Мамин желтый дождевик издалека видно, так что нашли их быстро. В общем, они с папой приехали домой. Твой дядя сказал, их кто-то пустил по ложному следу. Сдается мне, тут приложила руку твоя бабушка. Вот, значит, приехали они, и твой дядя с ними заперся и долго-долго разговаривал, и уж не знаю, что он им там такое сказал, но мама поклялась, что теперь будет работать, только когда я в школе, и что по ночам будет дома и по выходным тоже.

Чарли ушам своим не верил. И так, дядя Патон все-таки вышел из подполья. Да уж, стоит ему захотеть, и все получается, как он пожелает!

В кухню просунулась лохматая голова мистера Комшарра.

– Мы вас покидаем, мальчики, – сказал мышелов. – Спринтер-Боб поправляется в приличном темпе, учитывая обстоятельства. Я навещу вас в понедельник. – И он исчез, по обыкновению, беззвучно и мгновенно, а три кота пустились за ним, как три огненные кометы.

– Забавный, – пробормотал Билли. – Сам как зверушка какая-то.

Остальные с ним согласились, но Бенджи при этом восхищался удивительными способностями мышелова.

– Я думал, Боб умрет, – взволнованно сказал он. – А мистер Комшарр просто погладил его – руки у него забавные, – и Бобу сразу

полегчало. А коты Боба все время согревали – так вокруг него и вились, хотя они вообще-то собак не любят.

– И меня тоже не любят, – тихонько добавил Билли. – Все животные меня любят, а эти сразу же невзлюбили.

Чарли пришла в голову неплохая идея:

– Ой, Билли же понимает животных! – сообщил он Бенджи. – Хочешь, он поговорит со Спринтером-Бобом? Тогда мы точно узнаем, что с ним стряслось ночью.

Бенджамин колебался. Он неуверенно глянул на Билли.

– А он что, из таких же, как ты? – уточнил он у друга.

– Ага, – подтвердил Чарли. – Ты ведь можешь поговорить с Бобом?

Билли кивнул.

– Ну ладно. – Бенджи повел их обратно в гостиную, где Спринтер-Боб сосредоточенно зализывал одну из раненых лап. При виде Билли он сначала как будто забеспокоился, но стоило маленькому альбиносу начать урчать и потягивать, пес перестал нервничать, наострил уши и прислушался.

Когда Билли договорил, слово (точнее, рык) взял пес, выдал какую-то длинную фразу на своем собачьем наречии, потом устало, протяжно застонал и улегся.

– Ну? – нетерпеливо поинтересовался Чарли. – Что он сказал?

– Говорит, на него ночью напал волк, – отчитался Билли.

– Что? – вскрикнул Бенджи.

– И не обычный волк, а волк-мальчик, – продолжал собачий переводчик. – По-моему, он имел в виду, что на него напал какой-то мальчик, который превратился в волка.

– Ой, мамочки! – Бенджи так и упал в кресло. – Волк!

– Это определенно один из наших, – пробормотал Чарли себе под нос. – Кто ж еще. Точно, у нас ведь один парень в академии умеет перекидываться волком – то есть вервольфом! Ну конечно, а тетка Юстасия его впустила, чтобы он отвлек Спринтера-Боба от подвальной двери! Она-то думала, что ящик доктора Толли все еще там...

– А разве нет? – быстро спросил Билли. Друзья покосились на него с сомнением.

Можно ему доверять или нет? Придется довериться, понял Чарли, ведь завтра нам всем идти домой к Фиделио. Не оставлять же Билли в стороне.

– Нет, ящик доктора Толли в... в другом месте, – проговорил Чарли. – Вот вернемся домой, и я тебе все объясню.

Бенджамин долго махал им на прощание с крыльца, и вид у него наконец-то был радостный, а рядом стояла его мама и тоже махала гостям, а потом обняла сына за плечи и они скрылись в доме.

– Мой дядя Патон просто чудодей! – гордо заявил Чарли. – Раньше Бенджи вообще не видел родителей. Я и то забыл, как выглядит его мама.

– А у меня скоро будут новые папа и мама, – похвастался Билли.

– Да ты что? Вот здорово! Блеск! – обрадовался Чарли. – А когда ты об этом узнал?

– Совсем недавно, – ответил Билли. – Только сначала мне надо будет... – он замялся, – хорошо себя вести.

– Я тебе помогу ни во что не влипнуть, – воодушевленно пообещал Чарли.

А перед сном он рассказал Билли обо всех завтрашних планах, которые должны осуществиться, если повезет.

– Но что же сделает Эмилия, когда проснется? То есть выйдет из транса? – заинтересовался Билли.

– Мы и сами толком не знаем, – признался Чарли. – На самом деле мы даже не до конца уверены, что она – Эмма Толли, и не уверены, что она согласится прийти к Фиделио. Теперь все зависит от Оливии.

Родители у Оливии были просто золото. Стоило девочке заикнуться, что ей надо повидаться с Эмилией Лун, которая живет на другом конце города, на Уошфорд-Роуд, и миссис Кару сел беспрекословно отвезла дочку к дому Эмилии и обещала забрать ее от Фиделио ровно в пять часов вечера.

– Может, мне все-таки пойти с тобой? Или нет? Ты уверена? – окликнула Оливию мама из машины на прощание.

Оливия уже стояла у ворот дома под названием «Лунный свет».

– Не беспокойся, мам, – весело пообещала она. – Все будет нормально.

И тем не менее миссис Карусел дождалась, пока Оливия не надавит кнопку звонка и в воротах не покажется хозяйка дома, седая и

тощая. Только тогда мама Оливии звонко воскликнула: «Пока!» – и отъехала.

– Что тебе, девочка? – спросила седая женщина.

– Я пришла к Эмили, – сказала Оливия. – Она пригласила меня в гости.

– Нас она в известность не поставила. – Миссис Лун неприятливо поджала губы и даже не предложила Оливии войти.

– Забыла, должно быть, – бойко предположила Оливия. – Ну не выгонять же вам меня теперь – моя мама уехала, а живу я далеко.

– М-да. – Миссис Лун поджала губы еще больше. – Эмилия! – крикнула она. – Поди-ка сюда!

Эмилия послушно выбежала к воротам. Вид у нее был сумрачный.

– Ты приглашала к нам эту девочку? – требовательно спросила ее приемная мать.

Оливия приветственно помахала Эмили, и та отозвалась:

– Да.

– Ты не имела никакого права, – жестко сказала миссис Лун, а потом буркнула: – Ладно уж, заходи.

В доме под названием «Лунный свет» царила стерильная чистота, но при этом было как-то неуютно. Эмилия робко улыбнулась новой подруге и повела ее наверх, к себе в комнату, которая тоже оказалась неуютной и унылой. Ни картинок на стенах, ничего, – видно, все вещи Эмили хранились в многочисленных ящиках комодов и шкафов. На кровати, застеленной безупречно белым покрывалом, сидела аккуратная тряпичная уточка. Больше ничего.

– Как у тебя тут мило. – Оливия не могла придумать, что бы еще сказать.

Эмилия опять выдавила робкую улыбку.

– Может, пойдем на улицу? – предложила Оливия. – В саду, наверно, есть чем заняться.

Эмилия кивнула.

Сад представлял собой аккуратную подстриженную лужайку, обсаженную аккуратной живой изгородью. На задах сада, за качелями, Оливия углядела многообещающего вида стену.

– А что за той стеной? – тотчас спросила она.

– Просто переулок, – вяло отозвалась Эмилия. – Выводит на улицу.

– Давай через нее перелезем, а?

– Зачем?

– А я хочу тебе показать кое-что интересное, – заманчивым тоном начала Оливия, – очень необычное. Я тебе пока не могу сказать, что это, но эта штука дома у Фиделио Дореми.

– Это что, какая-то шутка? – насторожилась Эмилия. – Розыгрыш?

– Эмилия, ты должна мне довериться, – проникновенно сказала Оливия. – Мы же с тобой подруги.

Она говорила так мягко и убедительно, что не прошло и минуты, как Эмилия уже перелезала вслед за ней через стену.

– Мы туда и обратно, твоя мама даже не заметит, – пообещала Оливия.

А в это время на чердаке громогласного дома Фиделио вся компания – сам Фиделио, Чарли, Бенджи и Билли – уминала уже второй по счету поднос бутербродов. Мальчишки устроились на коробках и ящиках, а пол под ними содрогался от взрывов музыки.

Чарли впился в очередной бутерброд – пока жуешь, на душе как-то поспокойнее. «Правильно ли я поступаю? – терзался он. – Найдет ли Оливия этот дом? Проснется ли Эмилия? А если да, то что с ней будет? Может, она завизжит или грохнется в обморок? Или... или превратится в кого-то еще? Например, в птицу?» Сердце у него заколотилось, и Чарли срочно схватился за следующий бутерброд.

– Твоя мама хоть и певица, а готовит здорово! – сообщил он Фиделио, вгрызаясь в бутерброд с сыром и огурцом.

– Ты где, Фиделио, сынок? – пропел бас мистера Дореми из прихожей. – К тебе две гостыи, прыг да скок!

– Пап, проводи их сюда! – крикнул в ответ Фиделио.

– Ну-ка, дамы, проходите, руки-ноги берегите, на чердак вы поднимайтесь, только шею не сломайте! – пропел мистер Дореми.

Даже на чердаке было слышно, как Оливия залилась хохотом, но Эмилия молчала – по крайней мере, сквозь музыкальный тарарам Чарли ее голоса не услышал.

– А вот и мы! – выпалила Оливия, вбегая на чердак.

За ней послушно следовала Эмилия. Вид у нее был озадаченный, но не напуганный.

– Оливия тебе объяснила? – поспешно спросил Чарли.

– Вы хотели мне что-то показать, – неуверенно отозвалась Эмилия.

– Да, одну вещь, которую изготовил твой отец, – сказал Чарли.

Эмилия сжалась.

– Он бухгалтер, он ничего не мастерит, – едва слышно возразила она.

– На самом деле он был изобретателем, – вмешался Фиделио. – Но он умер и оставил тебе вот это. – Он показал на металлический ящик, блестящий посреди чердака.

– Откуда ты знаешь? – еще недоверчивее спросила Эмилия.

Фиделио мигнул Чарли, и тот взял дело в свои руки:

– Началось все с того, что я встретил твою тетю.

– Мою тетю? А я и не знала, что у меня есть тетя...

– Она очень, очень славная, и она уже давно тебя ищет, – рассказывал Чарли. – Она отдала мне ящик, а потом я выяснил, что в нем одна штука, которая может тебя... э-э-э... ну, в общем, разбудить.

Эмилия пришла в полнейшее замешательство. Оливия уселась на какой-то большой сундук и усадила ее рядом.

– Все будет хорошо, – уверяла она. – Мы позаботимся, чтобы с тобой не случилось ничего плохого.

– Но я не знала, что меня надо будить, – робко пробормотала Эмилия.

– По-моему, надо сделать это прямо сейчас, – решительно предложил Фиделио. – Время уходит. Давай, Чарли.

Чарли шагнул вперед и осторожно, но сильно прошелся пальцами по буквам на боку ящика.

Д-в-е-н-а-д-ц-а-т-ь к-о-л-о-к-о-л-о-в Т-о-л-л-и.

Перед последней буквой он помедлил и обернулся. Все замороженно следили за его пальцами. У Билли Грифа глаза стали такие большие и круглые, что как будто заполнили оправу его очков, и вид у него сделался удивленный и испуганный.

Чарли надавил на последнюю букву.

Крышка ящика начала открываться.

Чарли отступил и глянул на Эмилию, но та молчала с озадаченным лицом. Зато Оливия вскрикнула в изумлении.

Когда рыцарь воздвигся из ящика и взмахнул мечом, все завопили и отскочили, даже Эмилия. А потом гулко забил колокол, и под

сводами чердака разнеслось стройное пение хора.

На мгновение Эмилия скорчилась, как от нестерпимой боли, привстала и зажала рот рукой. Потом она зажмурилась и опустилась обратно на сундук, и по щекам у нее покатались слезы.

Остальные испугались: слезы ручьями бежали по лицу девочки, она начала беспомощно всхлипывать, раскачиваться взад-вперед, издавая стоны и вздохи. А потом рыцарь улегся в ящик, хор смолк, колокол пробил двенадцатый раз, и Эмилия тоже затихла. Она сидела совершенно неподвижно, закрыв лицо руками.

Никто не смел произнести ни слова. Чарли защелкнул ящик. Что же делать дальше? Наконец Эмилия заговорила – тихо-тихо:

– Я не знала, что я так несчастна. О-о-ой, я же всю жизнь прожила с людьми, которые меня ни капельки не любят.

Оливия обняла ее и стала утешать:

– Все будет хорошо, Эмма. Теперь ты будешь счастливой. Вот увидишь. Скажи ей, Чарли.

И Чарли рассказал Эмили про ее родителей и любящую тетю, а потом поведал ей самое удивительное:

– Твой папа говорил, что ты умеешь летать. Поэтому-то Блуры и хотели заполучить тебя в академию.

– Я? Летать? – поразилась Эмилия. – Я не умею.

– Но когда-то ты уже летала, – настаивал Чарли. – Может, у тебя это получается, только когда ты очень захочешь.

– Например, с перепугу, – добавила Оливия.

– А завтра я отведу тебя к тете, в книжный магазин, – пообещал Чарли.

– Но как это устроить? – озадачилась Эмилия.

– Придумаем, – заверил он. – Ты же теперь знаешь, кто ты, так что можешь просто уйти от Лунов, как только пожелаешь.

Вдруг с нижних этажей сквозь разноголосицу барабанов, скрипок и фортепиано донесся голос:

– Тут пришла некая миссис Карусел!

– Мамочка точно, как часы, – обрадовалась Оливия. – Нам пора, Эмилия.

И девочки двинулись в прихожую, где миссис Карусел уже вовсю щебетала с миссис Дореми. По настоянию Оливии мамы прервали увлекательную беседу о легких, голосовых связках и диафрагмах, и

миссис Карусел отвезла девочек обратно в переулок за домом Лунов. Правда, увидев, как дочка и ее одноклассница перелезают через садовую стену, она несколько удивилась, но тем не менее послушно объехала дом и подождала, пока Оливия не выйдет через парадную дверь. Ей пришлось прождать всего лишь минуту-другую.

– Мам, ты просто блеск. Аплодисменты! – восхитилась Оливия, усаживаясь в автомобиль. – Мы всё успели и ни разу не попались.

– А у тебя насыщенная жизнь, Олли, – заметила миссис Карусел, которой аплодисментов хватало: она была актрисой и кинозвездой.

Когда девочки удалились, мальчики некоторое время сидели в молчании. У Чарли камень с души упал: ведь план-то сработал! Теперь ему оставалось только постараться устроить так, чтобы Эмилия, то есть Эмма, вернулась в родной дом – по-настоящему родной.

– Как мне быть с ящиком? – нарушил молчание Фиделио.

– А ты не мог бы его подержать здесь? – попросил Чарли. – Кажется, он мне еще пригодится.

– Тут надежнее всего, – легко согласился Фиделио. – Я за ним пригляжу.

– Мне пора, – встал Билли. – За мной должны прислать машину. – Он почему-то неотрывно глядел в пол, и голос у него подозрительно дрожал.

Заболел он, что ли, подумал Чарли, и обещал немедленно проводить Билли домой. Фиделио предстоял урок скрипки, и, выходя за ворота музыкального дома, мальчики слышали, как он вносит свою лепту в общий хор.

Они двинулись в сторону Филберт-стрит. Чарли и Билли думали каждый о своем, и только Бенджамин бодро насвистывал и болтал, предвкушая долгожданную встречу с родителями и подлеченным Спринтером-Бобом.

Перед домом номер девять чернел автомобиль. Мальчики попытались было рассмотреть его внутренность сквозь затемненные стекла, но тут дверца распахнулась и элегантная трость огрела Чарли по коленке.

– Ай! – отшатнулся он. – Кто это, Билли?

– Похоже, мистер Блур Дважды старший, – пробормотал тот. Чарли почему-то сделалось не по себе.

– Билли, ты ведь никому не проболтаешься насчет Эмили, а? – забеспокоился он. – Пока что это все большой секрет.

Билли старательно закивал.

Чарли помог ему сложить сумку, маленький альбинос поспешно простился с Мейзи и Чарлиной мамой и шмыгнул в автомобиль.

– Какой странный мальчик, – задумчиво отметила Мейзи, когда черный автомобиль заскользил прочь.

Эмилия Лун лежала в постели и глядела в потолок своей аккуратной чистенькой комнатки.

– Эмма Толли, – одними губами прошептала она. Повторила еще раз и решила, что это имя ей куда больше по душе, чем Эмилия Лун.

В прихожей почему-то настырно затрезвонил телефон. Странное дело. В «Лунный свет» никто раньше не звонил по ночам. Но Эмилия не придавала звонку особого значения – она была слишком взволнована. Раньше она никогда по-настоящему не волновалась: не с чего было. Она жила упорядоченной, однообразной, скучной жизнью. И в этой жизни не было ни малейших поводов для восторгов и волнений. Но теперь-то все изменится!

– Отныне я – Эмма, – шептала девочка. Внезапно дверь распахнулась и на пороге возникла миссис Лун.

– Одевайся и собери вещи, – резко велела она. – Быстро. Мы уезжаем.

– Но куда? – Эмилия даже подпрыгнула.

– Обратно в академию. Оттуда только что позвонили.

– Зачем? – Эмилия занервничала еще больше. Неужели в академии пронюхали, что она была у Фиделио?

– Ты нарушила правила, Эмилия, – ледяным тоном уронила миссис Лун. – Поторапливайся.

Эмилия поспешно оделась, дрожащими руками уложила сумку и спустилась в прихожую. Миссис Лун схватила ее за руку и поволокла на улицу, где уже ждала машина и тощий мистер Лун блестел очками с водительского места. Эмму впихнули в машину, и мистер Лун тут же нажал на газ.

Ночью академия Блура выглядела неприступной твердыней, безжизненной и мрачной. Только в одном-единственном окошке где-то на последнем этаже мерцал огонек.

Мистер и миссис Лун отконвоировали Эмму через двор и по лестнице к парадному входу. Поднявшись по широким ступеням, мистер Лун дернул за цепь, свисавшую сбоку от массивных дверей, и где-то за их толщей, в глубине здания, отозвался звонок.

Им открыл Манфред Блур, и сердце у Эммы упало. Она старалась не смотреть в его угольно-черные глаза, опасаясь их невыносимого цепящего взгляда. Но Манфред даже не попытался загипнотизировать ее.

– Благодарю вас, – кивнул он Лунам. – Входи, Эмилия!

– До свидания, Эмилия. – Миссис Лун поставила девочкину сумку на пол. – Веди себя хорошо.

Тяжелые двери затворились, и Эмма осталась наедине с Манфредом посреди гулкого темного холла.

– Зачем вы велели меня сюда привезти? – спросила она. – Да еще ночью?

– Ты ведь нарушила правила, верно, Лун? И должна понести заслуженное наказание.

И вдруг Эмма расхрабрилась. Она никогда раньше не чувствовала ничего подобного. И еще она рассердилась – это тоже было непривычное ощущение.

– Никакая я не Эмилия, – вскипела она. – Я – Эмма Толли.

Манфред издал зловещий смешок:

– Ничего, скоро мы выбьем эту галиматью у тебя из головы! Эмма Толли, а?! В жизни не слыхал такой чуши. Бери сумку и марш за мной.

Все существо Эммы воспротивилось, но как протестовать, она не знала. Помощи ждать было неоткуда, – кажется, кроме них с Манфредом, тут ни души. Ну ничего, может, ей удастся улизнуть потом.

А Манфред быстро вел по каким-то незнакомым запутанным коридорам, потом вверх по узкой винтовой лесенке, потом через анфиладу пустых темных комнат, затканых многослойной паутиной. В обеих руках у него было по фонарю, но Эмма все равно едва различала, куда ступает. В эту часть здания электричество явно не проводили. Под потрескавшимся потолком метались и пищали летучие мыши, а в разбитых окнах завывал ветер. Наконец Эмма и Манфред очутились в тесной комнатке, где у стены стояла узкая кровать с

тонким одеялом и жидкой подушкой. И больше ничего. Стены тут были каменные, а пол – голый.

Манфред поставил один из фонарей на пол.

– Пора спать! – объявил он. – Спокойной тебе ночи и приятных снов, Эмилия Лун.

Тяжелая дверь затворилась за ним, и в замке щелкнул ключ. Как только шаги Манфреда удалились, Эмма кинулась к двери. Ну конечно, заперто!

Девочка присела на краешек кровати. Но плакать не стала. Хватит на сегодня слез! Значит, все-таки у нее так и не будет любящей тети, друзей, приключений и самого главного – счастья.

– Они наврут, будто я исчезла, – прошептала она. – И никто меня не найдет.

Она обвела взглядом мрачную и страшную комнату. Неужели ее тут запрут на всю жизнь? До самой старости?

– Ну уж нет, – вдруг сказала она себе. – Я теперь Эмма Толли, а Эмма такого не потерпит. Она не из тех, кто сдается. – Она вскочила, подбежала к двери и во все горло закричала: – Помогите! Помогите!

Только эхо пронеслось в ответ по пустым гулким коридорам. Больше никто не отозвался.

Эмма позвала еще раз и забарабанила кулаками в дверь. Она дергала ручку, билась и колотилась в дверь, пока костяшки пальцев у нее не покраснели и не распухли. Только тогда девочка, обессиленная, плюхнулась на постель.

Она уже закрыла было глаза, но тут за дверью послышался легкий скрип. Эмма рывком села. Ключ повернулся в замке, и дверь распахнулась настежь.

Эмма вскочила и высунулась в коридор. Никого. Она посветила себе фонарем. Ни души, если не считать летучей мыши, спавшей вверх тормашками на балке. А летучие мыши не умеют отпирать двери.

Она подняла тяжелый фонарь как можно выше и на цыпочках двинулась по коридору.

– Кто тут? Кто меня выпустил? – прошептала она, не осмеливаясь говорить громче из опасения, что примчится Манфред.

В конце коридора была лестница, и Эмма осторожно двинулась вниз. У подножия лестницы начинались два коридора – один вел налево, другой направо. Поколебавшись, Эмма свернула направо.

Пахло в коридоре скверно. По стенам мигали газовые рожки – может, это от них, подумала девочка.

И тут перед ней возникло чудище. Или все-таки собака? Низенькое, разжиревшее, что твоя подушка о четырех лапах, а морда длинная, с обвисшими брыльями.

Эмма ойкнула и вжалась в стену. Собака ее не заметила. Девочка уже приготовилась крадучись двинуться в другую сторону, но тут раздался скрипучий голос:

– Эй, ты, стой! Стоять! Назад, я сказал!

Эмма бросилась наутек, уже на бегу оглянулась через плечо и увидела какого-то старика в инвалидном кресле – древнего, с лицом, похожим на череп. Старик был укутан в клетчатый плед, а седые волосы сбегали ему на плечи из-под шерстяной шапочки, как восковые сосульки.

– Эта паршивка сбежала! – завопил старец. – Отродье Толли! Манфред, лови ее!

Эмма помчалась дальше, с трудом сдерживаясь, чтобы не завизжать. Она взбежала по лестнице, бахнув фонарем о стену, пронеслась по коридору и пулей влетела в свою темницу, захлопнув дверь. Потом села на постель и стала ждать неминуемой кары.

Долго ждать не пришлось. На пороге вырос Манфред с перекошенным лицом.

– Вот мы где, – выдохнул он. – Больше не пытайся.

Манфред с грохотом закрыл дверь, щелкнул ключом и сказал:

– Ключ я на этот раз забираю, так что и не надейся опять ее выпустить. Провинишься еще раз – останешься на неделю без джема.

Он явно обращался не к Эмме, а к кому-то другому.

Бах! Что-то ударилось в стену, и Манфред заорал:

– Прекратить!

Где-то бухнула еще одна дверь, и стало тихо.

Эмма на цыпочках подкралась к двери.

– Ты кто? – спросила она, но ответа не получила. – Извини, что подвела тебя, – добавила она.

Молчание. Кто бы ни был ее освободитель, он исчез. Или же так страшился остаться без сладкого, что не рисковал подавать голос.

– В любом случае большое тебе спасибо, что помог, – прошептала Эмма и вернулась на кровать.

Свечка в фонаре уже догорала. Мысль о том, что предстоит остаться в непроглядной тьме в этой сырой жуткой комнате, была невыносима. Эмма поспешно оглядела серые угрюмые стены в тусклом свете фонаря и вдруг заметила над постелью крошечное окошко. Если встать на подушку, может, я дотянусь, подумала девочка. Но скорее не дотянусь, слишком высоко. Даже не допрыгнуть.

— А ведь Чарли утверждал, будто я умею летать, — вдруг вспомнила она. Не успела Эмма договорить, как кончики пальцев стало покалывать, а потом по рукам пробежала странная щекотка. И они стали совсем невесомыми.

... Патон Юбим вышел на еженощную прогулку. Он шагал ровной, упругой походкой, но в душе его бушевала буря. С одной стороны, он был горд и доволен собой: наконец-то удалось построить дорогих сестриц! Теперь они знают ему цену.

Дзынь! Лампочка на ближайшем фонаре торжествующе вспыхнула и взорвалась. Патон прошел мимо, провожаемый привычным стеклянным шелестом осыпавшихся осколков. Он вздохнул, но не обернулся. Если за мной кто-то шпионит, пусть его. Все равно ничего не докажет. Он начал бормотать себе под нос:

— С другой стороны, если бы я не настаивал на ужине в ресторане... если бы мы ужинали дома, при свечах... Теперь она считает меня чудовищем. Ярмарочным дивом.

Ах, Патон, забудь о ней. Она никогда тебя не простит.

И тут он осознал, что за ним кто-то идет. Патона нагнала какая-то девочка с бледным личиком и длинными белокурыми волосами — весьма растрепанными.

— Прошу прощения, вы не скажете, как пройти к книжной лавке Ингльдю? — вежливо спросила она.

— Отчего же, скажу, — отозвался Патон. — Собственно, я туда и направляюсь.

— О, здорово, — оживилась девочка. — Меня зовут Эмма Толли.

Глава 18

АЛЫЙ КОРОЛЬ

Было уже за полночь, когда Патон позвонил в дверь книжного магазина. Конечно, на звонок никто не отвечал. Но Патон знал, что Джулия Ингльдю ложится поздно. Она сама признавалась, что иной раз читает до двух ночи. И он позвонил еще раз.

На втором этаже растворилось окно, из него выглянула Джулия.

– Кто там? – возмущенно спросила она. Потом увидела Патона. – Ах, это вы! Подходящее время для визитов!

– Джулия... э-э-э... мисс Ингльдю, это не совсем я, – задрал голову Патон, – то есть это я, но не один, со мной кое-кто еще, и этот кое-кто жаждет вас видеть. – Он отступил от двери и потянул Эмму за рукав. – Вот, эту барышню зовут Эмма Толли.

– Что?! Я не... не могу... – Окно мгновенно захлопнулось. Лестница скрипуче запела под торопливыми шагами. Колокольчик над дверью отчаянно брякнул, и мисс Ингльдю вылетела на крыльцо.

– Привет! – воскликнула Эмма.

– Нэнси? Ах, ты вылитая Нэнси! – вскрикнула мисс Ингльдю. – Заходи, заходи скорее, и вы, Патон, тоже. Я просто... ах, я не знаю... у меня просто слов нет.

Она ввела племянницу в дом и стала ее рассматривать, гладить по голове, обнимать, говоря:

– Это и в самом деле ты, Эмма! Как же так? Откуда ты?

– Я проснулась, – ответила Эмма. – Меня разбудил Чарли Бон с друзьями, а потом этот славный джентльмен привел меня сюда.

– Как мне вас благодарить, Патон! – с жаром воскликнула мисс Ингльдю. – Выпейте чашку чаю, или стаканчик виски, или что пожелаете. Такое событие надо отпраздновать.

Гости вслед за ней прошли в уютную комнатку позади магазина, и Эмма жадно оглядела полки, тесно заставленные соблазнительными книгами, мягко поблескивавшими золотыми буквами на кожаных переплетах. Она втянула ноздрями вкусный книжный запах – кожи, старой бумаги, типографской краски, потом глубоко вздохнула и объявила, что это самая лучшая комната на свете.

– Здесь будет твой дом, – радостно сказала мисс Ингльдю, – если я смогу все уладить. Или ты хочешь и дальше жить со своими приемными родителями?

– Ой, нет, ни в коем случае! – испугалась Эмма. – Близко больше не подойду к этому жуткому дому!

– Ты мне обязательно про него расскажешь, прямо сейчас, – настойчиво сказала мисс Ингльдю. – Я хочу знать о тебе все. Вам, Патон, тоже наверняка есть чем со мной поделиться. Вы ведь приложили руку к этой истории? Садитесь же. – И она заметалась по комнате, расчищая стулья и кресла от стопок книг, взбивая подушки и сдувая пыль с абажуров.

Через час Патон Юбим чуть ли не вприпрыжку направлялся домой, насвистывая веселенький мотивчик. Фонари так и лопались у него над головой: дзынь, дзынь, дзынь. Он давно уже не чувствовал себя таким счастливым – наверно, лет с семи.

Рано утром в воскресенье Чарли проснулся от того, что около его кровати стоял дядя Патон.

– Свершилось, Чарли! – провозгласил он. – Я всю ночь глаз не сомкнул от волнения. Эмма Толли вернулась домой, к тете, и мы приложим все усилия, чтобы никто их не разлучил.

Чарли скатился с постели:

– Как ей это удалось?

И дядя поведал ему самое начало истории краткого заточения Эммы.

– Но она каким-то образом выбралась на свободу? – уточнил Чарли.

– Да, – важно подтвердил дядя. – Хотя она пока не объясняет как. Однако, Чарли, кто-то пронюхал про ваш чердачный эксперимент, кто-то вас выдал, и, по-моему, тебе непременно надо выяснить, кто именно.

Кажется, я знаю кто, с ужасом понял Чарли. Не Бенджи, и не Фиделио, и не Оливия – им он полностью доверял. Значит, остается только Билли.

– Нас выдал Билли Гриф, дядя Патон, – огорченно сообщил он. – Мне его ужасно жалко: у него ни дома, ни родителей и, по-моему, он чего-то боится. Вы видели тот большой черный автомобиль, который

за ним приехал? Стекла в нем были тонированные, а изнутри кто-то высунул трость и как двинет меня!

– Старик, – пробормотал дядя.

– Какой старик? Прадедушка Манфреда, что ли?

– Знаешь, Чарли, это долгий разговор. Мне надо кое-что тебе показать, так что загляни-ка ко мне, как позавтракаешь.

Чарли молниеносно оделся и помчался в кухню. К своему удивлению, он наткнулся там на бабушку Бон. Еще больше его поразило, что старуха одарила его улыбкой, – он чуть не поперхнулся яичницей с беконом. Подозрительно, очень подозрительно! Он-то ожидал, что нарвется на нравоучение для нарушителей правил. Наверно, бабушке Бон просто еще не донесли про бегство Эммы Толли.

Заглотив завтрак, Чарли вознесся наверх и поскребся к дяде.

– Входи-входи, Чарли. – Теперь дневной голос дядя Патона уже не был ни отчужденным, ни строгим.

Чарли с трудом протиснулся внутрь: вся комната, даже пол, была завалена горами книг. Высоко задирая ноги, он двинулся к дяде Патону, а тот направлял:

– Нет, не сюда! Осторожнее, наступишь! Так, так, вот сюда, смотри под ноги.

– Что случилось, дядя Патон? – спросил Чарли, расчищая себе пятачок на постели, погребенной под слоями бумаг.

– Ты меня спрашивал про Алого короля, и я сделал несколько находок – колоссальных находок, Чарли. Мисс Ингдью помогла мне кое-какими книгами. – Он показал на старинные тома, громоздившиеся на столе. – Это бесценные сокровища, поистине бесценные! Мне еще предстоит перевести их целиком, но я и так уже многое выяснил, Чарли. Я сделал выписки, вот послушай.

– Они на иностранном языке?

– Они на множестве языков, мой мальчик. Итак, внимание. Алый король явился на эти острова, то есть в Англию, в тринадцатом веке. Многие источники указывают, что прибыл он из Африки, но из какой именно ее части, мне пока установить не удалось. Прозвание свое он заслужил алым плащом и пламенеющим солнцем в гербе на щите. Среди его спутников был рыцарь из Толедо, города, прославившегося

своими мечами. Алый король женился на его дочери, но, к несчастью, она скончалась при рождении десятого ребенка.

Тогда Алый король покинул свой замок и отправился странствовать, оплакивая смерть любимой супруги. Много удивительного рассказывают о том, что совершал он в пути: король вызывал дождь, исцелял больных, и предсказывал будущее. Вот здесь, в частности, рассказывается, – дядя Патон пристроил себе на колени толстенный том и поглаживал его в такт словам, – что черные глаза короля могли сковать и обездвижить кого угодно. Иными словами, он владел гипнозом. – Дядя неохотно отложил книгу. – Я мог бы привести тебе сотни свидетельств о его чудесных деяниях, но суть в том, что Алый король был волшебником.

– И мы все – то есть все одаренные – происходим от него? – потрясенно спросил Чарли.

– Именно, мой мальчик. Но это лишь начало истории. – Дядя Патон подался вперед, подпер подбородок рукой и внимательно, серьезно взглянул на Чарли. – Король странствовал пятнадцать лет. Он бросил на произвол судьбы своих десятерых детей, каждый из которых унаследовал толику отцовского дара. Когда же король возвратился в замок, то обнаружил, что его дети воюют.

– Воюют?

– Да, с соседями. И при этом они пускали в ход свои способности, но в самых дурных целях. Люди стали бояться их хуже смерти.

– И что, все королевские дети были злыми? – спросил Чарли.

– Представь себе, не все. Лишь пятеро вступили на путь зла. Остальные пятеро покинули замок и исчезли. Некоторые даже, отплыли в другие страны, не желая использовать свои способности и надеясь никогда больше не встречаться со своими злыми братьями и сестрами. Но им не удалось уйти от судьбы, потому что кое-кто из детей беглецов встал на путь зла, а у тех, злых, иной раз рождались добрые дети. Семья так и не смогла разделиться надвое и освободиться от власти прошлого – она была крепко связана воедино, и так оно и продолжалось и продолжается до наших дней. Бывает, только семья решит, что в ней нет ни капли злой примеси, как вдруг появляется тот, кто наделен опасным и злым даром. – Дядя Патон покачал головой. – Сотни лет вражды между сородичами, сотни разбитых сердец... сколько боли.

– Хорошо, что я у мамы один, – вымолвил Чарли.

Дядя засмеялся:

– Если будем держаться плечом к плечу, то рано или поздно победа будет за нами! – И он вновь зашуршал бумагами на столе.

– Будем! – Чарли поднялся и пустился в обратный путь к двери. На пороге он спохватился:

– Дядя Патон, а что случилось с Алым королем? Неужели он так и не смог всех помирить – с его-то могуществом?

– Он слишком долго мешкал, – печально отозвался дядя. – Ему бы пришлось убить своих собственных детей, а этого он никак не мог сделать. Так что король вновь покинул замок, и с ним отправились три его верных леопарда, и больше его никто не видел. Хотя существуют упоминания о том, что он появлялся в разных концах страны, но незримо.

– Вы ни слова не говорили о леопардах, – подметил Чарли.

– Разве? Надо же. Видимо, забыл. – Дядя Патон загадочно улыбнулся. – Сегодня я отправлюсь в книжный магазин Ингльдю и помогу Джулии справиться со всеми формальностями, чтобы она могла оставить Эмму у себя.

– А вы думаете, получится? Правда? Насовсем?

– Уж мы постараемся, – заверил его дядя Патон. – Полагаю, не в интересах Блуров, чтобы весь свет узнал об их коварных аферах. Им придется уступить нам Эмму. А что касается Лунов, им, по-моему, приемными родителями быть не понравилось. – Говорил он уверенно и твердо. Вообще дядя Патон как будто переродился.

Чарли оставил дядю рыться в книгах и отправился навестить Бенджи. К его величайшему удивлению, в доме номер двенадцать не было ни души: даже Спринтер-Боб не подал голос в ответ на звонок. До Чарли постепенно дошло, что все семейство куда-то отбыло на целый день. Неслыханное дело. Бенджи раньше всегда можно было застать дома.

На всякий случай Чарли заглянул в парк – мало ли, может, Бенджи вывел пса на первую после нападения прогулку, но нет, и там их не было.

Дома он обнаружил Мейзи, гревшуюся в кресле-качалке у плиты.

– Что-то мне нездоровится, Чарли, – пожаловалась она. – Наверно, я обойдусь без обеда, да, пожалуй, сосну.

Еще неслыханнее! Мейзи никогда не болела! Чарли встревоженно наблюдал, как она ковыляет по кухне. Да что с ней стряслось?

За ланчем он рассказал маме всю историю про Эмму Толли.

– Просто сказка какая-то, – вздохнула мама. – Надеюсь, конец у нее будет счастливый.

– Эмма же не из семьи Лунов, – уверенно заявил Чарли. – Она их терпеть не может. Она – родная племянница мисс Ингльды.

– А доказать это удастся? – Мама задумчиво покачала головой. – Кто поверит басням про гипноз и... звенящих рыцарей и колокола... и пса, который вещает голосом доктора Толли?

– А никто об этом и не узнает. Дядя Патон говорит, что Блуры не захотят, чтобы их делишки выплыли наружу, так что они просто сдадутся без борьбы.

– Вот в это мне не верится, – невесело возразила мама. – Кому-то придется расплачиваться за все. Береги себя, Чарли.

– За меня не волнуйся, мам.

После ланча маме пришлось вернуться в зеленую лавочку – она обещала помочь с упаковкой.

– Я ненадолго, Чарли, – сказала она, – а Мейзи, если что, наверху.

В доме стояла непривычная тишина. Дядя Патон уже ушел. Чарли заглянул к Мейзи, но та спала. Он на цыпочках миновал дверь бабушки Бон – еще не хватало разбудить старуху! Потом сбегал к дому Бенджамина, но там по-прежнему никого не было. Воздух был тих и холоден, и, когда Чарли переходил улицу, на нос ему упало несколько снежинок.

А потом он увидел три темные фигуры, шагавшие ему навстречу. Три сестрицы Юбим шагали плечом к плечу, не пропуская прохожих, которым приходилось перебираться на мостовую. Может, я успею убежать в парк, пока они меня не заметили, подумал было Чарли, но тут тетки ускорили шаг. У дома номер девять они его настигли.

– Чарли, как кстати! – воскликнула тетушка Лукреция. – Мы как раз хотели с тобой побеседовать.

– С глазу на глаз, – добавила тетушка Юстасия.

– О, – только и сказал Чарли. Ему ничего не оставалось, как войти в дом. Тетки зашушукались у него за спиной, а в прихожей свалили свои тяжелые мокрые пальто на руки Чарли.

– Противный снегопад! – Тетушка Венеция сбила снежинки с волос Чарли щелчком длинного острого ногтя.

– Входите же, – раздался из задней комнаты голос бабушки Бон. – Шевелись, Чарли, у нас мало времени.

– Да уж знаю, – откликнулся Чарли. – Тете Лукреции надо идти надзирать, а тете Юстасии – нянчить.

В ответ он получил два очень злобных взгляда, но сказать тетки ничего не сказали. Я же могу просто убежать наверх и запереться у себя, мелькнуло в голове у Чарли. Но потом он подумал, что лучше уж разделаться с малопривлекательной «беседой» как можно скорее. Поэтому он послушно водрузил молескиновые пальто на вешалку, прошел в гостиную и уселся за стол напротив трех теток.

– Что ж, Чарли, – начала тетушка Лукреция, – последнее время ты ведешь очень занятую жизнь, верно?

– Суешь нос куда не просят, – добавила тетушка Юстасия.

– Надеюсь, у тебя это не войдет в привычку, – съязвила бабушка Бон.

– Ну конечно же нет, – со сладкой улыбочкой прожурчала тетушка Венеция. – Она положила на стол руки с алыми когтями и вытянула к Чарли длинную шею. – Ты ведь просто хотел помочь, Чарли? Правда? Нам прекрасно известно об Эмме Толли. И мы знаем, где найти «Двенадцать колоколов». Между прочим, это собственность доктора Блура.

– Ничего подобного, – возразил Чарли. – Ящик принадлежит мисс Ингльдю, и вам его не видать.

– Ах! Ах! – всплеснула руками в притворном ужасе тетушка Венеция. – Какой грубиян! Ящик останется там, где он час. Он ведь нам уже не нужен, правда, сестрички?

– Совершенно не нужен, – подтвердили тетки.

Но Чарли им не поверил. Да, Двенадцать колоколов сыграли свою роль в пробуждении Эммы, и вроде бы ящик и впрямь был уже не нужен. Но в глубине сердца Чарли чувствовал, что он еще пригодится. Потому что надо разбудить кое-кого еще.

И вдруг неожиданно для себя выпалил:

– А мой папа, между прочим, жив!

Бабушка Бон стала блее мела.

– Что ты несешь? – рявкнула она. – Он умер.

– А вот и нет. И в один прекрасный день я его обязательно найду.

– Ты, кажется, поешь с голоса своего дорогого дядюшки? – ощерилась тетушка Лукреция. – Так имей в виду, Патон спятил, совсем выжил из ума. Он бредит, сам не знает, что болтает. Тебе не следует с ним общаться.

– Пообещай нам, что больше не будешь, – подхватила тетушка Юстасия.

– Буду, – отрезал Чарли. – Еще больше буду.

Бабушка Бон стукнула кулаком по столу. Воцарилось молчание. Хватит с меня, решил Чарли и, с шумом отодвинув стул, встал.

– погоди-ка, малыш, – пропела тетушка Венеция. – У меня припасен для тебя подарочек. – Она извлекла из объемистой сумки, стоявшей под столом, какой-то пакет. – На, Чарли, возьми.

По полированному столу к Чарли скользнул коричневый бумажный сверток.

Чарли подозрительно прищурился на него:

– Что там такое?

– Открой, и узнаешь, – подмигнула тетушка Венеция.

Чарли облизнул пересохшие губы. Наверняка тетки подложили в пакет какую-нибудь пакость. Он осторожно потянул за веревочку, и бумага развернулась. В пакете лежал синий школьный плащ.

– Плащ? У меня уже один есть, – сказал Чарли.

– Безобразные дырявые лохмотья, вот что ты носишь, – сердито сказала бабушка Бон. – Доктор Блур велел тебе прийти в новом, и тетушка Венеция по доброте душевной его сшила.

– У нее просто золотые руки, – присоединилась тетушка Лукреция.

А тетушка Венеция улыбалась так широко, что Чарли видел пятнышки помады у нее на зубах.

– Спасибо, – неуверенно выдавил он.

– На здоровье, Чарлз. – Тетушка Венеция мановением руки указала ему на дверь. – Вот теперь можешь идти.

Чарли прихватил плащ и удалился. Взлетев наверх, он обнаружил, что рваный синий плащ из его шкафа исчез. Он тщательно изучил каждый дюйм гладкой синей материи, но ничего подозрительного не обнаружил. Плащ как плащ.

Когда мама пришла помочь ему укладывать сумку, Чарли показал ей обновку.

– Очень мило со стороны тети Венеции, – задумчиво произнесла мама, – но на нее это как-то совсем не похоже. На моей памяти она никогда никому ничего не дарила. Даже на Рождество.

– Может, они просто не хотят, чтобы я их позорил, – предположил Чарли, – ведь тетя Лукреция служит в академии.

– Должно быть, так, – согласилась мама. – Юбимы народ гордый. Но непрошенный подарок все равно тревожил Чарли.

Глава 19

ПОД СЕНЬЮ РУИН

Первое, что услышал Чарли, войдя в холл академии поутру, был взбудораженный гул множества голосов. Все забыли про строгие правила, шушукались, гомонили, пихали друг друга в бок и показывали на длинный стол, возникший у стены. Весь стол был заставлен стеклянными фонариками.

– На сегодня назначена Игра в руинах, – сообщил Фиделио Чарли. Они как раз вошли в раздевалку, где тоже стоял гомон.

– А в чем она состоит? – Чарли тотчас вспомнилась девочка, сгинувшая в развалинах. – Я не умею в нее играть.

– На самом деле это не совсем игра, – объяснил Фиделио. – Больше похоже на охоту. В самом центре развалин заранее прячут медаль, и кто ее найдет и выберется с ней наружу не позже чем через час – тот и выиграл. Все три отделения играют по очереди, сегодня – театральное. Задание не из простых. В прошлом году медаль никто так и не отыскал, а в позапрошлом найти-то нашли, но вот выход из лабиринта искали часа три, так что победу им не засчитали.

– Чего ради стараться? – усомнился Чарли. – Подумаешь, какая-то медаль.

– Победителя на весь год освобождают от наказаний – ну, конечно, если он не выкинет что-нибудь совсем уж запредельное. И еще ему дают дополнительный выходной и бесплатные инструменты или там кисточки с красками или грим. И вообще – победить-то приятно!

– А-а-а... – протянул Чарли. Ему стало не по себе. Ну и глупо, по руинам будут лазить человек сто, не меньше, успокаивал он себя. Как тут потеряешься? А ведь все-таки кто-то да исчезал. А кто-то может вообще превратиться в дикого зверя и отправиться на охоту...

– Чарли, прояснись! – потормошил его Фиделио. – Сегодня мы с тобой будем в зрителях. Займем место на галерее отделения живописи – она как раз на сад выходит. Зрелище будет что надо, вот увидишь!

После ужина все ученики театрального отделения стеклись в холл и разобрали фонарики. Галерея, выходящая на сад, постепенно

заполнялась зрителями, а игроки в фиолетовых плащах один за другим потянулись в сад. Чарли с облегчением увидел, что на сей раз Оливия обулась во вполне разумного вида ботинки, – по крайней мере, если за ней кто погонится, она сможет в них бежать.

Цепочка фонариков ползла по сумрачному саду к руинам, точно светящаяся змея. Потом голова ее исчезла в темных развалинах стен, затем постепенно стало скрываться туловище – будто руины глотали игроков.

– А дальше что? – У Чарли перехватило дыхание.

– Будем ждать, – пожал плечами Фиделио.

Долго ждать не пришлось. Игроки помладше начали поспешно появляться из развалин совсем скоро: кто испугался темноты, кто заблудился. Манфред, руководивший Игрой, вычеркивал их фамилии из списка и забирал у малышей фонарики. После чего они с облегчением мчались через холл и разбегались по спальням.

Оливия выбралась из руин одной из последних, но все это время друзья ждали ее.

– Мне там категорически не понравилось, – пожаловалась она и вздрогнула. – По развалинам бродило какое-то существо... бр-р-р, мурашки по спине, как вспомню. То и дело возникала какая-то тень, а потом раз – и нету ее.

– Что за тень? – насторожился Фиделио.

– Зверь какой-то, – ответила Оливия, – вроде собаки... нет, не знаю. До центра я так и не добралась, но это вообще никому не удалось.

– Главное, что ты выбралась обратно! – обрадованно сказал Чарли, покосившись на ее теннисные туфли.

– Я все время старалась держаться поближе к Бинди, – призналась Оливия. – С ней как-то поспокойнее – она же из одаренных. А Манфред на меня так пакостно посмотрел, когда вручал фонарик, что я уж думала – не миновать беды.

– Все обошлось, – успокоил ее Чарли.

На следующий вечер настала очередь художников отправляться в руины. Оливия присоединилась к мальчикам, и все трое устроились на галерее. Как хорошо, что Эмме Толли не надо лезть в эти проклятые развалины за несчастной медалью, подумал Чарли. Наверно, она еще дома у мисс Ингльдю. Если дядя Патон взял дело в свои руки, то Эмма

наверняка у нее. Оказывается, дядя Патон о-го-го какой могущественный! По-своему.

Второй заход игры обошелся без происшествий. Медаль найти никому не удалось, но все игроки возвратились в академию целыми и невредимыми.

Наступил вечер среды. По холлу, через который за фонариками протянулась длинная очередь синих плащей, летал ледяной сквозняк. На улице наверняка жуткая холодина, понял Чарли и порадовался, что плащ у него теплый. В этот раз на раздаче фонариков стоял лично доктор Блур. Он с угрюмым видом передал Чарли фонарик, и мальчика вдруг осенило: бояться надо вовсе не этого грузного мужчины! Доктор Блур сам опасается его, Чарли!

Дверь в сад распахнулась, и игроки по одному двинулись в сад. Ночь выдалась безлунная и беззвездная, и небо было совершенно черное. А вот трава под ногами чуточку мерцала, и, посветив себе фонариком, Чарли увидел, что это снег, который успел смерзнуться и превратиться в тонкий наст. Он потрескивал под ногами, и казалось, будто ступаешь по ломкому стеклу.

– Я за тобой, Чарли, – раздался за спиной шепот Фиделио, – шагай, шагай.

Чарли обернулся и увидел жизнерадостное лицо друга, освещенное огоньком фонарика.

– Удачи! – ответил Чарли. – Желаю тебе найти медаль.

– Тишина! – приказал знакомый строгий голос. – Разговоры запрещены! За шушуканье буду наказывать!

Это Манфред стоял у входа в руины. Он проставлял галочки в списке, отмечая тянувшихся мимо него игроков. На список падал свет фонаря побольше, висевшего в воздухе на шесте, а держала шест Зелда Добински, топтавшаяся за спиной у Манфреда. Когда Чарли шагнул под каменную арку, она бросила на него неприязненный взгляд.

Чарли очутился в мощеном дворике, со всех сторон обсаженном плотной и высокой живой изгородью. Перед ним зияло пять арок, разделенных четырьмя каменными сиденьями. Фиделио подтолкнул Чарли в бок и кивнул на среднюю из арок. Мальчики нырнули в нее и пустились в путь. Поначалу Чарли с Фиделио казалось, что этим маршрутом двинулись только они, но потом им навстречу стали

попадаться группки других игроков, которые кто по двое, кто по трое бежали позади или впереди, а кое-кто вообще мчался в противоположном направлении.

– Слушай, ты уверен, что мы правильно идем? – прошептал Чарли.

– А кто его знает... – отозвался Фиделио.

Резкий поворот привел их в какой-то узкий коридор, такой тесный, что мальчики задевали локтями о стены. То и дело попадались площадки с фонтанчиками, бившими ледяной водой. Чарли прямо-таки застрял подле одного из них – ему очень понравилась каменная рыба, и Фиделио пришлось дернуть его за край плаща, чтобы оторвать от фонтана. Иной раз мальчики натывались на потрескавшуюся статую или замшелую вазу, и чем глубже они забирались в лабиринт, тем тише делалось вокруг. Топот и шепот других игроков остался позади.

– А как мы узнаем, что дошли до центра? – поинтересовался Чарли.

– Там есть надгробие, – сообщил Фиделио. – Больше я ничего не знаю.

– Какое еще надгробие? Чье?

– Чарли! – вдруг воскликнул Фиделио в полный голос. – А ну замри! Что это с твоим плащом?!

– Что? – Чарли застыл как вкопанный и поспешно осмотрел свой плащ.

Плащ светился!

Синюю ткань пронизывали сверкающие бриллиантовые нити, так что она мерцала, будто яркое звездное небо.

– Это одна из моих теток сшила, – упавшим голосом сказал Чарли. – Но зачем ей понадобилось, чтобы он светился?

– Наверно, чтобы помочь кому-то выследить тебя в темноте, – озабоченно предположил Фиделио, – или поймать.

Чарли мгновенно сорвал плащ и швырнул наземь.

– Ну, так я им не дам! – решительно заявил он. – Лучше замерзнуть насмерть, чем попасться!

– Если станет совсем холодно, возьмишь мой, – сказал Фиделио.

На следующей развилке они свернули в коридор, который больше смахивал на тоннель: пришлось сгибаться чуть ли не пополам, чтобы не стукнуться головой о низкий потолок. От тесноты Чарли

почувствовал удушье. Он прибавил скорости и выбежал на какую-то круглую площадку. Посреди возвышались три статуи, но очертания их мальчик различил с большим трудом. До него дошло, что свечка в фонарике догорает. Чарли обернулся к тоннелю и позвал:

– Фиделио, ты только глянь!

Но ответа не последовало. Тогда Чарли сунулся обратно в тоннель. Темно. Фиделио исчез.

– Эй, выходи! Нашел время дурака валять! – крикнул Чарли и ринулся в тоннель. Свободной рукой он шарил по стенам и перед собой. Может, Фиделио упал? Или свернул в другой коридор?

– Фиделио! Фиделио! – Чарли звал в полный голос. На наказание ему уже было наплевать.

Но в ответ раздавалось лишь эхо.

А потом свечка в фонарике погасла.

Я так и знал, вдруг пронеслось в голове у Чарли. С самого начала знал, что этим кончится! Я же нарушил правила, как когда-то папа. Спас Эмму Толли, и теперь меня ждет кара. Но без боя я не сдамся – не на таковского напали, решил он.

Отбросив бесполезный фонарик, он на ощупь двинулся дальше по тоннелю. В какой-то момент Чарли, видимо, свернул в другой коридор, потому что воздух посвежел. Правда, он был не совсем свежим и отдавал прелой листвой и сырым камнем.

Чарли свернул за очередной угол, и тут впереди забрезжил свет. Едва веря своему счастью, он припустил вперед. Светился огонек фонарика, а сам фонарик стоял на огромном каменном надгробии. Из-за камня кто-то высунулся, и Чарли узнал белесую голову Билли Грифа. Свет фонарика отражался в толстых линзах его очков, и они стали похожи на парочку маленьких лун.

– Я ее нашел! Нашел! – пискнул Билли, трясая в воздухе сверкающей золотой медалью на цепочке.

– Молодчина! – поздравил его Чарли. – А я фонарик посеял. Можно я с тобой пойду, Билли?

– Медаль моя! – Билли испуганно ухватил свой фонарик и метнулся прочь.

– Да успокойся ты, я ее не отнимаю! Билли!

Но фигурка с фонариком уже скрылась. Чарли покрутил головой в полной темноте. Он понятия не имел, в какой из коридоров убежал

Билли. Поди угадай, если даже звука шагов и того не слышно.

А потом шаги все-таки послышались – мягкие, быстрые шаги. Шаги четырех лап. И хриплое дыхание какого-то бегущего зверя. Чарли, спотыкаясь, кинулся прочь, подальше от шагов четырехлапого, подальше от его зловонного дыхания.

... Тем временем Фиделио решил все-таки прекратить поиски Чарли. В конце концов, может, тот уже выбрался из лабиринта наружу? Тогда, в тоннеле, с Фиделио приключилось нечто странное: кто-то грубо пихнул его сквозь пролом в стене в другой коридор, но кто – он не видел. По дороге Фиделио спрашивал всех встречных игроков, не попадался ли им Чарли Бон, но тщетно. Потом кто-то сообщил ему, что медаль нашел Билли Гриф.

«Хм. Интересно, как ему это удалось?» – подивился Фиделио.

Похоже, из развалин в сад он вышел в числе последних.

– А Чарли Бон уже вышел? – поспешно спросил он Манфреда, который вычеркивал имена игроков из списка.

– Сто лет назад, – бросил Манфред.

– Точно?

– Разумеется, точно, – окрылся Манфред.

Фиделио бросился в академию, но все, кого он спрашивал, клялись, что Чарли до сих пор не появлялся.

– Что стряслось? – выпалила Оливия, едва заведя мрачного Фиделио.

– Чарли все еще в руинах, – сообщил он.

– Да ну! Уже времени-то сколько прошло! Говорят, все уже вышли.

– Не все. – И Фиделио поспешил в спальню.

Билли Гриф восседал на своей койке, окруженный кучкой мальчишек, восхищенно глазевших на золотую медаль, висевшую у него на шее.

– Чарли Бона не видели? – запыхавшись, выпалил Фиделио.

– Нет, – один за другим отвечали все. Билли просто помотал головой.

– Поздравляю, – поспешно сказал Фиделио, – я смотрю, ты выиграл.

Он рухнул на свою койку. Что же делать-то, а?!

Через полчаса раздалась команда: «Отбой через пять минут!»

Фиделио вылетел в коридор.

– Госпожа надзирательница! – окликнул он. – Чарли Бон так и не вернулся!

Но высокая женщина в накрахмаленной до хруста синей форме даже не обернулась.

– Надо же, – уронила она и двинулась дальше.

Фиделио в отчаянии запустил руки в волосы.

– Вам что, вообще все равно? – вскричал он.

Та и ухом не повела.

– Опаздываешь, – угрожающе бросила надзирательница Габриэлю Муару, который шмыгнул мимо нее по коридору.

– Извините, госпожа надзирательница, – пробормотал тот. – Слушай, ты представляешь, – обратился он к Фиделио, – я шатался по этим несчастным руинам не знаю сколько, возвращаюсь в академию, а меня – цап! – и засадили за уроки. – Тут Габриэль заглянул приятелю в лицо. – Что случилось?

– Чарли до сих пор в лабиринте, – еле выговорил Фиделио.

– Что?! – Габриэль в мгновение ока как будто стал выше и прямее. Серые глаза его блеснули, как холодная твердая сталь. – Так. Сейчас разберусь. – Он решительно зашагал обратно к выходу, прочь от спальни.

Фиделио потрусил за ним. Что это Габриэль задумал?

Но у лестницы Габриэль обернулся и велел:

– Возвращайся в спальню. Ты теперь ничем не сможешь.

– Я пойду с тобой, – заявил Фиделио, – Чарли мой друг.

– Не пойдешь, – отрезал Габриэль. – Тебе сейчас там не место. Это слишком опасно. Положись на нас. Мы справимся.

Говорил он уверенно и твердо, а взгляд у него был такой, что не ослушаешься. Фиделио попятился.

– Кто это мы? – недоуменно спросил он.

– Потомки Алого короля. – Ответив так, Габриэль ринулся вниз по лестнице.

Глава 20

БИТВА ОДАРЕННЫХ

– Ты куда это направляешься, мальчик? – гневно спросил мистер Палтри, увидев Габриэля, спешившего через холл. – Ты должен лежать в постели.

Габриэль даже не оглянулся. Он распахнул дверь, взлетел по другой лестнице и понесся по коридору, что вел в Королевскую комнату. Там было всего двое – Танкред и Лизандр, оба погруженные в чтение.

– Чарли Бон все еще в руинах! – выкрикнул Габриэль с порога.

Мальчики оторвались от книг.

– И еще там Манфред и Зелда, – добавил Фиделио.

– А Аза? – быстро спросил Лизандр.

– Думаю, он уже превратился, – отозвался Габриэль. – Он наверняка там.

– Тогда наше время пришло. – Лизандр встал.

Странное зрелище представляла собой эта троица, решительно шагавшая по академии, – темнокожий африканец, мальчик со вздыбленной соломенной шевелюрой, в которых простреливали молнии, и серьезный худой мальчик с длинным лицом. Плечом к плечу они целеустремленно миновали доктора Блура, запиравшего свой кабинет, доктора Солтуэзера, тащившего куда-то пюпитр, мистера Палтри, расставлявшего фонарики. И сколько взрослые ни кричали и ни топали на них ногами, мальчишки даже не замедлили шаг.

Они молча вышли в застывший сад и по хрустящей заиндевело́й траве направились к руинам.

А за спиной у них, на галерее, собралась целая толпа детей. То была ночь всеобщего неповиновения. Благодаря Оливии вся академия уже знала, что в руинах заплутал один из них, и вот, презрев правила и не слушая надзирательницу, дети вскакивали с постелей и, тревожно перешептываясь, спешили по коридорам, стекаясь на галерею.

Фиделио вместе с Оливией стоял у окна и всматривался в сад.

– Чувствуешь? – спросила она. Ледяной колючий ветер дул навстречу трем фигурам, решительно шагавшим к руинам, рвал с них

плащи, хлестал в лицо. Никто из троих не захватил фонаря, и, глянув в небо, Фиделио увидел, что черные тучи разошлись. Яркий свет полной луны посеребрил темный сад.

– Это дело рук Танкреда, – приглушенно объяснила Оливия. – Я разузнала. Танкред умеет вызывать ветер и даже бурю.

– А Лизандр? – тотчас спросил Фиделио.

– Про него точно никто не знает, – покачала головой девочка, – но говорят, у него особый дар. Вроде бы он умеет вызывать духов. А вот что я точно знаю – это что Аза может перекинуться, только когда стемнеет.

– Так вот, значит, кто это, – пробормотал Фиделио. Насчет способностей Манфреда ему уже все было известно, а про Зелду Добински поговаривали, что она владеет телекинезом. Может, она и людей умеет передвигать, а не только предметы?

... А в это время во тьме руин Чарли Бон съежился у стены. Мальчику было показалось, что ему удалось оторваться от четвероногого преследователя, но зверь опять настигал его. Чарли слышал, как брякают расшатанные камни под звериными лапами и как клацают когти. Зверь мчался к нему.

Чарли заставил себя выпрямиться. Он сделал шаг-другой вперед, и тут прямо перед ним с грохотом упало что-то тяжелое и твердое. Он едва успел отскочить. Потом наклонился и дрожащими руками нащупал рухнувшую статую. Чарли перебрался через неожиданное препятствие и крадучись двинулся вперед. Впереди что-то хрустнуло, и каменная верхушка фонтана плюхнулась в воду. Мощная волна ледяной воды сбила Чарли на пол, а потом на него посыпались камни – остатки разоренного фонтана.

Он перекатился на живот, закрыв голову руками.

«Не сдамся, не сдамся! Ни за что!» – бормотал Чарли себе под нос. Но сколько он сумеет продержаться? Враги слишком сильны. Неужели на помощь ему не придет никто, столь же сильный?

И вдруг, будто в ответ на его мысли, по лабиринту засвистел ветерок. Он крепчал с каждой секундой и вскоре превратился в воющий ветер, в вихрь, от которого содрогались камни. Этот ветер летел над городом, и вот уже под его порывами качнулся и загудел соборный колокол. Бомм, бомм, бомм – гулкий голос колокола точно бил сигнал тревоги. Чарли глянул вверх и увидел, что ветер разогнал

облака и на небе показалась луна. Яркий свет залил руины. Теперь и врагов, и препятствия будет видно издалека. Чарли заметил, что некоторые расшатанные камни прямо-таки ходуном ходят и вываливаются из стен, так что можно пробираться через эти новоявленные арки. Только вот куда?

Яростный рык зверя доносился как будто со всех сторон сразу. Чарли завертел головой, но зверь уже беззвучно выпрыгнул откуда-то из-за камня и стоял в каких-нибудь двух шагах от мальчика. Он сверкал желтыми глазами и щерил зубастую пасть.

Чарли замер. Все, сейчас прыгнет, и мне конец, пронеслось у него в голове. Но тут между ним и чудовищем скользнула какая-то призрачная тень. Чарли в изумлении различил очертания копья и щита. Потом из лунных лучей выплыла вторая фигура... третья... Призраки загнали чудовище в угол, и оно пронзительно завывало от ужаса.

Мальчик испуганно попятился от привидений, запнулся о замшелый камень и шлепнулся прямоком на терновый куст. Увидев, что добыча упала, чудовище ринулось было на Чарли, но два сверкающих острых копья тут же обрушились на уродливую голову зверя и едва не пробили его ощеренную морду. Тот разъяренно зарычал и сверкнул желтыми плошками глаз, не в силах добраться до Чарли, а потом отскочил, не смея приблизиться.

Чарли с трудом поднялся и, шатаясь, заковылял прочь. Он здорово расцарапал о шипы лицо и руки, так что губы стали солеными, а пальцы – липкими от крови. Потом он заметил, что дрожит крупной дрожью. Ноги начали заплетаться, а голова почему-то так кружилась, что думать не получалось совсем. «Надо поскорее выбраться отсюда, пока я не замерз насмерть», – пробормотал он себе под нос, отчаянно стуча зубами.

И тут о ноги Чарли потерлось что-то теплое. Он глянул вниз. Медно-рыжий кот Феникс, задрав хвост, слегка толкнул его под левую коленку. Справа возник Саламандр, а из-за ближайшей статуи выскользнул Везувий. Коты выстроились в кольцо и закружили у ног Чарли. мех их искрился, от кошачьих шубок поднималась волна тепла, и Чарли почувствовал, что согревается. Даже промокшая одежда на нем высохла.

Он ускорил шаг. Коты обогнали его и беззвучно полетели вперед, как одна огненная стрела, указывающая дорогу по запутанным

коридорам разрушенного замка.

Постепенно Чарли стали попадаться знакомые фонтаны и статуи. Правда, теперь многие из них обрушились, но фонтан в виде каменной рыбы был цел, и Чарли это почему-то подбодрило.

Наконец коты вывели его в тот самый мощный двор, откуда расходились пять коридоров. Ветер стих, и колокольный звон вдали смолк. Коты вспрыгнули на каменные сиденья и принялись деловито умываться.

– Вы разве со мной не пойдете? – спросил их Чарли.

Коты на секундочку оторвались от умывания и мурлыкнули.

– Все равно большущее спасибо, – поблагодарил Чарли.

Сквозь наружную арку он видел серебряную заиндевелую траву. Но кто или что поджидает его там, в саду? Неужели он все-таки спасся? Чарли помедлил, набрал в грудь воздуху и шагнул в сад.

Кто-то преградил ему дорогу.

– Привет, Чарли, – сказал Габриэль Муар. – Теперь ты в безопасности.

Чарли облегченно выдохнул. Голова у него закружилась, ноги подкосились. «Интересно, я что, в обморок падаю?» – успел подумать он, но тут его подхватили чьи-то могучие руки и над ним нависли встревоженные лица Танкреда и Лизандра.

– Ого! – вырвалось у Танкреда.

– Ты цел? – спросил Лизандр.

– Вроде да, – из последних сил отозвался Чарли. – Спасибо.

Сад устлали сломанные ветки и сучья, а снег смело в высоченные сугробы.

– Да тут была настоящая буря, – отметил он.

– И не только, – засмеялся Лизандр, – тут много чего было.

– Кое для кого даже слишком много, – добавил Танкред, заглушив своим хохотом смех друга.

Чарли разглядел две коленопреклоненные фигуры. Манфред! И Зелда.

– Пошли, – потеревил его Габриэль. – Кухарка там наготовила пир на весь мир.

– Пир? Ночью? – поразился Чарли. – А что, разве можно?

– Сегодня особая ночь, – веско сказал Лизандр, – сегодня можно все.

И они двинулись к зданию академии. Во многих окнах горел свет, а у входа теснилась целая толпа во главе с Оливией и Фиделио. Оба подскакивали, приплясывали и размахивали руками.

Чарли тоже помахал им.

– Смешные, правда?

– Фиделио нам сказал, что ты пропал, – объяснил Габриэль, – а не скажи он, ты бы, наверно, так и остался в развалинах.

Чарли содрогнулся.

Танкред отворил садовую дверь, и они шагнули напрямик в вопящую и галдящую толпу. Чарли чуть не оглох. Его засыпали вопросами:

– Как тебе удалось выбраться?

– Чарли, а что там было-то? Что было-то, а?

– Ты видел чудище?

– Почему ты заблудился?

– Дорогу, дорогу, – выкрикивал Лизандр, проталкиваясь сквозь толпу.

– Да ну, ребята, расступитесь же! – просил Танкред. – Дайте Чарли пройти!

Толпа послушно раздалась, и Чарли двинулся по узкому проходу. Со всех сторон глядели взбудораженные лица. Очутившись наконец в холле, он увидел, что на длинном столе, где раньше были фонарики, теперь красуется несметное множество блюд с бутербродами, пирожками, пышками и плюшками. Кухарка сутилась у стола, раздавая угощение.

– А-а, вот и почетный гость! – воскликнула она, завидев Чарли. – Совсем в ледышку превратился! Ну, что тебе положить?

Чарли пришел в замешательство. Глаза у него разбегались.

– Э... ну... – промямлил он, – не знаю даже...

– Всего, – вмешался Лизандр. – Ему положить всего – и побольше.

– «Все и побольше» кушать подано. – Кухарка нагрозила тарелку горой вкусностей.

Тут Чарли заметил, что Фиделио с Оливией пытаются пробиться сквозь толпу.

– А моим друзьям можно положить? – спросил он. – Они как раз...

– Нет. – Кухарка вручила ему тарелку. – Сначала этой троице. – Она кивнула на спасителей Чарли. – Ведь кабы не они, тебя бы тут вообще не было, верно?

– Э-э... пожалуй, что да. – Чарли покраснел. – Извините.

Кухарка подмигнула ему, а сама тем временем подала по тарелке снеди Габриэлю и Танкреду, которые по примеру Чарли попросили всего побольше, и Лизандру, который ограничился жареной картошкой.

Тем временем в холле появились преподаватели музыки и попытались разогнать толпу. Мистер Палтри был рассержен и на всех рявкал, а вот доктор Солтуэзер, кажется, радовался ночному безобразию не меньше учеников и, сгоняя детей к столу, как пастух – стадо, то и дело затягивал песню.

Мисс Кристалл тоже была здесь: она издалека улыбнулась Чарли и жестом показала ему «молодец!». Она помогала миссис Вальс не пускать в холл малышей, потому что к пиршеству были допущены только музыканты – кроме Танкреда и Лизандра.

И конечно, Оливии, которую, впрочем, официально никто не пускал, – просто она прибегла к своим актерским навыкам и просочилась в холл, надев синий плащ. Ей удалось провести всех учителей, и вот она уже мчалась к Чарли, торжественно неся две тарелки сосисок в тесте и плюшек.

– Взяла тебе добавки, – запыхавшись, похвасталась она. – Ой, бедняга, да ты же весь в синяках! А на голове-то что творится!

Чарли спохватился и пригладил непослушные волосы, в которых за время последних приключений скопилось столько веточек и листьев, что теперь его прическа и впрямь была как куст. Вообще-то Чарли уже насытился, но отказаться от приношения Оливии у него духу не хватало.

– Давай пополам, – предложил он. – А где ты раздобыла синий плащ?

– Позаимствовала у Билли, – объяснила девочка. – Он, бедняжка, слишком устал и остался в спальне. Кстати, знаешь, он ведь нашел медаль.

– Знаю-знаю, – кивнул Чарли.

Фиделио покосился на него и многозначительно поднял брови. Надо будет потом посоветоваться с ним насчет Билли, решил Чарли,

уплетая плюшки. Нужно обязательно разузнать, кто именно и как подчинил альбиноса своей воле.

– Не могу поверить, что весь этот пир затеяли только из-за меня, – с трудом произнес он сквозь непрожеванную плюшку.

– Это все кухарка расстаралась, – объяснил Фиделио. – Она если уж что решит, так ей все учителя скопом не помеха. Даже доктор Блур и тот ее не остановит. В прошлом году, помню, потерялся один мальчик. Его три дня искали, оказалось, он заблудился в старой части академии и в конце концов едва выбрался оттуда. Точнее, выполз через трещины в полу, весь в синяках и царапинах и облепленный паутиной. Некоторое время он даже разговаривать не мог. Так вот, кухарка устроила ради него ночной пир, и потом его отправили домой. Больше он не появлялся.

– Ничего удиви... – Чарли осекся, потому что садовая дверь распахнулась, и на пороге возникли доктор Блур с тетужкой Лукрецией. Они с усилием волочили за собой обвисшего, как тряпка, Манфреда. А тот начисто утратил весь свой грозный вид – голова у него безвольно свесилась на грудь, а страшные глаза были полуприкрыты. Тетужка Лукреция метнула в Чарли испепеляющий взгляд, и все трое скрылись в западном крыле.

Весь холл в полнейшем молчании наблюдал, как мистер Хек и еще один учитель протащили так же полуобморочно обвисшую Зелду Добински.

И хотя Зелду с Манфредом все боялись и недолгоблывали, но стоило детям увидеть их полумертвые лица – и веселье сразу же поутихло. Вскоре все начали разбредаться спать.

Когда Чарли, Фиделио и Габриэль вернулись в спальню, остальные мальчишки, казалось, спали, но со стороны койки Билли доносилось не то сопение, не то всхлипы. Чарли в темноте присел на краешек его постели.

– Билли! – позвал он. – Ты чего, реवेशь?

– Чарли, прости, что я тебя бросил в развалинах! – всхлипнул Билли. – Я ничего плохого не хотел!

– Да ладно тебе, – отозвался Чарли. – А вот Эмилию выдал именно ты, верно? Проговорился кому-то, что она проснулась. Зачем, Билли? А?

Молчание.

– Тебя что, заставили? Кто? – не унимался Чарли.

На этот раз Билли все-таки ответил, хотя и не сразу:

– Я просто хочу, чтобы у меня были мама и папа. Нельзя, да?

Чарли не знал, что и сказать.

На следующий день жизнь вошла в обычную колею. Разве что учителя проявляли больше сочувствия, чем им это обычно свойственно. Никто не бранил Чарли за зевки и рассеянность. А на английском он и вовсе задремал. Только мистера Палтри вчерашняя ночь не изменила ни на йоту – он, как всегда, взрывался по любому поводу и распекал всех.

Перед чаем к Чарли подлетел Фиделио, распираемый потрясающими известиями. В академию явился его брат, Феликс, – якобы чтобы отдать Фиделио починенную скрипку, но на самом деле поделиться новостями. Во внешнем мире произошло немало интересного.

– Эмма и мисс Ингльдю заперлись в книжном магазине и держат оборону, – вздохнул Фиделио, – и ни за что не хотят никого пускать. Луны к ним уже ломились, требовали, чтобы Эмма вернулась к ним. Кричали, мол, пленка доктора Толли – это еще не документ. И еще говорили, что, пока им не предоставят убедительных доказательств, они не поверят, что Эмма – дочка изобретателя.

Чарли в отчаянии запустил руки в волосы:

– Это что же получается – мы старались-старались, а теперь мисс Ингльдю не может оставить Эмму у себя?!

– Похоже на то. – Фиделио помрачнел. – Пока документы не найдены.

– Какие еще документы? – простонал Чарли.

– Ну, знаешь, всякие справки, удостоверения личности... Свидетельство о рождении, об удочерении – понял?

Чарли схватился за голову:

– Но ведь бумаги у них? Я имею в виду – у Блуоров! Наверняка где-нибудь припрятаны.

– Да уж конечно, – согласился Фиделио. – Припрятаны и перепрятаны. Нам остается только их найти.

Ужасная перспектива представилась Чарли: чтобы найти документы, придется облазить десятки пыльных чердаков и закоулков

академии. На это уйдет лет десять. И еще столько же придется просидеть под арестом, потому что их неминуемо застукают!

– Задача не из легких, – мрачно протянул он.

Но, как оказалось, Фиделио с Чарли никуда лазить и ничего искать не пришлось. Кое-кто постарался за них. Причем обошелся без экспедиций на чердаки, без арестов и паутины, но шуму наделал немало.

Через полчаса после отбоя академию огласили взрывы. То есть первый взрыв почти никто и не заметил. Фонарик над главным входом негромко сказал «дзынь», и на каменный пол с шелестом посыпались осколки. Второй взрыв вышел куда громче: одно из окон в западном крыле вдруг пошло трещинами, а потом разлетелось на куски, и куски эти звонко рухнули на каменные плиты двора.

Обитатели академии выскакивали из спален и ванных, роняя зубные щетки и полотенца, и мчались выяснить, в чем дело.

Чарли распахнул окно в спальне, и все мальчишки вывесились наружу. Посреди двора стоял высокий мужчина в длинном темном плаще и черных перчатках. Вокруг шеи у него было обмотано элегантное белое кашне, а черная шевелюра блестела, как полированный уголь.

– Ух ты!

– Это кто еще такой?

– Что это он делает?

Вокруг Чарли оживленно шушукались, соседние окна тоже распахивались, и из них тоже высовывались любопытные.

– Это мой дядя, – не удержался от гордой улыбки Чарли.

– Твой дядя?

– А чего он хочет?

– Это он окно кокнул?

– Как ему это удастся?

– На вид такой приличный джентльмен – и на тебе, окна бьет.

Шушуканье переросло в гул, и из коридора донеслась поступь и покрик надзирательницы:

– А ну закрыть все окна! Живо! Всем в постель! Отбой! Я тушу свет!

Кое-кто и впрямь разбежался по койкам, но большинство продолжало наблюдать за фигурой во дворе. Теперь дядя Патон

описывал неторопливые круги, глядя вверх, на гроздя детишек, облепившие окна. Заметив племянника, он приветственно улыбнулся. А Чарли затаил дыхание – он уже кончиками пальцев ощущал странное гудение не то жужжание, которое неизменно предвещало гибель очередной лампочки по воле дяди Патона.

– Блур! – вдруг воззвал дядя. – Ты знаешь, зачем я пришел. Впусти меня.

Обитые бронзой двери не шелохнулись. Шепот стих. Все ждали, что же теперь будет.

– Ах так! – взрычал дядя Патон. Он повернулся спиной к детям и устремил взор на окна личных апартаментов доктора Блура в западном крыле.

Бдынц! В одном из освещенных окон лопнуло стекло. Осколки посыпались во двор. Потом взорвалось еще одно окно. И еще. Каждый очередной взрыв оказывался громче предыдущего, а стеклянный град сыпался на каменные плиты двора с оглушительным звоном.

Чарли застыл у окна, разинув рот от изумления. Надо же, какой силищи у дяди дар! Вон, оказывается, что он может учинить, если как следует захочет!

– Юбим! – загудел голос доктора Блура из уцелевшего окна. – Немедленно прекратите, или я вызову полицию!

– Да что вы говорите? – крикнул в ответ дядя Патон. – Сомневаюсь! Здесь происходит слишком много такого, что вам ни к чему демонстрировать властям! А теперь верни мне документы Эммы Толли, Блур, пока я не переколотил все стекла в твоём обиталище.

Уцелевшее окно в западном крыле тотчас захлопнулось. Света в нем не горело, но через секунду соседнее окно постигла общая печальная участь. Затем дядя Патон развернулся к восточному крылу, в освещенных окнах которого сустились учителя – они никак не могли взять в толк, что взрывы происходят только там, где горят лампочки, и торопливо прибирались в классах.

Бац! Бам! Дзынь! Это лопнули три окна в лаборатории. И тут дело приняло серьезный оборот: в лаборатории что-то загорелось. Из окон повалил черный дым и едкая вонь горелых химикалий. Дети закашлялись.

– Перестаньте, Патон! Умоляю вас! – заклинал доктор Блур.

– Отдай документы! – требовал дядя Патон.

Но ответа не дождался.

И тогда во двор, заваленный осколками, посыпался разноцветный стеклянный дождь. Кто-то забыл погасить свет в часовне, и теперь от красивых витражей осталось одно воспоминание.

– Хорошо, хорошо! – жалобно взвизгнул доктор Блур.

Наступила тишина, и из уцелевшего окна в западном крыле выпорхнула пачка бумаг. Белые листы медленно кружили в воздухе, как гигантские шаловливые снежинки, и торжественно снижались во двор.

Дядя Патон, хрустя и скрипя ботинками по стеклу, кинулся ловить драгоценные документы, и из груди его вырвался смешок, который перерос в довольный смех, а потом в раскатистый, громовой, победоносный хохот.

Хохот был такой заразительный, что Чарли и остальные дети тоже присоединились к дяде Патону, и хохотали они так громко, что эхо от этого хохота раздавалось во дворе академии до самого Рождества.

Глава 21

САМАЯ ДЛИННАЯ НОЧЬ В ГОДУ

В газетах история с разбитыми окнами получила название «Таинственные взрывы в здании старинной школы». Если бы кто-нибудь даже и выведал правду, то все равно бы не поверил.

Дядя Патон отнес документы Эммы Толли мисс Ингльдю, и, получив доказательства того, что Эмилия Лун, без сомнения, и есть Эмма Толли, чета Лунов наконец сдалась и оставила девочку в покое. Собственно, они не слишком ее и любили, и было ясно, что не хватать им будет денег, а не Эммы. Ведь доктор Блур более чем щедро платил им за ее содержание.

Ясно было также, что подпись доктора Толли на отказе от отцовства подделана, но мисс Ингльдю было все равно. Она хотела лишь одного – вернуть племянницу, а Эмма ни о чем другом и не мечтала, как поселиться с тетей, в чудесном доме, битком набитом книгами.

Наутро после посещения дяди Патона двор академии Блура представлял собой душераздирающее зрелище. Каменные плиты совершенно исчезли под слоями стеклянных осколков. Сверкающие многоугольники, квадратики и звезды, алмазные клинья, блестящие разноцветные кусочки витражей – все это было присыпано сверху серебристым инеем и сияло на солнце.

Рабочие, которых вызвали прибраться, увидев масштабы разрушений, глазам своим не поверили. Они таращились то на стекла под ногами, то на пустые черные окна, задумчиво скребли в затылке и глубокомысленно кричали. Да что же такое творится в этой академии для вундеркиндов?

– Не, я бы своего пацана в эту школу не отдал, – заявил один из рабочих.

– И я тоже, – присоединился другой.

– Жуткое местечко, – подытожил третий. А в это время в доме номер девять по Филберт-стрит разгоряченная Мейзи стряпала рождественские пироги. Война между дядей Патоном и его сестрицами прекратилась. По крайней мере, на данный момент. Дядя

Патон выиграл сражение, но Чарли знал, что оно далеко не последнее. Дядя Патон наконец-то расправил плечи, и сестричек Юбим это нервировало. Рано или поздно они постараются сравнять счет.

Все выходные качалка у плиты пустовала. Бабушка Бон не показывалась. Чарли не видел старуху, но ощущал ее присутствие и знал, что она дуется и кипит у себя в душной комнатке, и вынашивает новые планы, и продумывает ответный удар. Но Чарли было все равно. Мне ничто не угрожает, думал он. Ведь у меня есть отличные друзья и замечательный дядя, который за меня горой. Чарли даже подумал, не купить ли бабушке Бон пару носков из козьего пуха на Рождество. Новые целые носки ей точно не помешают.

Когда мама заикнулась о том, чтобы забрать Чарли из академии (синяки и ссадины ее напугали), тот неожиданно для себя воспротивился.

— Мам, но я должен вернуться! — с жаром воскликнул он. — Вернуться, чтобы... ну, поддерживать равновесие.

Мама смотрела на него в недоумении.

— Я попробую тебе объяснить, — начал Чарли. — Понимаешь, я знаю, что в академии Блура происходят всякие гадости. Но хорошего там тоже много. И я вот думаю — я там нужен, чтобы... чтобы как-то помогать, если надо.

— Понятно, — вздохнула мама.

Лицо у нее было такое печальное, что Чарли ужасно захотелось ее утешить и рассказать, что, возможно, в один прекрасный день папа еще вернется. Но он решил держать язык за зубами. Обнадеживать маму пока рановато. Так что Чарли просто спросил, что ей подарить на Рождество.

— Ах, я совсем забыла! — воскликнула она вместо ответа. — Мисс Ингльдю устраивает праздник, и мы все званы. Праздник в честь Эммы. Правда, чудесно? — И она наконец-то заулыбалась.

Остаток четверти все участники нашей истории бурно занимались учебой. Кто репетировал пьесы, кто оттачивал адажио и аллегро, кто готовился к выставке. Музыка разносилась по всем закоулкам академии — аккорды рояля, грохот барабанов, пиликанье скрипок.

Манфред и Зелда поправлялись от того, что учинили над ними Танкред и Лизандр, целую неделю (что именно с ними произошло, осталось неизвестным). Зловещая парочка долго не могла прийти в

себя: Манфред не отрывал свой знаменитый взор от пола, а Зелда страдала такими мигренями, что и пенал не могла подвинуть. Только Аза вел себя как обычно. Никаких волчьих черт в нем не просматривалось, разве что глаза смотрели по-волчьи.

В последний день четверти театральное отделение представило на суд зрителей премьеру «Белоснежки». Мейзи и мама Чарли на премьеру явились, а дядя Патон воздержался – что-то подсказывало ему, что радостного приема он не встретит. Чарли был с этим полностью согласен.

Оливия играла злую мачеху, и была поистине великолепна. Глядя на нее, никто бы не подумал, что ей всего одиннадцать. Когда она вышла на поклон, зал приветствовал ее громовыми овациями.

Подбежав к Оливии попрощаться после спектакля, Чарли не смог протолкнуться сквозь плотное кольцо почитателей ее таланта. Но Оливия увидела, как он подпрыгивает и машет ей над толпой, и крикнула: «Увидимся на празднике, Чарли!»

Праздник в честь Эммы мисс Ингльдю устроила вечером самой длинной ночи в году – за три дня до Рождества. Чарли с мамой и бабушкой пришли последними, потому что Мейзи пять раз переменяла наряд, прежде чем остановила свой выбор на атласном розовато-лиловом платье в оборочках. Бабушку Бон, которая все так же сидела у себя и дулась, никто, разумеется, приглашать и не подумал.

Просто удивительно, сколько народу мисс Ингльдю умудрилась принять в крошечной гостиной за магазином! Тут был и Фиделио с громадным папой, сыпавшим прибаутками, и Оливия с блистательной мамой-киноактрисой. Прибыл и Бенджамин с родителями – и привел с собой бодрого и подлеченного Спринтера-Боба. С неизменным огненно-кошачьим шлейфом явился мистер Комшарр: коты, унюхав праздник и угощение, не пожелали остаться дома. В конце концов, они сыграли немалую роль в спасении Эммы!

На прилавке книжного магазина было расставлено великое множество бутылок, стаканов и блюд с лакомым угощением. Дядя Патон прошелся вдоль прилавка и наложил себе полную тарелку всего понемножку, а потом с необычайным блеском в глазах обратился к мисс Ингльдю:

- Джулия, дорогая моя, да вы готовите просто божественно!
- О, это просто скромная закуска, – покраснела та.

Уютную гостиную озаряло мигающее пламя десятков свечей: больших и малых, толстых и тонких. А лампочек-то ни одной, все вывернуты, заметил Чарли. Мисс Ингльдю решила не рисковать.

Через некоторое время юные участники праздника решили отколоться от старших и устроить свою собственную вечеринку непосредственно в книжном магазине: в гостиной деваться было некуда от оживленных болтающих взрослых. Так они и сделали, но незадолго до полуночи мисс Ингльдю позвала их обратно в гостиную — она намеревалась сказать небольшую речь.

Речь и впрямь вышла коротенькой. Мисс Ингльдю, блестя слезинками на ресницах, поблагодарила всех, кто помог ей вернуть домой племянницу.

— День, когда мистер Юбим... то есть Патон... привел ко мне Эмму, стал самым счастливым в моей жизни. — Сказав это, мисс Ингльдю всхлипнула и была вынуждена срочно присесть и высморкаться, потому что слезы у нее потекли ручьем.

Все зашумели, поздравляя мисс Ингльдю, а Эмма подбежала и обняла тетю. Минутное замешательство прервал мистер Комшарр: очень элегантный в своем жилете из искусственного меха, он проворно вскочил на стул и заявил, что для него было большой честью начать поиски Эммы и что он очень, очень гордится своими тремя котами.

Тут между кошачьей троицей и Спринтером-Бобом возникло легкое недоразумение, которое выражалось в приглушенном шипении и рычании, но далеко зайти не успело: мистер Комшарр сделал котам внушение.

Потом слово взяла Эмма Толли. Робкой, отстраненной Эмили Лун как не бывало, словно она призрачной фигурой явилась из невеселой сказки и исчезла. Теперь на макушке девочки подпрыгивал веселый белокурый хвостик, а на щеках играл взволнованный румянец.

— Я так счастлива! — взхлеб говорила она. — До сих пор никак не могу поверить, что я здесь. Честное слово, приходится все время себя щипать, чтобы убедиться, что все это взаправду. Я много чего хотела сказать, но прежде всего вот что: после Нового года я возвращаюсь в академию Блура.

Мисс Ингльдю вскинулась. Она даже привстала и начала было: «Нет...», но дядя Патон ласково успокоил ее.

– Простите меня, тетя Джулия, – продолжала Эмма. – Знаю, я говорила, что не вернусь туда, но... я передумала. Школа хорошая, а учитель по живописи мне достался просто дивный. И еще – ведь Фиделио и Оливия остаются в школе, и Чарли, конечно, тоже. И все они ничего не боятся, и потом... – Девочка заговорила тише, будто сама с собой. – И потом, там много... ну, там много других детей, которым я могу понадобиться. Вот поэтому я возвращаюсь. – Она широко улыбнулась. – А теперь всем-всем-всем, кто помог узнать мне, кто я на самом деле, – огромное спасибо! И особенно Чарли, потому что с него все началось.

– Да здравствует Чарли! – подняла бокал мисс Ингльдю.

– За Чарли! – Гости подняли бокалы, и где-то вдалеке часы начали отбивать полночь.

Чарли вздрогнул: он только теперь осознал, что все на него смотрят. Мысли его витали далеко – он думал еще кое о ком, кого погрузил в сон двенадцатый удар часов.

notes

Примечания

Шкаф со скелетами тут фигурирует не зря. Дело в том, что существует английское выражение «У каждого есть свои скелеты в шкафу», и означает оно какую-то страшную и тщательно скрываемую семейную тайну. А страшных семейных тайн в этой книге, как вы уже наверняка заметили, немало. – Здесь и далее примечание переводчика.

Чтобы читатель не чувствовал себя как Чарли, поясняем: в салат «Цезарь» входит куриное филе, острый сыр, майонез и зелень, а десерт а-ля Павлова, названный явно в честь воздушной русской балерины Анны Павловой, – это торт, украшенный фруктами и взбитыми сливками.

Газовым освещением в Европе и Америке пользовались до начала XX века, пока в широкое употребление не вошло электричество. Оно было очень ярким, но довольно опасным: газ часто взрывается и лишен запаха, так что им легко отравиться. Поэтому со временем в газ стали добавлять пропан, который пахнет резко и неприятно.